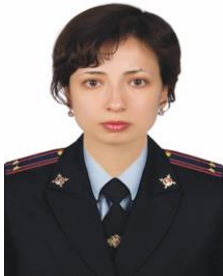

Научная статья

УДК 340.13

doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-9-13

АФЗАЛЕТДИНОВА ГУЛЬНАРА ХАСАНОВНА

Московский областной филиал

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ В МЕХАНИЗМЕ ДЕЙСТВИЯ ПРАВА

Аннотация. Свойство системности распространяется на составляющие право структурные элементы, одним из которых является механизм действия права. Последнему, как системному образованию, свойственны такие характеристики, как целостность, динамичность, эмерджентность, самосохранение, иерархичность, наличие прямых и обратных связей с внешней средой и внутрисистемные связи, которые недостаточно изучены в теории права и отраслевых юридических науках.

Целью исследования является исследование функциональных, структурных, генетических, генеалогических и других внутрисистемных связей и их влияние на системные свойства механизма действия права.

Функционально-структурная определенность механизма действия права как системы свидетельствует о его целостности, обособленности от внешней среды.

При написании статьи использовались общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция) и частнонаучные методы исследования. В статье акцентируется внимание на недостаточности изученности внутрисистемных связей в механизме действия права, определяющих функциональную и структурную целостность рассматриваемого механизма и детерминирующих системность в праве.

Автором использованы положения общей теории систем, определяющие отношения между целым (механизмом действия права) и частью (его подсистемами).

Ключевые слова и словосочетания: механизм действия права, системность в праве, подсистемы, часть и целое, внутрисистемные связи, функциональная целостность, структурная целостность

Для цитирования: Афзалетдинова Г.Х. К вопросу о системных связях в механизме действия права // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 9-13; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-9-13

AFZALETDINOVA GUL'NARA Kh.

Moscow regional branch

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

ON THE QUESTION OF SYSTEM RELATIONS IN THE MECHANISM OF LAW

Annotation. The property of systematicity extends to the structural elements that make up the law, one of which is the mechanism of action of the law. The latter, as a systemic formation, is characterized by such characteristics as integrity, dynamism, emergence, self-preservation, hierarchy, the presence of direct and reverse connections with the external environment and intra-system connections, which are not sufficiently studied in the theory of law and branch legal sciences.

The purpose of the study is to study functional, structural, genetic, genealogical and other intrasystem connections and their influence on the systemic properties of the mechanism of law.

The functional and structural certainty of the mechanism of action of law as a system indicates its integrity and isolation from the external environment.

When writing the article, general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction) and specific scientific research methods were used. The article focuses on the lack of knowledge of intrasystem connections in the mechanism of action of law, which determine the functional and structural integrity of the mechanism under consideration and determine the systematic nature of law.

The author used the provisions of the general theory of systems that define the relationship between the whole (the mechanism of action of law) and the part (its subsystems).

Key words and word combinations: mechanism of action of law, consistency in law, subsystems, part and whole, intra-system communications, functional integrity, structural integrity

For citation: Afzaletdinova G.Kh. On the question of system relations in the mechanism of law // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 9-13; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-9-13

Общеизвестно, что право представляет собой открытую динамическую систему. Свойство системности распространяется и на составляющие его структурные элементы, одним из которых является механизм действия права. Право, как и иные системные образования в различных областях социальной, природной, технической, биологической сферах, характеризуется такими свойствами, как целостность, динамичность, эмерджентность, оптимальность, самосохранение, иерархичность, наличием прямых и обратных связей с внешней средой (обществом) и внутрисистемными связями, определяющими иные качественные характеристики. Преобладающей методологией при исследовании механизма действия права является системная.

Системность как метод познания получает свое выражение при установлении корреляции внутрисистемных связей между структурными элементами механизма действия права – подсистемами, прямыми и обратными связями с внешней средой, социальными регуляторами, то есть системность рассматриваемого механизма проявляется через внутрисистемные связи и связь с внешней средой. Данный подход позволяет сделать акцент на таких свойствах, характерных для механизма действия права и других систем, как целостность, интеграция, устойчивая структура, позволяет соотнести его подсистемы как части и целое.

При рассмотрении механизма действия права с позиций системного подхода как наиболее полно раскрывающего его сущность, он включает в себя подсистемы, которые, в свою очередь, состоят из более мелких механизмов, соединенных между собой внутрисистемными связями. Справедливой представляется точка зрения профессора В.П. Малахова о выделении механизмов права, связанных с основными направлениями его действия, – механизмов нормирования, регуляции, принуждения и суда [5, с. 122]. Безусловно, перечисленные подсистемы механизма действия права, а также входящие в них более мелкие структурные элементы можно представить как части целого, которые и образуют систему, в том числе и посредством имеющихся иерархических внутрисистемных связей в механизме действия права. Стоит отметить, что внутрисистемные связи в целом «обделены вниманием» при рассмотрении различных проявлений правовой действительности с позиций системного подхода.

Пренебрежительное отношение ученых-правоведов к системным связям вообще и связям между структурными элементами рассматриваемого механизма не позволяет делать обоснованные выводы о критериях выделения самостоятельных подсистем (отдельных механизмов) в рамках анализируемой правовой конструкции, внутрисистемных коллизиях и рассогласованности, детерминации качественной составляющей и характера внутрисистемных связей на вышеуказанный процесс, обеспечения внутрисистемных связей системообразующей интенции.

В целях более полного теоретико-правового исследования внутрисистемных связей в механизме действия права, обратимся к результатам общей теории систем, где предложена следующая классификация связей: взаимодействия; порождения или генетические; преобразования; строения или структурные; функционирования; развития; управления [1, с. 255-260]. Безусловно, данные связи должны получить специфическое «преломление», с учетом особенностей изучаемой правовой конструкции.

Об относительной самостоятельности механизма действия права как системы свидетельствуют: устойчивость, способность к самоорганизации (это проявляется в механизме действия права гражданского общества, в групповом праве), наличие прямых и обратных связей с внешней средой, постоянного взаимодействия внутрисистемных связей и подсистем анализируемого механизма. В качестве внешней среды выступают иные правовые и социальные регуляторы, противоправные явления. О наличии адаптивности рассматриваемого правового механизма свидетельствует его приспособляемость к изменениям внешней среды без качественного изменения структурных элементов – частей системы.

Между подсистемами как наиболее крупными структурными элементами и входящими в них отдельными механизмами существуют функциональные взаимосвязи, которые обеспечивают сохранение механизма действия права как системы, неся на себе обеспечительную роль.

Таким образом, исследование конкретного объекта должно осуществляться параллельно в двух взаимосвязанных направлениях: 1) в рассмотрении объекта как системы (его строения, компонентов, внутренних связей); 2) в рассмотрении объекта как элемента системы высшего порядка. Соответственно, связи в системе высшего порядка будут определять характер взаимодействия системы с внешней средой [4, с. 38]. Это полностью применимо к механизму действия права.

Справедливым представляется мнение исследователей о предложении разграничивать структурную и функциональную целостность [2, с. 61]. Рассмотрение механизма действия права с позиции его структурной целостности позволяет нам сделать акцент на взаимообусловленности последнего как целого и его подсистем как частей, а также внутрисистемных связях, обеспечивающих целостность. Функциональная целостность анализируемого механизма проявляется вовне посредством основных направлений регулирующего воздействия на общественные отношения и обеспечивается благодаря функциональным связям. Характер общественных отношений, на которые осуществляется регулирующее воздействие механизма действия права, оказывает опосредованное влияние на последний, внося коррективы в содержание подсистем, функции и задачи системы. Особенность системных образований в правовой сфере выражается в том, что целостность исследуемого правового явления, и механизм действия права не исключение, предполагает его структурную и функциональную составляющие, функциональную проявленность относительно других правовых механизмов и конструкций.

Свойство структурности рассматриваемого механизма коррелирует с функциональным аспектом системы, поскольку подсистемы механизма имеют строго определенные функции, не дублирующие и не подменяющие друг друга, и благодаря последним анализируемое системное образование в праве приобретает свойства, не

сводимые к сумме свойств частей, качественно новое правовое состояние, логически обоснованную структуру, определяемую функциональным назначением и юридической природой. Между структурными элементами прослеживается взаимозависимость и взаимосвязанность, то есть структурные взаимосвязи. Функциональные связи (или связи функционирования) выражают взаимообусловленность между структурными элементами изучаемого механизма, детерминируя «включенность» в процесс действия права вслед за более мелкими структурными элементами более крупных механизмов и подсистем, обеспечивая определенную направленность механизма (системы).

Связи развития проявляются в механизме действия права при рассмотрении функциональных связей под определенным срезом, детерминированным изменением правовых состояний, сложностью сохранения прежних форм. Так, процессы цифровизации, искусственный интеллект, роботизация юридической деятельности, внедрение smart-контрактов и другое внесли существенные коррективы в функциональные межсистемные связи, которые приобретают следующую ступень функционирования на определенном этапе развития механизма, детерминантом явилось преобразование последних в связи развития. Установление места и роли каждого структурного элемента механизма действия права позволяет сформировать полное представление о рассматриваемом механизме в целом.

Связи взаимодействия в механизме действия права обеспечивают связь между элементами, относящимися, в том числе, к разным его подсистемам, тем самым анализируемое правовое явление обеспечивает свойство эмерджентности, самосохранения. Генетические связи в рассматриваемом механизме позволяют проследить процесс, в рамках которого из подсистем выделяются более мелкие механизмы, которые по мере своего развития могут изменять место в иерархии механизма.

Связи управления в зависимости от их конкретного вида могут образовывать разновидность либо функциональных связей, либо связей развития [1, с. 257]. Если мы наблюдаем качественное изменение состояний механизма действия права либо его структурных элементов, имеющих как объективную, так и субъективную природу, то связи управления проявляются посредством связей развития.

Связи преобразования находят своё выражение в прямых связях механизма действия права с внешней средой.

Подсистемы механизма действия права образуют целостное единство благодаря связям преобразования, взаимодействия, генетическим (порождения), связям развития, управления, функциональным и структурным связям. Определяющим является не видовое многообразие внутрисистемных связей, а их разнопорядковость, разноуровневость, которая и детерминирует то, что механизм действия права и право в целом являются открытой, сложной, динамичной системой, направленной на регулирование общественных отношений различного характера. Внутрисистемные связи в механизме действия права обеспечивают его свойства как системы. Внутрисистемные связи в рассматриваемом механизме детерминируют его структурно-логическое единство. Качественная характеристика внутрисистемных связей свидетельствует о системности в праве в целом.

Внутрисистемные связи в механизме действия права обеспечивают целостность, без которой сложно представить его системность и право в целом как систему. Характер внутрисистемных связей в механизме действия права оказывает существенную роль на выделение подсистем в качестве самостоятельных механизмов. Данный вопрос требует дальнейших исследований.

Преобладание системообразующих связей в механизме действия права позволяет объединить элементы и подсистемы (механизмы нормирования, регуляции, принуждения и суда), то есть части системы, и придать целостность рассматриваемому правовому образованию.

В процессе становления механизма действия права как системы в нем преобладали генеалогические связи, выражающие корреляцию между ценностями, которые выражало право, и объективной реальностью. Верно указано в монографии профессором Т.В. Кашаниной, что «связи между потребностями и ценностями правотворческих субъектов и характером правовых норм относятся к категории генеалогических» [3, с. 174]. По мере становления рассматриваемого механизма претерпевают изменения его структура и функции, что детерминирует «перенастройку» внутрисистемных связей.

Таким образом, характер взаимодействия структурных элементов, преобладающие правовые связи между последними детерминируют не только выделение самостоятельных механизмов (подсистем) как более высокого уровня, но и определяют эффективность правового регулирования общественных отношений в целом.

Сделаем ряд основных выводов по результатам исследования внутрисистемных связей в механизме действия права:

- свойство системности распространяется и на составляющие право структурные элементы, одним из которых является механизм действия права;
- характер внутрисистемных связей между структурными элементами рассматриваемого механизма влияет на критерии выделения самостоятельных подсистем (отдельных механизмов);
- внутрисистемные связи в рассматриваемом механизме детерминируют его структурно-логическое единство и целостность;
- системность рассматриваемого механизма проявляется через внутрисистемные связи и связь с внешней средой;
- качественная характеристика внутрисистемных связей свидетельствует о системности в праве в целом;
- внутрисистемные связи в механизме действия права обеспечивают его свойства как системы;
- целостность анализируемого механизма как системы складывается из структурных и функциональных связей (составляющих), которые коррелируют между собой;
- системообразующие связи в механизме действия права позволяют объединить его элементы и подсистемы как части и придать целостность правовому механизму как системе;
- в анализируемом механизме выделены следующие внутрисистемные связи: функциональные, структурные, генетические, генеалогические, связи преобразования, взаимодействия, развития, отмечены их особенности, роль в обеспечении такого свойства механизма действия права, как системность, а также прямые и обратные связи с внешней средой.

1. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997.
2. Валькман Ю. О целостности образа: доформальное исследование // Information models of knowledge. – Kiev, Ukraine-Sofia, Bulgaria, 2010.
3. Кашанина Т.В. Структура права: монография. – М.: Проспект, 2020.
4. Кулапов В.Л. Основные принципы функционального подхода при исследовании государственно-правовых явлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145).
5. Малахов В.П. Общая теория права и государства: курс лекций. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018.

Информация об авторе:

About the author:

Афзалетдинова Г.Х., старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности полиции, кандидат юридических наук *G.Kh. Afzaletdinova, senior lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police, candidate of legal sciences*

Статья поступила в редакцию 3.10.2023

МЕЛЕНТЬЕВ АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ¹

melentev@mirea.ru

ДЖИНДЖОЛИЯ РАУЛЬ СЕРГЕЕВИЧ²

draul1@yandex.ru

---

^{1,2} МИРЭА - Российский технологический университет
(Москва, Россия)

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ: ЗНАЧЕНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В современном мире практически во всех областях деятельности людей широко применяются информационные и коммуникационные технологии. В судопроизводстве еще в 80-х годах началось внедрение информационных технологий, а на сегодняшний день уже создано электронное правосудие. В Российской Федерации эта возможность появилась 1 января 2017 г., за пять лет вопросу электронного правосудия посвящено довольно много работ отечественных и зарубежных ученых. Тем не менее, несмотря на значительный объем исследований по данной теме, не все аспекты этой проблемы достаточно разработаны. Необходимо уделить серьезное внимание анализу современных проблем развития электронного правосудия и перспектив его совершенствования в Российской Федерации.

Так, в настоящее время электронное правосудие только начинает свое становление. В России и за рубежом появляются новые сервисы, целью которых является упрощение процесса судопроизводства, решение возникающих проблем, которые влияют на развитие электронного правосудия. Наличие проблем использования электронного правосудия и отсутствие достаточной информации в этой сфере обуславливают актуальность рассматриваемой в работе темы.

Ключевые слова и словосочетания: правосудие, электронное правосудие, электронные документы, судопроизводство

Для цитирования: Мелентьев А.В., Джинджолия Р.С. Электронное правосудие в России: значение, перспективы развития и совершенствования // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 14-27; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-14-27

MELENTEV ANDREY V.¹

DZHINDZHOLIYA RAUL S.²

^{1,2} MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation)

**ELECTRONIC JUSTICE IN RUSSIA: SIGNIFICANCE, PROSPECTS FOR
DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT**

Annotation. In the modern world, information and communication technologies are widely used in almost all areas of human activity. In legal proceedings, the introduction of information technology began in the 80s, and today electronic justice has already been created. In the Russian Federation, this opportunity appeared on January 1, 2017; over five years, quite a lot of work by domestic and foreign scientists has been devoted to it. However, despite a significant amount of research on the topic of e-justice, not all aspects of this problem are sufficiently developed. It is necessary to pay serious attention to the analysis of modern problems in the development of electronic justice and the prospects for its improvement in the Russian Federation.

Thus, at present, electronic justice is just beginning its development. New services are appearing in Russia and abroad, the purpose of which is to simplify the legal process and solve emerging problems that affect the development of electronic justice. The presence of problems in the use of electronic justice and the lack of sufficient information in this area determine the relevance of the topic considered in the work.

Key words and word combinations: justice, electronic justice, electronic documents, legal proceedings

For citation: Melentev A.V., Dzhindzholiya R.S. *Electronic justice in Russia: significance, prospects for development and improvement* // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – № 4(68). – С. 14-27; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-14-27

В современном мире практически на все сферы деятельности людей влияют информационно-коммуникационные технологии, в том числе они оказали свое влияние и на процесс судопроизводства, вследствие чего возник новый комплексный правовой институт – электронное правосудие. На сегодняшний день элементы электронного правосудия применяются во всех видах судопроизводства в Российской Федерации.

Само понятие «электронное правосудие» появилось относительно недавно, в связи с чем остается довольно сложным в содержательном плане, поэтому представляется интересным проанализировать различные определения электронного правосудия в работах современных научных ученых.

Исследователи данной темы отмечают, что о понятии «электронное правосудие» стоит говорить в широком и узком смыслах. Так, С.В. Романенковой был проведен глубокий анализ данного понятия, а впоследствии сформулированы два определения этого феномена [1, с. 26].

Определения, данные С. В. Романенковой, довольно часто фигурируют в работах ученых, посвященных этой теме. Также в работах отечественных ученых закрепилось определение электронного правосудия как способа осуществления правосудия, основанного на использовании информационных технологий в процессе производства процессуальных действий, предложенное Н.Н. Телешиной [2, с. 44-50].

Обратимся к зарубежному пониманию сущности электронного правосудия. В зарубежных странах электронное правосудие представляет собой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения дел, который полностью опосредуется электронной формой закрепления процессуальной информации по делу и взаимодействия участников процесса.

В российских нормативных правовых актах электронное правосудие рассматривается как информационный термин, под которым понимается способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанные на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде.

Таким образом, в отечественном определении электронного правосудия в отличие от зарубежного не подразумевается обязательность автоматизации и осуществления в электронной форме всех процессуальных действий, которые совершаются судом и участниками процесса, а только предполагается данная возможность для тех

процессуальных действий, для которых имеется соответствующая нормативно-правовая и материально-техническая основа.

Для определения роли электронного правосудия в отечественной действительности необходимо обратиться к Концепции развития информатизации судов до 2020 года (утв. постановлением Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439 [3]), которая направлена в том числе на формирование единого информационного пространства, что становится возможным осуществить с помощью развития и модернизации государственной автоматизированной системы (ГАС) «Правосудие». Именно электронное правосудие занимает центральное место в едином информационном правовом пространстве. Получается, что это создание единой информационно-телекоммуникационной сети, предназначенной для функционирования системы управления движением и учета судебных дел, а также для формирования доказательств в электронном виде и их исследования в судебном разбирательстве.

Система ГАС «Правосудие», действующая в Российской Федерации, в настоящее время позволяет заинтересованным лицам подать иск и пакет документов в российские суды в электронном виде, предоставляя возможность отслеживать ход дела в режиме онлайн. Электронное правосудие позволяет снизить трудовые, временные и финансово-экономические затраты благодаря использованию цифровых технологий. Информатизация судебных систем определенно ведет к повышению уровня доступности правосудия, а также к созданию цифровой среды доверия между государством и населением.

Таким образом, электронное правосудие является перспективным направлением в отечественном судопроизводстве, которое позволяет существенно снизить издержки, избавив аппарат суда от рутинных действий, требующих большого количества времени.

Основные принципы, цели и задачи внедрения и использования информационно-коммуникационных технологий в органах государственной власти были определены в концепциях и программах Правительства Российской Федерации.

Основополагающей стала федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2002-2006 годы» [4], принятая 20 ноября 2001 г. В дальнейшем ее сменили программа развития на 2007-2012 гг. [5], а позже федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» [6]. Одной из целей программы «Развитие судебной системы России на 2002-2006 годы» была создание необходимых условий для осуществления правосудия, а проблемой были названы низкий доступ к информации о деятельности государственных органов и низкий уровень исполнения судебных решений.

В 2002 году была принята федеральная целевая программа «Электронная Россия». Согласно программе, в Российской Федерации с 2002 года осуществляется построение системы электронного государства. Важно также отметить, что концепция электронного государства предусматривает как переход к электронному правительству, так и становление электронного правосудия.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее –АПК РФ) содержит несколько статей, касающихся электронного правосудия.

Так, согласно ст. 15 АПК «Судебные акты арбитражного суда, Верховного Суда Российской Федерации», судебный акт, за исключением акта, содержащего сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, если дело рассмотрено в закрытом судебном заседании, может быть выполнен в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. В случае, если судебный акт принят судом коллегиально, он подписывается всеми судьями, рассматривавшими дело, усиленной квалифицированной электронной подписью.

Статьей 41 АПК «Права и обязанности лиц, участвующих в деле», закрепляется право представления в арбитражный суд документов в электронном виде, в том числе в

форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 121 АПК «Судебные извещения» закрепляет право арбитражного суда в нетерпящих отлагательства случаях извещать или вызывать участников процесса и направлять копии судебного акта по электронной почте либо с использованием иных средств связи. Помимо этого, согласно данной статье, арбитражный суд обязан размещать информацию о принятии обращения к производству, о времени и месте судебного заседания или совершении другого процессуального действия на официальном сайте в сети Интернет не позднее, чем за пятнадцать дней.

К тому же все документы стало возможным подавать в электронном формате, при этом необходимо подписать их усиленной квалифицированной электронной подписью.

С 2010 года, согласно ст. 153.1 АПК «Участие в судебном заседании путем использования систем «видеоконференцсвязи», стало возможным участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи при условии заявления ходатайства об этом и при наличии в соответствующих арбитражных судах технической возможности осуществления видеоконференцсвязи. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации содержит наибольшее на данный момент количество норм, связанных с электронным правосудием.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее –УПК РФ) также есть ряд статей, посвященных электронному правосудию, например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [7] закрепляет право лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, участвовать в заседании суда апелляционной инстанции непосредственно либо изложить свою позицию путем использования систем видеоконференцсвязи при условии заявления им о своем желании присутствовать при рассмотрении жалобы или представления на постановление суда.

В Гражданско-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее –ГПК РФ) в ст. 131 «Форма и содержание искового заявления» указывается, что в исковом заявлении могут быть указаны адреса электронной почты некоторых участников судебного процесса (истца, его представителя, ответчика). Также возможно указать адреса электронной почты в ходатайстве о принудительном исполнении решения иностранного суда, заявлении об отмене решения третейского суда, заявлении о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [8] также регулирует электронное правосудие в Российской Федерации. Например, согласно данному ФЗ, суды для размещения информации о своей деятельности должны использовать сеть Интернет, создать свои официальные сайты с указанием адресов электронной почты, по которым может быть направлен запрос. Также тексты судебных актов, подлежащих в соответствии с законом опубликованию, размещаются в сети Интернет в полном объеме и т.д.

Согласно Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [9] граждане могут обращаться не только в письменной или устной форме, но и в форме электронного документа; гражданин имеет право представлять дополнительные документы и материалы в электронной форме; обращение, поступившее в электронной форме, подлежит рассмотрению в установленном законом порядке и т.д.

Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ [10] регулирует отношения в области использования электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, при совершении иных юридически значимых действий. Согласно данному ФЗ, электронная подпись – информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой

информации) или иным образом связана с такой информацией, и которая используется для определения лица, подписывающего информацию».

В целях создания организационных и технологических условий для внедрения электронного правосудия в деятельность судов Судебным департаментом разработана Концепция развития информатизации судов до 2020 года (утв. постановлением Президиума Совета судей Российской Федерации от 19 февраля 2015 г. № 439), предусматривающая мероприятия по доработке в рамках развития ГАС «Правосудие» специального программного обеспечения, которое позволяет применять юридические значимые электронные документы в деятельности судов и организовать межведомственное электронное взаимодействие.

Таким образом, наиболее всего в этой сфере развито именно арбитражное законодательство. С каждым годом предлагаются новые нормативные правовые акты, нацеленные на урегулирование электронного правосудия и решение возникающих в его использовании проблем. Достаточная законодательная база и регулярные нововведения позволяют постепенно всем судам переходить на современные сервисы электронного правосудия, что упрощает процесс судопроизводства как для работников судов, так и для граждан.

Благодаря информационному развитию общества все большее распространение получает использование в бизнесе и в других сферах электронных документов, электронных подписей, дистанционного участия в различных мероприятиях и т.д. Все это требует, соответственно, совершенствования судебной системы. Системы электронного правосудия позволяют минимизировать трудовые и временные задержки, делают более доступным осуществление правосудия для граждан, но на сегодняшний день только малая часть стран активно применяет все инструменты, которые предоставляет электронное правосудие. Для масштабирования данного процесса необходимы: достаточная нормативно-правовая база, готовность и образованность граждан, развитие ИТ-технологий на национальном уровне.

По мнению Совета Европы, электронное правосудие должно обеспечить удобный доступ к правовой и судебной информации для общественности, в том числе и для представителей бизнеса, а также практикующих юристов, судебной власти, при этом обеспечивая соблюдение и уважение прав и свобод граждан.

Первой страной, которая решила перенести часть правовой документации в электронный вид, стала *Америка*. В 1971 году была запущена справочная система JURIS, которая показала на своем примере, что в электронном формате можно хранить практически все [11]. Но спустя несколько лет Министерство финансов США заявило о высоких затратах на обслуживание данной системы, и впоследствии было принято решение о передаче данной системы частному бизнесу, из-за чего развитие электронного правосудия отложилось на два десятилетия. В конце 1980-х годов в США началось пробное внедрение системы открытого доступа к судебным электронным записям Public Access to Court Electronic Records (PACER). Сейчас эта система является одним из двух основных элементов государственного электронного правосудия Соединенных Штатов, она позволяет ознакомиться с реестром принятых решений, узнать о ходе рассмотрения своего дела и о датах назначенных заседаний. Для подачи документов в суды с 2004 года на федеральном уровне используется система Case Management/Electronic Case Files. Интересно то, как в США решили стимулировать переход на электронный документооборот: если заявитель решил подать документы в бумажной, а не в электронной форме, то он и адвокаты должны обосновать отказ от использования CM/ECF, что создает сложности.

Другой страной, которая также внедрила в судопроизводство электронное правосудие, является *Канада*. В 1993 году национальной программой стала E-filing (система, используемая Налоговым управлением Канады в качестве средства электронной передачи налоговых деклараций). Также с помощью этой системы можно

подать документы в суд. Посмотреть решения по закрытым делам возможно на сайте местной некоммерческой (и негосударственной) организации – Канадского института правовой информации (CanadianLegalInformationInstitute). Свои сложности вносят отличия в работе судов разных провинций и юрисдикций, у которых есть свои настройки и собственные системы подачи документов, что усложняет использование таких систем для обычных граждан.

В 2015 году в *Великобритании* была внедрена инновационная система Digital Case System, которая используется в судах Англии и Уэльса. На данный момент она предполагает только делопроизводство в электронном и бумажном форматах, но постепенно развивается.

В странах Европы также развивается электронное правосудие. Так, в *Италии* постепенно отказываются от бумажных носителей, заменяя их на электронные. Электронная система гражданского судопроизводства в этой стране была запущена еще в 2005 году. Есть возможность онлайн-консультаций по информации и делам, которые относятся к гражданскому судопроизводству, электронного заполнения документов и т.д.

Наиболее успешный опыт внедрения электронного правосудия в Европе отмечается в *Германии*. Предполагается, что с 1 января 2026 г. суды перейдут на ведение дел в электронном виде. Возможность ведения в немецких судах электронных дел впервые была установлена в 2005 году Законом «Об использовании электронных форм коммуникации в сфере юстиции» [12, с. 433-447]. К настоящему моменту подача документов, их обработка и вынесение решения происходят в электронном формате.

В *Австралии* заключенные могут принимать участие в заседании с помощью видеоконференции.

В *Сингапуре* с 1997 года в стране действует Electronic Filing System (Электронная система обращения в суд), а с 2000 года она была признана обязательной для гражданских процессов, что привело к значительной экономии как денежных, так и временных ресурсов. В ходе разбирательств преимущественно используются документы на электронных носителях, а также возможно участие с помощью видеоконференций.

Таким образом, многие страны стремятся к переходу к электронному правосудию, но при этом практически никто не создал единую систему, которая смогла бы развернуться на общенациональном уровне. После рассмотрения основных аспектов электронного правосудия в России и иностранных государствах можно сделать вывод о необходимости решения всех возникающих проблем, связанных с электронным правосудием, а также о перспективах развития данной системы в России с целью ее совершенствования и упрощения использования.

В современном мире уже достаточно большое количество российских и зарубежных судов используют в своей работе различные элементы электронного правосудия: электронная подача документов, видеоконференцсвязь, мобильный комплекс защиты свидетелей, оспаривание решений дистанционно и др. Пандемия коронавирусной инфекции позволила обнаружить ряд проблем, которые возникали в системе электронного правосудия, и принять меры к их разрешению, но существуют иные проблемы использования электронного правосудия, о которых необходимо упомянуть.

Цифровизация правосудия определенно несет в себе не только преимущества (например, электронная регистрация заявлений, подача исков, запрос информации о ходе производства онлайн), но и трудности [13, с. 15-21].

Во-первых, электронное правосудие в Российской Федерации, согласно законодательству, реализуется только при наличии технических возможностей в соответствующем виде. Так, в крупных городах практически все суды обладают системой видео-конференц-связи, но в отдаленных регионах не во всех судах есть возможность участия одного из участников процесса в судебном заседании через видео-конференц-связь, что безусловно говорит о необходимости оснащения всех судов в

Российской Федерации техническим оборудованием, позволяющим реализовывать электронное правосудие.

Во-вторых, на практике возникает следующая проблема: при обращении в суд в электронной форме и в рамках допроцессуального технического этапа, в случае отклонении работником поступившего обращения, заявитель не может обжаловать такое решение. При этом, в случае обращения в суд в бумажной форме, при отказе заявитель может воспользоваться институтом частной жалобы и оспорить решение, принятое сотрудником. Необходимо предоставить такую функцию тем заявителям, у которых есть возможность обратиться в суд только в электронном формате, чтобы уравнивать возможности граждан.

В-третьих, стоит также упомянуть недостаточную нормативно-правовую регламентацию процессов, которые возникают при использовании системы электронного правосудия. На государственном уровне уже есть целевые программы по цифровизации этих процессов в обществе, но нет федеральных законов, закрепляющих трансформацию судебной системы, например. Необходимо рассмотрение электронного правосудия в комплексе, его сопоставление с традиционным правосудием с целью уравнивания на законодательном уровне обеих систем, что упростит работу как юристов, так и работников судов.

В-четвертых, на практике отмечается недостаточно отлаженный процесс взаимодействия судов между собой, в связи с чем возникают проблемы при поиске документов и иной информации, которая важна для судопроизводства. Необходимо создание единой системы эффективного взаимодействия судов между собой, например создание единой системы баз данных, единого портала и сервисов.

В-пятых, хотелось также упомянуть проблему информационного неравенства, которая заключается в ограничении возможностей использования электронного правосудия социальными группами, не имеющими доступа к современным средствам коммуникации, в связи с чем необходима, например, установка в общедоступных местах специализированных устройств, которые позволят гражданам при необходимости воспользоваться электронным правосудием бесплатно.

В-шестых, также отмечается такая проблема, как недостаточная защищенность данных и возможные сбои оборудования. Техническая составляющая является важнейшим условием корректного и эффективного для граждан и судов функционирования электронного правосудия. В регионах суды оснащены на разном уровне, о чем уже упоминалось, но в некоторых случаях такой разрыв может быть критичен. Необходима мощная защита данных пользователей систем электронного правосудия, а также оснащение всех судов необходимым оборудованием для работы.

Важной проблемой является недостаточный уровень подготовки юридических кадров. Во многих вузах и сузах юристов готовят только как гуманитарных специалистов, но в современном цифровом обществе представляется необходимым знание хотя бы ряда информационных дисциплин, чтобы юристы имели навык для составления грамотных технических заданий, возможность использования полного функционала судебных систем, а также понимание инструментов, которые могут облегчить жизнь как граждан, так и работников судов. Это также говорит о необходимости повышения информационно-правовой грамотности населения, за счет чего большее количество граждан узнает о системе электронного правосудия, а также будет понимать основные принципы ее использования, что впоследствии приведет к ее масштабированию [14, с. 12-14].

Таким образом, необходимо принятие мер для решения проблем электронного правосудия, что сделает применение элементов электронного правосудия доступным практически для каждого гражданина, повлечет исключение потери ряда документов, которые играют важную роль для разрешения судебного дела, ускорит процесс судопроизводства и упростит контроль за ходом судебного разбирательства.

Для более полной разработки проблемы необходимо провести сравнительный анализ российской и зарубежных систем подачи электронных документов. Наибольший интерес в ходе исследования вызвали американская, немецкая и сингапурская системы. США. *Pacer*:

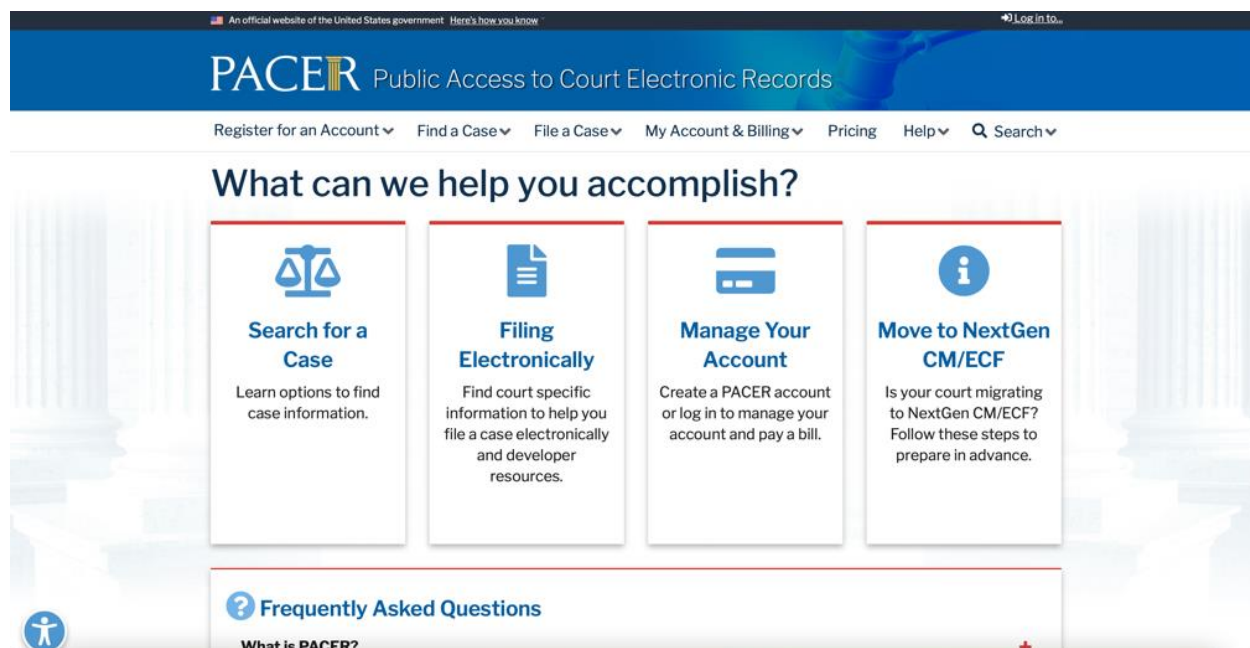

рис. 1. Сайт PACER

Для регистрации в американской системе электронного правосудия PACER на сайте предлагается регистрация учетной записи. Она дает право на поиск в общенациональном указателе записей федеральных судов с помощью PACER Case Locator, а также на поиск конкретного дела в федеральном суде, где оно подано. Регистрация бесплатна, но за доступ к судебным записям взимается плата в размере \$0,08 за страницу. Причем для мгновенного доступа к судебным записям необходимо предоставление кредитной карты, в обратном случае токен для активации отправляется по почте США в течение 7-10 дней.

Для того, чтобы подать документы, используется система CM/ECF (Управление делами/Электронные дела), которая находится на том же сайте. Она дает возможность судам вести электронные дела и предлагать электронную подачу онлайн. Для судов доступны две версии: CM/ECF - NextGen или CurrentGen. Для использования системы подачи документов необходимы логин и пароль, которые выдает суд.

Документы подаются в формате PDF, черно-белого цвета, максимально допустимый размер документа необходимо узнавать на сайте, так как у разных судов они отличаются. Также есть вкладка с FAQ для частых вопросов.

Сингапур. *Elitigation*:

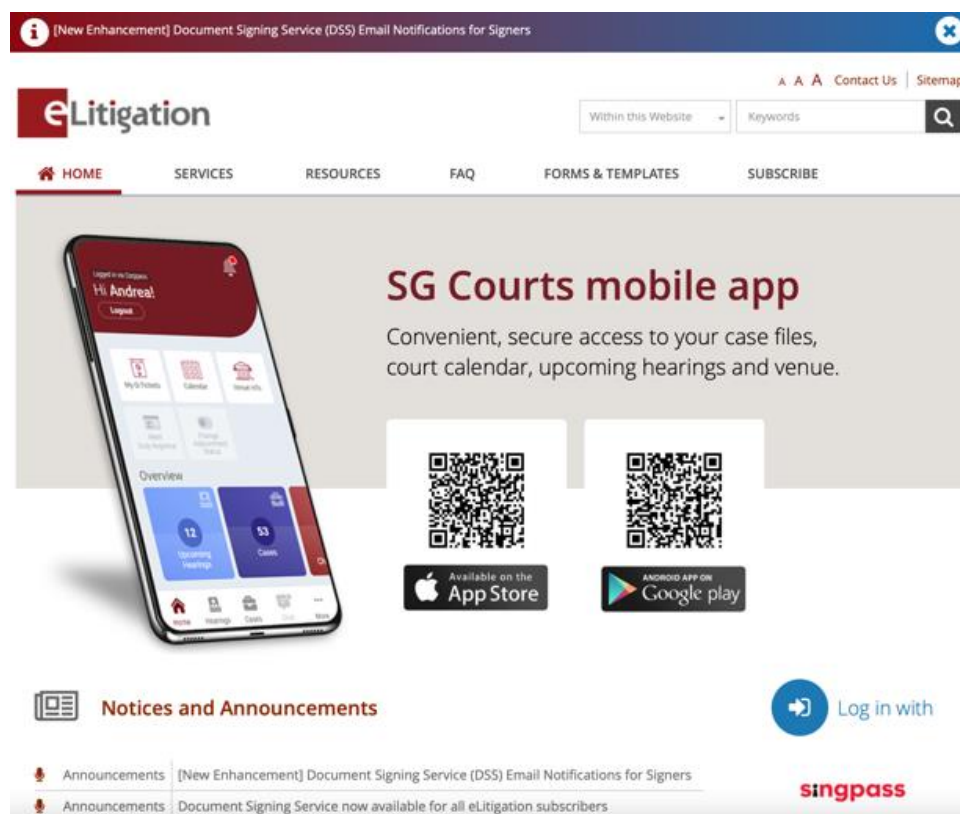

рис. 2. Сайт eLitigation

Зарегистрироваться на сайте eLitigation могут только юридические фирмы, которые имеют лицензию от Управления по регулированию юридических услуг (LSRA) и отдельных государственных учреждений в Сингапуре. Таким образом, обычные граждане не могут зарегистрироваться на сайте. Также неюридические фирмы, которые хотят подать судебные документы в электронном виде, могут выбрать юридическую фирму для оказания помощи в подаче или могут подать документы в электронном виде в сервисных бюро CrimsonLogic.

Система также предоставляет функции и сопутствующие услуги, которые оптимизируют судебный процесс, тем самым помогая повысить эффективность и расширить доступ к правосудию. Сайт предоставляет различные платные услуги, регистрация также платная. В табл. 1 приведен перечень услуг, которыми могут воспользоваться пользователи сайта.

Таблица 1

Услуги и сборы eLitigation

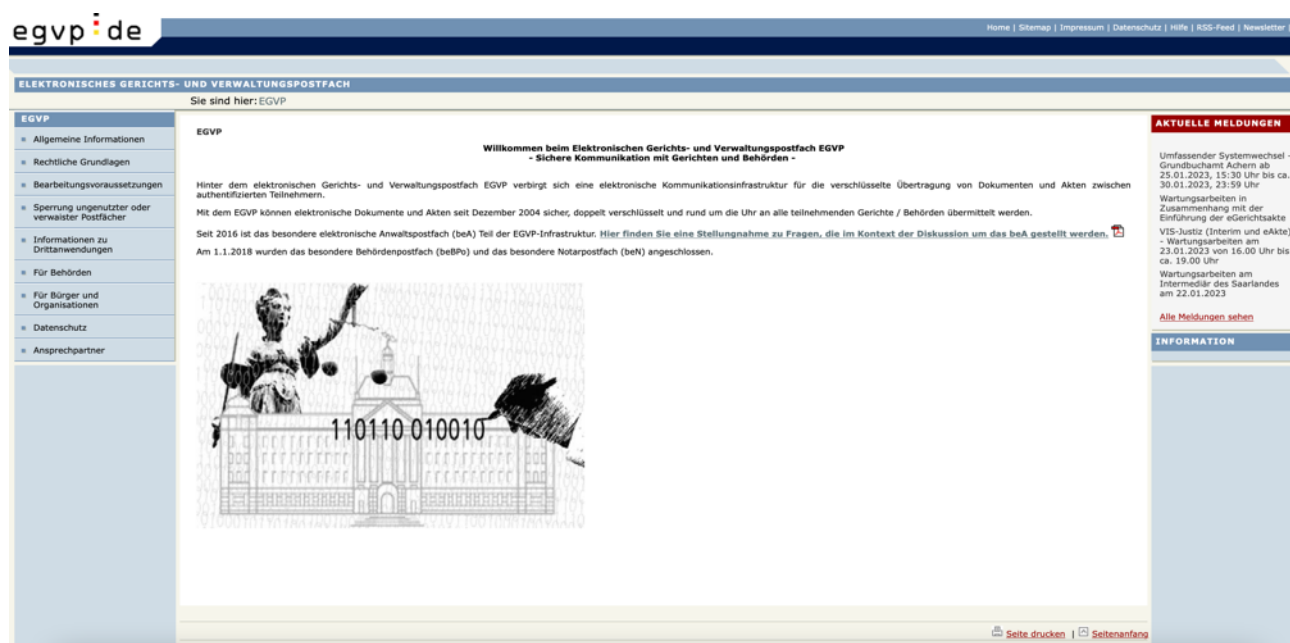
Услуга	Стоимость расчитывается	(\$)
Сборы за судебные документы	По документу	-
(a) Плата за трансмиссию	на одну страницу	\$0,80
(b) Плата за передачу (для пакета документов и письменных материалов)	на одну страницу	\$0,60

Услуга	Стоимость расчитывается	(\$)
Плата за обработку	по документу	4,00\$
Срочные сборы за подачу заявки (приоритетный сбор)	по документу	16%
Административный сбор суда	по документу	5,00\$
		25,00\$
Электронная служба документов	по документу по стороне	2,00\$

Загрузить документы на сайте возможно с помощью функции «Загрузка файла». Она позволяет администраторам юридических фирм загружать информацию о деле, информацию о слушаниях и платежную информацию в формате XML отдельно для загрузки во внутренние системы выставления счетов или управления практикой юридической фирмы.

Также для сайта предусмотрено мобильное приложение, в котором есть все функции, что делает использование системы максимально удобным.

Германия. Elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach (EVGP)

рис. 3. Сайт Elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach

Немецкий сайт наименее удобен, чем остальные, в нем также нет вкладки FAQ, с помощью которой пользователи смогли бы разобраться с системой быстрее. Граждане Германии могут получить доступ к электронному судебному и административному почтовому ящику, электронному почтовому ящику граждан и организации (eVO), учетным записям пользователей в соответствии с законами Германии. Для использования EVGP физическим лицам необходимо подписать электронные документы, которые должны быть представлены в электронном виде, также для использования и аутентификации необходима электронная подпись.

Частные лица не несут никаких расходов на первое создание eVO при условии, что это делается с помощью удостоверения личности или карты eID. Если лицу или

организации необходим дополнительный почтовый ящик, то необходимо доплатить. Тарифы, предложенные в 2020 году, представлены в табл. 2.

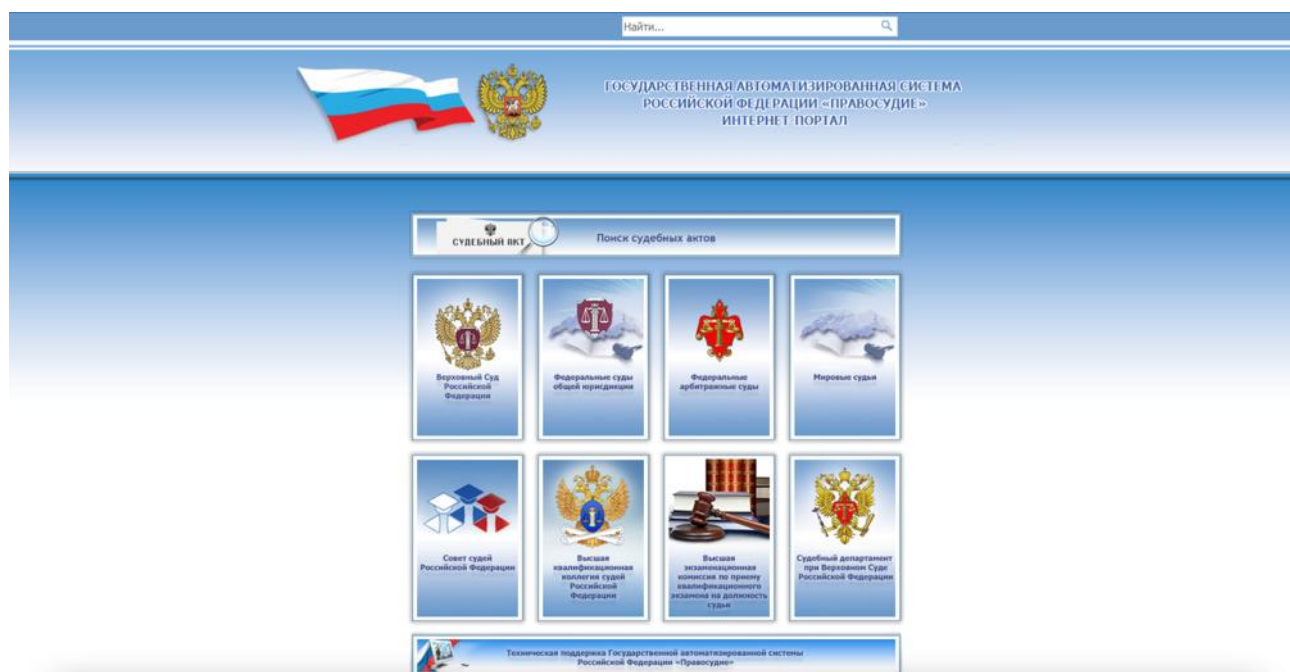
Таблица 2

Услуги и сборы Elektronisches Gerichts- und Verwaltungspostfach

Затраты	Итого
Настройка почтового ящика	41,65 €
Расходы в год за эксплуатацию	
Рабочий почтовый ящик	
До 100 мб ежемесячно	
До 100 сообщений ежемесячно	142,80 €

Документы подаются в формате АСИИ, Microsoft RTF, Adobe PDF/A, Microsoft Word, TIFF, XML. Форматы файлов должны соответствовать версиям, которые определяются отдельными судами.

Россия. ГАС «Правосудие».

рис. 4. Сайт Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие»

Пользоваться сайтом ГАС «Правосудие» могут как физические, так и юридические лица. Для подачи документов в электронном виде необходимы: наличие учетной записи в ЕСИА, оформление усиленной квалифицированной электронной подписи и наличие соответствующих программ, которые позволяют работать с электронной подписью.

Для некоторых видов подаваемых документов необходимо указать сведения об уплате госпошлины. Файлы документов (материалов), прилагаемых к обращениям в суд, представляются в том формате, в котором они подписаны электронной подписью.

При этом файлы материалов и (или) документов, прилагаемых к обращениям в суд, могут быть представлены в следующих форматах:

1) PDF, RTF, DOC, DOCX, XLS, XLSX, ODT – для документов с текстовым содержанием;

2) PDF, JPEG (JPG), PNG, TIFF – для документов с графическим содержанием. Размер файла электронного документа не должен превышать 30 Мб.

Таким образом, можно сказать, что ГАС «Правосудие» соответствует иностранным аналогам по своему качеству, а в чем-то даже превосходит их.

Более того, Российской Федерацией разрабатывается и реализуется комплекс мер по совершенствованию сферы электронного правосудия. Так, в декабре 2022 года прошел X Всероссийский съезд судей, посвященный в том числе развитию судебной системы Российской Федерации.

Согласно заявлению представителей на съезде, Российская Федерация на сегодняшний день занимает одно из ведущих мест в Европе и мире по внедрению судами современных информационных технологий, которые позволяют сделать правосудие доступным для граждан, а также реализовывают процессуальные права участников судопроизводства. На съезде также была определена приоритетная для развития судебной системы задача: технологическая модернизация судов, активное внедрение цифровых технологий и расширение сферы применения электронного правосудия.

Также на съезде был поставлен вопрос касательно использования систем искусственного интеллекта, на который предполагается перенести большую часть аналитической работы работников суда. Разговоры об этом ведутся уже несколько лет, в том числе такие предложения вносятся и судьями. Руководством Верховного Суда РФ и Совета судей России также вносятся предложения относительно постепенного внедрения в суде «слабого искусственного интеллекта», способного решать узкоспециализированные задачи. На данный момент эти вопросы обсуждаются. Важно понимать, что технология работы такого ИИ должна быть открытой и прозрачной для граждан, что повысит доверие населения к суду. Съезд судей при этом не отрицает необходимость использования отдельных элементов искусственного интеллекта в работе судов в России, но при этом придерживается мнения, что невозможно полностью заменить судью искусственным интеллектом в связи с невозможностью привить ему такие оценочные категории, как справедливость и т.д.

Говоря о правовой составляющей данного вопроса, необходимо упомянуть про совершенствование текущего законодательства для подготовки внедрения электронных средств совершения правосудия. С 1 января 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В законе есть ряд положений, которые касаются развития электронного правосудия в России, к ним относятся возможности:

подачи искового заявления, жалобы, представления и других документов в электронном виде (подписанных электронной подписью или усиленной электронной;

предоставления в арбитражном суде (при наличии технической возможности) лицам, которые участвуют в деле, материалов в виде ИКС «Интернет» посредством информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ;

направления судебного акта в электронном виде участнику арбитражного процесса посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота;

участия в судебных заседаниях удаленно, в том числе путем использования системы веб-конференции при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в судах технической возможности осуществления веб-конференции.

Также, в декабре 2018 года Президент Российской Федерации заявил о 13 национальных проектах по трем основным направлениям, ряд из которых касаются развития электронного правосудия.

Одним из проектов является «Цифровое государственное управление», который реализуется в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В рамках данного проекта был запущен сервис «Цифровое исполнительное производство», с помощью которого возможно ознакомление с ходом исполнительного производства, а также дистанционные ходатайства без личного посещения судебных приставов. Также в рамках программы планируется запуск супер-сервиса «Правосудие онлайн», который даст возможность гражданам дистанционно участвовать в судебных процессах. За реализацию проекта отвечает Судебный департамент при Верховном Суде. Срок реализации данного мероприятия определен периодом с 2021 по 2024 год включительно.

В рамках проекта «Информационная инфраструктура» того же национального проекта планируется обеспечение формирования и функционирования информационной инфраструктуры, которая организует защищенное межведомственное электронное взаимодействие, а также прием исковых заявлений, которые направляются в суд в электронном формате. В результате планируется подключение 82 субъектов России к сети ГАС «Правосудие», что преодолит цифровое неравенство в правовой сфере.

В Российской Федерации также реализуется система стажировок секретарей квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации в Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, за счет чего специалисты еще на этапе обучения могут повысить свои навыки, а впоследствии работа судов станет более успешной.

Ведутся работы по разработке, а точнее по продолжению мероприятий, направленных на создание объединенных судебных архивов и переводу материалов рассматриваемых дел в электронный формат. Уже в 10 субъектах Российской Федерации функционируют 14 объединенных судебных архивов, планируется увеличение количества таких субъектов.

Таким образом, государство активно принимает меры, направленные на развитие электронного правосудия путем реализации большого количества различных мероприятий, в том числе подготовки и издания нормативных правовых актов, которые определяют движение права.

Активная деятельность государственных органов позволяет решить проблемы, которые возникают при использовании элементов электронного правосудия. При этом есть перспективы развития российского электронного правосудия, которые сделают судопроизводство в стране наиболее прозрачным и удобным в использовании.

При анализе научной литературы и опросов работников юридической сферы было выделено несколько перспектив развития российского электронного правосудия, которые способствуют наибольшей эффективности его применения в судопроизводстве.

Как известно, аудиопотоколирование является значимым инструментом, который придает гласность процессу судопроизводства. При этом на практике возникает ситуация, когда судьи начинают судебное заседание раньше, чем включают аудиопотоколирование, что в корне неверно. В одном из заседаний одна из сторон может предоставить устно информацию, которая будет важна в дальнейших заседаниях, а возможность прослушать запись заседания поможет сторонам подготовиться к следующему заседанию, что говорит о необходимости автоматизирования данного процесса, например о включении постоянного аудиопотоколирования, за счет чего таких проблем возникать не будет.

Также необходима модернизация ряда элементов судопроизводства, например отмечается, что некоторые споры не требуют проведения обязательного очного слушания, предполагается, что доказательства, материалы дела возможно подать онлайн, поэтому необходимо рассмотреть такую возможность, которая предполагает судебный процесс в режиме онлайн, что возможно получится реализовать с помощью суперсервиса «Правосудие онлайн». Так, например, судья и стороны смогут в течение определенного срока ознакомиться с материалами дела, при необходимости запросить доказательства, а позже разрешить спорную ситуацию и прийти к решению проблемы.

Необходимо уделить повышенное внимание уровню надежности электронного документооборота, обеспечить защиту данных пользователей и некоторых материалов дела на максимально высоком уровне, чтобы обеспечить информационную безопасность данных, направляемых сторонами в суд.

Еще одной перспективой развития электронного правосудия можно считать обязательный переход к электронным материалам дела. Предполагается, что в бумажном виде можно оставить только те оригинальные документы, без которых рассмотрение дела считается невозможным. Это ускорит процесс судопроизводства, а также облегчит жизнь сотрудникам судов, которые передвигаются между кабинетами с большим количеством документов. Электронный формат позволит хранить материалы удаленно, по запросу направлять их сторонам, что облегчит работу и судебных работников, и юристов.

И последней выделенной перспективой считается предоставление удаленного доступа к материалам дела. Все суды Москвы уже должны предоставлять такую возможность ознакомления как с материалами, так и с аудиопотоками без дополнительного визита в суд, но на практике нередко возникает такая проблема, как отказ помощниками судей в предоставлении материалов и их требование личного визита в суд для рассмотрения дел, из-за чего юристы тратят довольно много времени как на визит в суд, так и на очереди в нем, что замедляет процесс судопроизводства, в связи с чем необходимо обеспечить на практике такую возможность.

Таким образом, уже в нынешних реалиях необходимо предпринимать меры, которые будут способствовать развитию электронного правосудия и сделают его максимально удобным как для граждан, так и для государства.

В настоящее время отмечаются быстрые темпы развития электронного правосудия как в России, так и в мире, ежегодно появляются и совершенствуются системы подачи электронных документов, а также вносятся изменения в законодательство в этой сфере.

Российскими учеными изучается опыт других стран в сфере электронного правосудия, перенимаются наработки, а также повышается качество своих сервисов, которые не имеют иностранных аналогов, за счет чего Россия определенно находится в числе стран-лидеров в этой сфере.

При этом существует ряд проблем, которые усложняют использование на практике элементов электронного правосудия, но государство ведет эффективную политику, направленную на развитие этой системы, проводятся мероприятия, которые нацелены на улучшение качества работы элементов электронного правосудия, вносятся изменения в законодательство, позволяющие решить часть проблем.

Проведенный сравнительный анализ российской и зарубежных систем подачи электронных документов показал, что российская система не уступает, а скорее даже по многим параметрам обходит иностранные системы. Необходимо и в дальнейшем поддерживать систему на высоком уровне, что позволит обеспечить максимально удобные условия для граждан и судов.

Программы и мероприятия, направленные на развитие электронного правосудия в Российской Федерации, помогают решить возникающие проблемы и повысить качество системы.

Последствия использования электронных технологий при осуществлении правосудия позволяют оптимизировать работу судов, а также сам процесс судопроизводства.

Необходимо придерживаться перспективных направлений развития электронного правосудия.

1. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4.
2. Телешина Н.Н. Реализация электронного правосудия в России (на примере Арбитражного суда Владимирской области) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6.
3. Концепция развития информатизации судов до 2020 года [Электронный ресурс]: постановление Президиума Совета судей РФ от 19 февраля 2015 г. № 439 // URL: <https://base.garant.ru/71062432/> (дата обращения: 05.03.2023).
4. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805 на 2002-2006 годы (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru/12124943/> (дата обращения: 05.03.2023).
5. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007-2012 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 01.11.2012) // URL: <https://www.consultant.ru/document/cons> (дата обращения: 05.03.2023).
6. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 (ред. от 20.10.2022) // URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 05.03.2023).
7. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) // URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 05.03.2023).
8. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (последняя редакция) // URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 05.03.2023).
9. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (последняя редакция) // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2023).
10. Об электронной подписи [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (последняя редакция) // URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.03.2023).
11. Сидоров Ю.В. Отличия в понимании сущности электронного правосудия в России и за рубежом // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 110-119; Gesetz über die Verwendung elektronischer Kommunikationsformen in der Justiz (Justizkommunikationsgesetz – JkomG) v. 22.03.2005 // BGBl. 2005. I. Nr. 18. S. 837.
12. Проскурякова М.И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 3.
13. Приженникова А.Н. Осуществление правосудия в условиях информатизации и цифровизации // Образование и право. 2020. № 9.

14. Попова Е.С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные вопросы юридических наук: материалы V междунар. науч. конф., 2019.

Информация об авторах:

А.В. Мелентьев, преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Р.С. Джинджолия, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук

About the authors:

A.V. Melentyev, lecturer of the Department of
State and Legal Disciplines
R.S. Jinjolia, professor of the Department of
State and Legal Disciplines, doctor of law

Статья поступила в редакцию 10.10.2023

КУРАКИН АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России¹,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации² (Москва, Россия)

kurakinaleksey@gmail.com

ХАРИТОНОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России

anxaritonov@mail.ru

Вопросы АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ¹

Аннотация. В статье рассматривается такой феномен, как «административное правонарушение», раскрываются его признаки, дается характеристика понятию общественной опасности, формулируются предложения по его нормативному закреплению. Авторы отмечают, что единственным основанием административной ответственности является именно административное правонарушение. Исходя из данных позиций, собственно, и рассматриваются заявленные в названии статьи категории.

Важность такой категории, как «административное наказание», предопределяется его функциональностью в деле противодействия совершению административных правонарушений. Раскрытие сущности административного наказания может дать возможность сбалансировать частные и публичные интересы в деле применения различных мер административной ответственности, а также избежать нарушений требований законности и прав граждан.

Ключевые слова: правонарушение, состав, ответственность, наказание, принуждение, взыскание, опасность, воздействие, вред, процессуальная форма

Для цитирования: Куракин А.В., Харитонов А.Н. Вопросы административного правонарушения, административной ответственности и административных наказаний // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 28-41; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-28-41

KURAKIN ALEKSEY V.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia¹,
Financial University under the Government of the Russian Federation² (Moscow, Russia)

¹ Часть материалов, представленных в статье, были ранее опубликованы в работах авторов А.В. Куракина и

А.В. Харитонova: Куракин А.В. К вопросу о понятии административного правонарушения // Современное право. – 2023. – № 10. – С. 62; Куракин А.В., Харитонов А.Н., Елбаева Н.А. Вопросы административной ответственности и административных наказаний по российскому праву // Современное право. – 2023. – № 11. – С. 54.

ISSUES OF ADMINISTRATIVE OFFENSE, ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY AND ADMINISTRATIVE PENALTIES

Annotation. The article considers such a phenomenon as an «administrative offense», reveals its signs, characterizes such a sign as a public danger, and formulates proposals for its normative consolidation. The authors note that the only basis for administrative responsibility is precisely an administrative offense. Based on these positions, the categories stated in the title of the article are actually considered.

The importance of such a category as "administrative punishment" will be determined by its functionality in countering the commission of administrative offenses. Disclosure of the essence of administrative punishment may make it possible to balance private and public interests in the application of various measures of administrative responsibility, as well as to avoid violations of the requirements of legality and the rights of citizens.

Keywords: offense, composition, responsibility, punishment, coercion, recovery, danger, impact, harm, procedural form

For citation: Kurakin A.V., Kharitonov A.N. *Issues of administrative offense, administrative responsibility and administrative penalties* // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 28-41; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-28-41

Вопросы административных правонарушений. Вопрос относительно административного правонарушения не новый, однако меняющиеся политико-правовые реалии обуславливают необходимость обратить внимание на такую категорию, как «административное правонарушение». Как отмечал В.Е. Севрюгин, «...законодательное определение понятия административного правонарушения занимает в системе правоохранных понятий одно из важнейших мест, поскольку от его правильного истолкования зависит понимание всех последующих понятий, уяснение их содержания и смысла» [1, с. 10].

Обратим внимание, что сегодня КоАП РФ в своем содержании имеет по сути только одно определение, и оно касается «административного правонарушения». Такой подход явно недостаточен, поскольку правоприменительная практика, в частности связанная с реализацией административных наказаний, требует больше точных дефиниций, которые способствовали бы повышению ее качества, нормативные категории также исключали бы произвольное толкование статей КоАП при квалификации самых различных административных правонарушений.

Нужно отметить, что нормативного определения понятия административного правонарушения долгое время не существовало, и в правоприменительной практике приходилось опираться на доктринальную дефиницию. Впервые общее определение административного правонарушения было закреплено в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях (ст. 7), а затем и КоАП РСФСР (1984). КоАП того времени определял, что «административным правонарушением (проступком) признается посягающее на государственный или общественный порядок, собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность» (ст. 10).

Как можно видеть, в данном определении используется понятие «проступок», и оно является тождественным категории «административное правонарушение», в дальнейшем от такой конструкции отказались. Также обратим внимание, что в определении административного правонарушения того времени закреплены приоритетные объекты правовой охраны – государственный и общественный порядок, государственная собственность, а права и свободы гражданина находятся далеко не на первом месте. Данная конструкция в полной мере отвечала развитию правовой доктрины и действующему законодательству того времени. Более того, субъектом

совершения административного правонарушения были только граждане. Такая тенденция была определена ранее. Одним из первых документов по вопросу административной ответственности после событий октября 1917 г. являлся Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 23 июня 1921 г. «О порядке наложения административных взысканий», где говорилось, что «...административные взыскания налагаются на граждан за нарушение обязательных постановлений местной власти» (п. 1). В дальнейшем меры административной ответственности стали применяться и к хозяйствующим субъектам. Об этом может говорить, в частности, постановление ЦИК СССР № 48, СНК СССР № 1402 от 17 сентября 1932 г. «Положение о взыскании налогов и неналоговых платежей».

Через некоторое время в указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» было определено «отменить наложение штрафов в административном порядке на учреждения, предприятия и организации» (п. 6). Таким образом, субъектом административного правонарушения стали только граждане, и такой порядок существовал до начала девяностых годов прошлого столетия. Изменившиеся политико-правовые реалии в девяностых годах, развитие рыночных отношений вызвали объективную необходимость закрепления в качестве субъектов совершения административных правонарушений юридических лиц частного права, в связи с этим потребовалась переосмысление доктрины, связанной с оценкой субъективной стороны административного правонарушения. Колесниченко Ю.Ю. по данному поводу отметил, что «...рассмотрение вины юридического лица с объективных позиций, с акцентом на противоправность, позволяет сделать вывод о том, что вина связана с выходом юридического лица за пределы предоставленных ему правовых возможностей. А поэтому вина юридического лица может быть определена только с объективных позиций, то есть с позиции государственного органа, налагающего административное наказание» [2, с. 17]. Существует и субъективный подход к оценке вины юридического лица с позиции определения вины его должностных лиц. Такой подход более понятен с точки зрения привлечения юридического лица к административной ответственности и наложения на него административных наказаний.

В настоящее время понятие административного правонарушения закреплено в КоАП РФ, где говорится, что «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или закон субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает административную ответственность» (ст. 2.1). Таким образом, одним из признаков административного правонарушения является такой признак, как противоправность. Противоправность означает нарушение правового предписания, можно сказать правового запрета, который установлен для обеспечения правопорядка. Правонарушение не может иметь место без такого признака, как противоправность. Как отметила М.С. Студеникина, «...государство, будучи заинтересованным в укреплении соответствующих порядков, запрещает с помощью правовых норм те деяния, которые для него опасны и вредны. Противоправность и есть не что иное, как нарушение одной из этих норм» [3, с. 8].

Относительно такого признака, как противоправность административного правонарушения, высказаны и иные точки зрения. Так, А.П. Шергин писал, что «...юридическим выражением общественной опасности административного правонарушения является его противоправность» [4, с. 10]. Обратим внимание, что в доктрине с самого начала появления такой категории, как «административное правонарушение», ведется дискуссия относительно того, обладает ли данное деяние таким признаком, как «общественная опасность». Мнения по данному вопросу разделились.

Так, О.Ф. Шишов в свое время писал, что «...административные правонарушения, являясь по своей природе общественно опасными деяниями, отличаются от преступлений меньшей степенью общественной опасности» [5, с. 64].

Серегин А.В. писал, что «...административный проступок, взятый в отдельности, причиняет общественным отношениям меньший вред, а лицо, его совершившее, не представляет для общества такой же опасности, как преступник» [6, с. 21]. Такой подход к характеристике административного правонарушения выглядит несколько архаично, однако можно видеть, что данное деяние наделяется таким качеством, как *вредность*. Административное правонарушение причиняют обществу, государству, а также отдельно взятому человеку вред. Степень такого вреда может быть самой различной, может иметь место вред значимый, существенный, незначительный (малозначительный). Исходя из степени причиненного вреда, можно дифференцировать административные правонарушения. Это также важно и для выбора меры ответственности за совершенное правонарушение. Имеющиеся сегодня положения КоАП дают основания для классификации административных правонарушений, однако необходимо все же дать перечень видов административных правонарушений. В текущей ситуации можно говорить о малозначительном административном правонарушении, такое правонарушение не имеет качества общественной опасности, оно также не причиняет вреда, скорее оно содержит потенциальную возможность для причинения незначительного вреда, в этой связи лицо, совершившее малозначительное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности (ст. 2.9 КоАП). По обозначенному вопросу А.Б. Панов отметил, что «...в малозначительном административном правонарушении формально содержатся признаки состава правонарушения, но с учетом его характера и роли правонарушителя, а также его последствий данное правонарушение не имеет существенности в нарушении охраняемых общественных отношений» [7, с. 15].

Административные правонарушения могут быть классифицированы по самым различным критериям: по объекту посягательства, по субъекту совершения деяния, по наступившим последствиям, по времени длительности, по периодичности совершения и др. Но ключевой критерий, как нам представляется, это дифференциация административных правонарушений по степени их общественной опасности или вредоносности. В текущий момент КоАП дает основание для выделения грубого административного правонарушения, так предусмотрена ответственность за «осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с *грубым* нарушением условий, предусмотренных лицензией» (ст. 14.1.1). КоАП иногда употребляет термин «значительное нарушение». Так, установлена ответственность за нарушение требований к бюджетному (бухгалтерскому) учету, повлекшее представление бюджетной или бухгалтерской (финансовой) отчетности, содержащей *значительное* искажение показателей бюджетной или бухгалтерской (финансовой) отчетности (ст. 15.15.6). Все эти примеры говорят нам о том, что в КоАП имеется дифференциация административных правонарушений в зависимости от их опасности или существенности. По данному вопросу А.А. Беженцев верно отметил, что «...в зависимости от степени общественной опасности можно говорить о трехзвенной системе административных правонарушений. Административные правонарушения повышенной степени общественной опасности; административные проступки незначительной общественной опасности; наименее социально опасные административные правонарушения, которые при первом своем совершении не являются административными правонарушениями, но приобретают такой статус при неоднократном совершении» [8, с. 105].

Далее приведем несколько позиций, которые имеют место относительно обозначенной проблемы. Васильев Э.А., осуществив анализ различных точек зрения по вопросу признаков административного правонарушения, заключил, что «...такой признак, как общественная опасность, не присущ административным правонарушениям» [9, с. 84]. Надо сказать, что данная позиция не бесспорна. Об этом свидетельствуют как приведенные примеры из действующего КоАП, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которые применяются на стадии возбуждения административного дела, так и сами административные

наказания. Меры принуждения достаточно серьезны, чтобы применяться за административные правонарушения, которые не несут в себе общественной опасности.

Агапов А.Б. достаточно четко обозначил свою позицию. Так, данный автор пишет, что «...общественная опасность – основной атрибут административного правонарушения, отграничивающий проступок от преступления» [10, с. 147].

Компромиссным видится суждение В.Р. Кисина. Обозначенный автор отметил, что «...если бы административные правонарушения не влекли вредных последствий, не представляли бы опасности для общества, государству не требовалось бы устанавливать юридическую ответственность за их совершение, а также создавать аппарат для борьбы с ними. Следует признать, что общественная опасность отдельных проступков не столь очевидна, как преступлений, но взятые в своей массе безобидные проступки дезорганизуют общественные отношения, в сохранении которых заинтересовано общество и государство» [11, с. 6].

Спор о том, обладает ли административное правонарушение таким признаком (качеством), как общественная опасность, продолжается, основанием для этого является нормативное предписание данной категории, в то же время обращает на себя внимание тот факт, что каждое пятое административное наказание – это административный арест сроком до 30 суток. Но разве может быть, чтобы такое строгое административное наказание, связанное с ограничением личной свободы и целого ряда иных прав, применялось к лицу за правонарушение, которое не представляет общественной опасности. Строгость иных административных наказаний также говорит нам о том, что административное правонарушение в целом обладает качеством общественной опасности.

Конечно, в огромном количестве административных правонарушений есть и «безобидные» правонарушения (деяния), на которые государство реагирует лишь исходя из формальных обстоятельств. Севрюгин В.Е. верно отметил, что «...независимо от наличия или отсутствия в официальном тексте понятия административного правонарушения прямого указания на общественную опасность, вредность как материального признака деяния, в реальной действительности нет таких правонарушений, которые бы не причиняли вреда охраняемым правом общественным отношениям» [12, с. 23].

Еще одним важным признаком административного правонарушения является виновность. Вина является как признаком административного правонарушения, так и обязательным элементом его состава. Как писал в свое время В.Я. Петелин, «...вина характеризует психическую обусловленность (в форме умысла или неосторожности) противоправного поведения и наступившие вредные последствия» [13, с. 77].

Относительно такого признака административного правонарушения, как «виновность», достаточно содержательно написал В.Р. Кисин. Так, обозначенный автор указал, что «...вина выражает психическое отношение лица к содеянному проступку и его последствиям. Для признания деяния (действия или бездействия) правонарушением надо установить, что оно явилось проявлением воли разума, т.е. продуктом психической деятельности здравомыслящего лица. Не может оцениваться как административное правонарушение общественно опасное, противоправное и административно наказуемое деяние, совершенное помимо воли человека, т.е. лицом, не способным руководить своими действиями, отдавать в них отчет» [14, с. 7].

Состояние без виновности не может иметь место, когда оно вызвано психическим заболеванием человека, данное заболевание подавляет волю, а также искажает восприятие объективной реальности соответствующим лицом. При этом умышленное введение человеком себя в состояние невменяемости вследствие употребления алкоголя или наркотических средств вины не исключает, а может только усиливать ответственность за совершенное деяние.

Административное правонарушение – деяние противоправное, нарушающее предписание норм права, за что предусмотрено наказание (ответственность). Отсутствие наказания за противоправное деяние не дает оснований его рассматривать как правонарушение. Тем самым именно наказание придает юридический смысл всем

иным признакам административного правонарушения. Административные наказания достаточно разнообразны, связано это как с дифференцированным подходом в назначении наказания, так и с разнообразием административных правонарушений. Административное наказание и административное правонарушение между собой являются логически взаимосвязанными категориями. Административное наказание применяется только за совершенное административное правонарушение. Таким образом, без наказуемости не может иметь практического и социального смысла такой признак административного правонарушения, как противоправность. Нужно также отметить, что степень общественной опасности административного правонарушения может зависеть от объективных и субъективных обстоятельств. Так, административное правонарушение, совершенное должностным лицом, может иметь более высокую общественную опасность, а способ и время совершения административного правонарушения могут повышать его социальную «вредность».

Вопросы отграничения административных правонарушений от иных правонарушений (проступков) привлекают внимание. Некоторые административные правонарушения очень похожи по своим объективным признакам на преступления, дисциплинарные проступки. Обусловлено это, в частности, одним и тем же объектом противоправного посягательства. Проблема разграничения административных правонарушений и преступлений некоторое время назад была весьма актуальной, причем этот вопрос исследовался представителями науки как административного, так и уголовного права. Так, этому вопросу были посвящены исследования А.М. Медведева [15, с. 92], В.В. Лукьянова [16, с. 83] и др.

Общий вывод данных исследований состоит в том, что, так или иначе, административные правонарушения не представляют большой общественной опасности, тем самым отличаются от преступлений способом совершения, а также наступившими материальными последствиями. Так, КоАП предусматривает ответственность за «...умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба» (ст. 7.17). Как закреплено в УК, «значительный ущерб определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее *пяти* тысяч рублей» (ст. 158). Как определено в КоАП, физическим вредом является «...нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль потерпевшему, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния ст. 115 УК» (ст. 6.1.1). Таким образом, грань между некоторыми административными правонарушениями и преступлениями очень тонкая. В КоАП есть административные правонарушения, за повторное совершение которых предусматривается уголовная ответственность. В частности, КоАП предусматривает ответственность за продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции (ст. 14.16), УК, в свою очередь, предусматривает уголовную ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно (ст. 151.1). То есть, то же самое противоправное деяние, но совершенное повторно в течение года, уже не административное правонарушение, а преступление. Административное правонарушение может быть связано с дисциплинарными проступками, однако неверна тенденция замены дисциплинарной ответственности административным наказанием.

Далее несколько слов скажем о *составе* административного правонарушения. Состав административного правонарушения – это его конструкция, которая представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, отсутствие одного из элементов не позволяет говорить о том, что имеет место состав административного правонарушения. В содержании состава имеются элементы как объективного, так и субъективного характера. Как уже было сказано, административное правонарушение причиняет вред общественным отношениям, которые охраняются нормами права, данные отношения есть объект соответствующего деяния. Объект может быть общий, специальный, индивидуальный, основной, дополнительный и факультативный. «Ядром» состава административного правонарушения является его объективная сторона, это внешнее проявление правонарушения. Иногда имеет место подробное

описание в тексте закона, в чем должно состоять противоправное деяние, которое запрещено и за которое предусматривается ответственность. Например, мелкое хищение может быть совершено только путем кражи, мошенничества, присвоения и растраты. КоАП определяет, что стоимость похищенного имущества не должна превышать одну тысячу рублей (ст. 7.27). Нужно учитывать, что при мелком хищении должны отсутствовать признаки преступления, только в этом случае данное деяние будет образовывать состав административного правонарушения.

Объективная сторона административного правонарушения имеет как обязательные, так и факультативные признаки, к последним признакам относятся: время, место, способ совершения деяния, наступившие последствия, причинно-следственная связь между деянием и наступившими в результате его совершения последствиями. Таким образом, состав административного правонарушения может быть материальный и формальный.

Субъектом административного правонарушения могут быть физические, должностные и юридические лица, которые отвечают требованиям субъекта данного деяния. Иногда в доктрине выделяется специальный субъект административного правонарушения. Как отметил М.Н. Бирюков, «...специальный субъект административного правонарушения участвует в исполнительно-распорядительных отношениях в качестве лица, которое наделено властными полномочиями» [17, с. 12]. Понятие «специальный субъект административного правонарушения» толкуется достаточно широко, к данным субъектам относятся не только должностные лица, но и лица, имеющие иные юридически значимые признаки. Так, С.В. Матвеев писал, что «...признаки специальных субъектов разнообразны и характеризуют различные их стороны: служебные обязанности, вид деятельности, прошлое противоправное поведение, а также физическое состояние» [18, с. 79].

Субъективная сторона административного правонарушения касается «внутренней» составляющей данного деяния. Как отметил В.Р. Кисин, «...субъективная сторона правонарушения характеризует внутреннее психическое отношение лица к совершенному правонарушению и его последствиям» [19, с. 27]. В структуре элементов субъективной стороны ключевым элементом является вина. Уже было отмечено, что вина – это признак административного правонарушения, но также и элемент его субъективной стороны. Как писал А.И. Ахмедов, «...вина как элемент состава административного правонарушения представляет собой проявление воли и разума действующего (бездействующего) вменяемого лица, его психическое отношение к совершенному деянию» [20, с. 10].

В этой связи неслучайно, что субъектом административного правонарушения может быть только вменяемое лицо. Как определяется в КоАП, «...не подлежит административной ответственности лицо, которое во время совершения противоправных действий (бездействия) находилось в состоянии невменяемости. То есть это лицо не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики» (ст. 2.8 КоАП).

Субъективная сторона административного правонарушения имеет не только обязательный элемент, каковым является «вина», но и факультативные элементы, к которым относятся цель и мотив совершения соответствующего деяния. Цель – это результат, который желает достичь соответствующий правонарушитель, а мотив – побуждение к совершению определенных противоправных действий. Мотив в совершении административных правонарушений может быть самым различным. Административные правонарушения совершаются из корыстных побуждений, хулиганских побуждений и др.

В завершение нужно отметить, что *административные правонарушения* – это деяния различной степени общественной опасности, нарушающие нормативно установленные предписания, совершенные субъектом, понимающим смысл и значение своего поведения, и за которые законом предусмотрена ответственность.

Вопросы административных наказаний и административной ответственности. Вопрос об административных наказаниях это по сути вопрос об административном принуждении, а точнее сказать вопрос административной ответственности. Однако проблема административной ответственности и административных наказаний является достаточно широкой, интегрирующей различные составляющие принуждения, а также затрагивающей социальные и экономические проблемы. В этой связи есть все основания рассмотреть вопрос, касающийся административных наказаний, которые выражают сущность административной ответственности, а точнее – говорят о ее принудительном потенциале. Как определено в КоАП РФ, «...административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения» (ст. 3.1). На такое понимание административного наказания было обращено внимание еще в середине восьмидесятых годов прошлого столетия. Так, Б.М. Лазарев писал, что административные наказания являются мерами административной ответственности [21, с. 34]. Данная позиция имела определяющий характер в доктрине административного права, эта тенденция прослеживается в весьма содержательных работах. Так, И.А. Галаган в свое время отмечал, что «...под административной ответственностью следует понимать применение в установленном порядке административных наказаний» [22, с. 41]. Кононов П.И. административные наказания принципиально называет мерами административной ответственности, в связи с чем пишет, что меры административной ответственности – это предусмотренные нормами права административно-правовые санкции [23, с. 84].

Позиция обозначенных авторов понятна, действительно процессуальная форма административной ответственности дает возможность применить соответствующее административное наказание, однако надо учитывать и тот факт, что привлечение к административной ответственности еще не говорит о том, что привлеченному к ответственности лицу будет назначено административное наказание. Сейчас КоАП, как впрочем и ранее, предусматривает основания освобождения от административной ответственности (ст. 24.5). Основания освобождения от административной ответственности могут быть материальными и процессуальными. Так, А.В. Мурашев писал, что «...материальными основаниями освобождения от административной ответственности служат обстоятельства, которые характеризуют личность виновного и его проступок, и данные обстоятельства дают возможность сделать вывод о возможности достижения воспитательной и предупредительной целей административного наказания без его наложения и, соответственно, исполнения. Процессуальным основанием освобождения от административной ответственности является акт органа или должностного лица о применении к правонарушителю нормы об освобождении от административной ответственности» [24, с. 14].

К числу оснований освобождения от административной ответственности относятся: отсутствие события административного правонарушения; отсутствие состава административного правонарушения; смерть физического лица, привлеченного к административной ответственности; истечение сроков давности привлечения к административной ответственности; издание акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания; действия лица в состоянии крайней необходимости; признание утратившим силу закона (или его положения), который устанавливает административную ответственность за содеянное и др. Таким образом, очевидно, что лицо, привлеченное к административной ответственности, не всегда будет повергнуто административному наказанию. В самом факте привлечения к административной ответственности имеет место элемент принуждения, в частности связанный с применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, но наказание в дальнейшем может и не применяться, поскольку вина привлеченного к административной ответственности лица не будет доказана. Или будут иметь место иные обстоятельства неприменения административного наказания, которые были перечислены ранее (ст. 24.5 КоАП).

Нужно отметить, что КоАП в отличие от уголовного и уголовно-процессуального законодательства ничего не говорит о таком вопросе, как освобождение от ответственности по реабилитирующим и нереабилитирующим обстоятельствам. В этой связи было бы верно дифференцировать основания освобождения от административной ответственности по обозначенным видам.

Административное наказание по своей правовой природе и функциональности является административным принуждением, и сам факт привлечения к административной ответственности тоже является составной частью соответствующего принуждения, однако привлечение к ответственности нельзя отнести к наказанию. Как первое, так и второе принуждение ограничивает права лица, в отношении которого они применяются, и эти ограничения имеют различный характер.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что такие категории, как «административное наказание» и «административная ответственность», между собой логически связаны, однако они не тождественны. Хотя О.Э. Лейст в свое время писал, что «...ответственность нередко определяется как применение и реализация санкций» [25, с. 31]. Несмотря на данный тезис, автор все же в дальнейшем в полной мере с ним не соглашается.

Старилов Ю.Н. отмечал, что «...под административной ответственностью понимается применение не всех, а только части мер административного принуждения, а именно административных взысканий и административно-восстановительных мер, которые влекут для виновных обременительные последствия морального, имущественного и личного характера» [26, с. 26].

Административно-восстановительные меры в административном праве феномен достаточно спорный. Вероятно, данные меры связаны с восстановлением социальной справедливости ввиду того, что виновный в совершении административного правонарушения несет должную ответственность. Тезис Д.Н. Бахраха о том, что «...восстановительные меры в административном праве применяются с целью возмещения причиненного ущерба, восстановления прежнего положения вещей» [27, с. 8] уже не отвечает требованиям административного законодательства. Восстановительные меры имущественного характера действуют при реализации гражданско-правовой ответственности.

По вопросу о соотношении «административного наказания» и «административной ответственности» высказан ряд точек зрения. Так, К.С. Бельский писал, что «...административная ответственность – это категория процессуальная, она является формой реагирования государства на правонарушение, и соответствующая форма в дальнейшем дает возможность применить к виновному лицу административное наказание» [28, с. 12].

Наиболее четко на соотношение административного наказания и административной ответственности высказался С.М. Скворцов. Данный автор в свое время отметил, что «...административная ответственность и административное наказание взаимосвязаны, однако данные категории не идентичны. Их сходство заключается в том, что единственным основанием их возникновения является противоправное поведение. Они непосредственно связаны с осуществлением принудительного воздействия, а следовательно, с неблагоприятными последствиями для правонарушителя. Кроме того, освобождение от ответственности одновременно освобождает и от наказания, неприменение наказания не связано с освобождением от ответственности» [29, с. 15].

Также автор говорит о различиях административной ответственности и административного наказания. В частности, «они преследуют разные цели; кроме того, если ответственность (официальная отрицательная оценка деяния лица) наступает безусловно, то наказание относительно, обусловлено определенными факторами (в частности, личностью виновного, характером совершенного правонарушения)».

Осуществляя соотношение обозначенных категорий, нужно отметить тот факт, что административное наказание – это следствие привлечения к административной ответственности, и без такого привлечения назначить наказание не представляется возможным. Привлечение к административной ответственности – это целый комплекс

процессуальных действий, в содержании которых имеет место принудительный аспект, необходимый для пресечения административного правонарушения, сбора доказательств по соответствующему делу и др. Административное наказание – элемент административной ответственности, который в конечном итоге выражает ее ограничительный потенциал. Нужно отметить, что цели административной ответственности и административного наказания могут иметь как общий, так и частный (специальный) характер. Так, задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 1.2 КоАП РФ). Данная задача (цель) имеет место как в рамках административной ответственности, так и административного наказания. При этом нормативно определена и специальная цель административного наказания. Как закреплено в КоАП, цель административного наказания – «предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами» (ст. 3.1). Специальной цели административной ответственности КоАП не устанавливает, однако его анализ дает возможность сделать вывод о том, что целью данного вида юридической ответственности является установление процессуальной формы для реализации административного наказания, а также учета при этом как частных, так и публичных интересов. Как отмечала Н.Г. Салищева, «...при анализе института административной ответственности нужно использовать концепцию сочетания публичных интересов как совокупности интересов государства и гражданского общества и индивидуальных интересов личности и частных интересов отдельных организаций» [30, с. 83].

Имеет место позиция, в которой усматривается переплетение таких категорий, как «ответственность» и «наказание». Так, В.Д. Ардашкин писал, что «...задачей ответственности является осуждение виновного субъекта и причинение ему ограничений, страданий пропорционально вредности конкретного правонарушения. Через это карательное воздействие реализуются и другие задачи юридической ответственности, а именно: исправление и перевоспитание нарушителя, предупреждение правонарушений и их искоренение» [31, с. 11].

Надо отметить, что наказание вообще и административное наказание в частности не должно приносить физических страданий тому лицу, к которому оно применено. Конечно, привлеченное к ответственности лицо испытывает нравственные страдания, переживает за случившееся, каким-то образом корит себя, сожалеет о своем поведении. В этом смысле можно говорить о страданиях, но это достаточно субъективно. В целом нужно учитывать, что «административное наказание не может иметь своей целью унижение человеческого достоинства или причинение человеку физических страданий» (ст. 3.2 КоАП).

Говоря о сущности административного наказания, нужно отметить, что реализация административного наказания учитывает частные интересы. Например, «при назначении административного наказания физическому лицу учитываются характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное положение» (ст. 4.1); по ходатайству лица, привлеченного к административной ответственности, его дело может быть рассмотрено по месту его жительства (ст. 4.5). В частности, это необходимо лицу для лучшей правовой защиты своих прав в производстве по делу об административном правонарушении. Как следует из КоАП, «исполнение постановления об административном аресте может быть приостановлено на срок до семи суток или прекращено судьей на основании письменного заявления лица, подвергнутого административному аресту. Это возможно в случае возникновения исключительных личных обстоятельств (тяжелого заболевания (состояния здоровья), смерти близкого родственника или близкого лица либо чрезвычайной ситуации, причинившей значительный материальный ущерб лицу, подвергнутому административному аресту, или его семье)» (ст. 32.8).

Также КоАП предусматривает отсрочку и рассрочку исполнения постановления о назначении административного наказания (ст. 31.5). Все эти и ряд иных положений говорят о том, что в деле реализации административной ответственности и в

дальнейшем, возможно, наказаний учитываются частные интересы лица, которое привлечено к данной ответственности.

Несколько слов скажем сущности административных наказаний, в которых сосредоточен основной потенциал административного принуждения. Сущность административных наказаний исследована содержательно, обратим внимание на ряд точек зрения. Предписания относительно наказаний закрепляются в санкции правовой нормы, в этой связи проблема реализации наказаний исследуется через анализ правовых санкций. Вопросам раскрытия сущности санкций посвящены работы: О.Э. Лейста [32], И.И. Веремеенко [33], Л.Л. Попова [34]. Некоторые вопросы административно-правовых санкций затрагиваются в исследовании О.С. Рогачевой [35].

Не погружаясь в глубокий анализ такой категории, как «санкция», приведем несколько определений. Так, И.И. Веремеенко писал, что «административно-правовые санкции осуществляют охрану правопорядка с помощью как кары, так и восстановления и принудительного исполнения правовой обязанности, обеспечивающей реальное исполнение. Соответственно, данные санкции могут носить карательный, восстановительный и пресекающий характер» [33, с. 35]. Нужно отметить, что автор, прежде всего, делает акцент на наказательном характере санкции, и это верно, поскольку санкция для этого и устанавливается. Однако нужно подчеркнуть, что административное наказание (санкция) выполняет также функции: исправления нарушителя, предупреждения правонарушений, защиты общества, государства и граждан от административных правонарушений.

Как отмечал А.П. Корнев, «...санкция правовой нормы есть установление последствий нарушения этой нормы. Она содержит указание на меры административного воздействия, применяемые к нарушителю правил, сформулированных в норме» [36, с. 30].

Базылев Б.Т. писал, что «...юридические санкции относятся к категории правоохранительных средств. Сами эти средства достаточно разнообразны, поскольку разнообразны нарушения, за которые они применяются» [37, с. 32].

Студеникина М.С. также раскрывает сущность административной ответственности через ее санкции. Так, обозначенный автор в свое время писал, что «...административная ответственность – это форма реагирования государства на правонарушение, выражающаяся в применении к нарушителю карательных административных санкций и состоящая в обязанности виновного лица претерпевать за свое поведение неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией правовой нормы» [38, с. 20].

В целом можно видеть похожие подходы к вопросу определения функциональности такой дефиниции, как «правовая санкция». В санкции содержится наказание за совершенное правонарушение, и вне санкции наказание существовать не может. Вопрос о санкциях является по сути вопросом о наказаниях и ответственности. В этой связи рассмотрим, как понимается в доктрине такая категория, как «административное наказание». До 2002 года использовался термин «административное взыскание». Как нам представляется, данные категории тождественны применительно к сегодняшним реалиям, хотя по данному вопросу имеются различные суждения. Так, А.П. Корнев писал, что «...под административными взысканиями понимается наказание, применяемое в установленном порядке уполномоченным субъектом к виновному лицу. И данное наказание может состоять в моральном или материальном воздействии на правонарушителя, либо во временном лишении его специального права» [39, с. 233].

Проблема административных наказаний (взысканий) исследовалась как в контексте раскрытия сущности административной ответственности и принуждения в целом, так и самостоятельно. В определенные периоды развития доктрины все административное принуждение сводилось к административным наказаниям. Так, С.С. Студеникин, говоря об административном принуждении, в его структуре выделил административные наказания и меры социальной защиты. К мерам социальной защиты были отнесены: принудительное лечение, реквизиция, принудительное освидетельствование, задержание личности и задержание имущества. Как было уже указано, в основном все

административное принуждение было сведено к административным наказаниям [40, с. 172]. В одном из ранних учебников «Советское административное право» [41, с. 182] коллективом авторов указывалось, что «административное взыскание применяется, если действия нарушителя не носят уголовно-правового характера». Таким образом, авторы дифференцировали ответственность и основания ее применения.

Говоря о такой категории, как «административное наказание», необходимо отметить, что, с одной стороны, на его сущность оказывает влияние в целом институт административного принуждения, с другой стороны – именно административные наказания оказывают влияние на развитие административного принуждения. Обусловлено это тем, что практически все меры административного принуждения подчинены реализации института административной ответственности. Как верно отметил П.И. Кононов, «...именно меры административной ответственности применяются к лицу, виновному в совершении административного правонарушения, и в них выражается окончательная правовая оценка противоправного поведения лица со стороны государства» [42, с. 84].

Нужно подчеркнуть, что иные меры административного воздействия, в частности меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяются к лицу, вина которого в совершении административного правонарушения еще не доказана, эти меры применяются с целью пресечения правонарушения или сбора доказательств по соответствующему делу. Меры административно-процессуального воздействия применяются также при наличии оснований, к лицу, «подозреваемому» в совершении административного правонарушения.

Исходя из этого посыла, рассмотрим, как понимается термин «административное наказание» и каковы его функции по российскому праву. Так, А.П. Шергин в свое время отметил, что «...административное взыскание – это картельная санкция, являющаяся реакцией государства на нарушение установленного правопорядка» [43, с. 18].

Бахрах Д.Н. писал, что «...административные взыскания являются карательными «штрафными» санкциями, как правило, они состоят в лишении или ограничении права, благ. За совершенный проступок правонарушитель лишается субъективного права, либо на него возлагаются специальные «штрафные» обязанности» [44, с. 39].

Надо отметить, что согласно КоАП РФ, в связи с применением административного наказания на соответствующее лицо могут быть возложены не только «штрафные» обязанности, но и обязанности иного характера, в частности организационного.

Агапов А.Б. констатирует, что «...административное наказание представляет собой юридически формализованный метод применения административной ответственности и заключается в установлении правовых ограничений, обусловленных виновным совершением проступка. Посредством административного наказания устанавливаются обременения имущественных и личных неимущественных прав нарушителя соразмерно общественной опасности деяния» [45, с. 227].

В целом достаточно содержательный подход, однако нужно отметить, что административное наказание является категорией «вторичной», подчиненной административной ответственности. Как уже указывалось, изначально ставится вопрос об административной ответственности, а затем уже идет речь о применении административного наказания.

Ахмедов А.И. пишет, что «...административное взыскание – эта мера административного принуждения, применением которой реализуется ответственность, состоящая в психическом или физическом воздействии на лицо, совершившее административное правонарушение, в целях воспитания правонарушителя в духе соблюдения законов, уважения к правилам общежития, а также предупреждения совершения новых правонарушений» [46, с. 11].

В данном определении указывается на функции (цель) применения административного взыскания (наказания). Следует признать, что цель или функция административного наказания – это не только предупреждение правонарушений, но и в какой-то мере исправление и воспитание правонарушителя. Как верно отметил Р.А. Брунер, «...административное наказание, выражая отрицательную оценку государством

совершенного правонарушения, является принудительной мерой, одновременно содержащей и воспитательную цель» [47, с. 19].

О целях назначения административного наказания в доктрине есть некоторые суждения. Так, А.К. Мустафин писал о таких целях административного наказания, как воспитание, а также предупреждение совершения административных правонарушений [48, с. 13].

Максимов И.В. рассматривает административное наказание как исключительный вид административного принуждения, характеризующийся высокой степенью карательного воздействия на правонарушителя, и в нем имеется заключительный этап административного преследования [49, 10].

С учетом достаточно обширной практики привлечения к административной ответственности, а также применения административного наказания говорить об исключительности данной меры правового воздействия не приходится. Применением административного наказания административное преследование не заканчивается, сам факт вынесения постановления об административном наказании еще не говорит, что данное наказание начинает действовать и соответствующий правонарушитель его прочувствовал и попал под действие ограничений назначенного наказания. Принуждение необходимо и при исполнении примененного административного наказания, поскольку далеко не все постановления о применении меры административной ответственности исполняются обязанным лицом добровольно. Только исполненное административное наказание может достичь как юридических, так и социальных целей. В этой связи М.Я. Саввин верно в свое время отметил, что «...предупреждение административных правонарушений обеспечивается угрозой применения административных наказаний, а также их реальным исполнением» [50, с. 26].

Административное наказание является мерой административного принуждения, которое точно определено законом (ст. 3.2 КоАП РФ). В данной мере принуждения сконцентрирован основной потенциал административного принуждения, который реализуется в процессуальной форме. Применению административных наказаний предшествует принудительный процесс, связанный с привлечением лица к административной ответственности, кроме того, в некоторых случаях осуществляется применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Административное наказание ограничивает различные права того лица, к которому оно применено, в этом заключается сущность данного наказания вообще и административного наказания в частности. Исходя из изложенного, следует заключить, что *административное наказание* – это мера административного принуждения, которая реализуется через процессуальную форму административной ответственности в отношении лица, вина которого в совершении административного правонарушения доказана с целью легитимного ограничения его прав, защиты публичных и частных интересов, предупреждения правонарушений, а также исправления поведения соответствующего правонарушителя.

1. Севрюгин В.Е. Административный проступок. Понятие, признаки, ответственность. – М., 1989.

2. Колесниченко Ю.Ю. Административная ответственность юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.

3. Студеникина М.С. Что такое административная ответственность? – М., 1990.

4. Шергин А.П. Административные взыскания и их применение органами внутренних дел. – М., 1974.

5. Шишов О.Ф. О разграничении преступлений и административных проступков в советском праве // Советское государство и право. 1961. № 6.

6. Серегин А.В. Основания и порядок применения мер административного воздействия. – М., 1974.

7. Панов А.Б. О малозначительности административных правонарушений // Государство и право. 2014. № 3.

8. Беженцев А.А. Преобладание признака вредоносности или общественной опасности в административном правонарушении: онтологический и гносеологический подходы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1.
9. Васильев Э.А. Общественная опасность – основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4.
10. Агапов А.Б. Административная ответственность. – М., 2013.
11. Кисин В.Р. Административное правонарушение: понятие, состав, квалификация. – М., 1991.
12. Севрюгин В.Е. Указ. раб.
13. Петелин В.Я. Вина как обстоятельство, подлежащее доказыванию по делу // Советское государство и право. 1981. № 11.
14. Кисин В.Р. Указ. раб.
15. Медведев А.М. Разграничение преступлений и административных проступков // Советское государство и право. 1990. № 6.
16. Лукьянов В.В. Административные правонарушения и уголовные преступления: в чем различие? // Государство и право. 1996. № 3.
17. Бирюков М.Н. Административная ответственность специальных субъектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.
18. Матвеев С.В. Индивидуальные субъекты административной ответственности // Правоведение. 1988. № 1.
19. Кисин В.Р. Указ. раб.
20. Ахмедов А.И. Административные взыскания, применяемые органами внутренних дел. – Ташкент, 1988.
21. Лазарев Б.М. Административная ответственность. – М., 1985.
22. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. – Воронеж, 1970.
23. Кононов П.И. Административное право. – Киров, 2002.
24. Мурашев А.В. Освобождение от административной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1982.
25. Лейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Правоведение. 1977. № 3.
26. Стариков Ю.Н. Административное принуждение и административная ответственность. – М., 1998.
27. Бахрах Д.Н. Административная ответственность. – М., 1999.
28. Бельский К.С. Административная ответственность: генезис, основные признаки, структура // Государство и право. 1999. № 12.
29. Скворцов С.М. Принципы наложения административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел. – М., 1984.
30. Публичный интерес в административном праве / под ред. С.В. Запольского, Н.Г. Салищевой, В.В. Альхименко. – М., 2015.
31. Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. 1988. № 1.
32. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. – М., 1981.
33. Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции. – М., 1975.
34. Попов Л.Л. Проблемы эффективности административно-правовых санкций: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1977.
35. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2012.
36. Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. – М., 1978.
37. Базылев Б.Т. Сущность санкций в советском праве // Правоведение. 1976. № 5.
38. Студеникина М.С. Соотношение административного принуждения и административной ответственности // Советское государство и право. 1968. № 10.
39. Коренев А.П. Административное право России. Ч. I. – М., 2000.
40. Студеникин С.С. Советское административное право. – М., 1950.

41. Студеникин С.С., Власов В.А. Евтихийев И.И. Советское административное право. – М., 1950.
42. Кононов П.И. Административное право. – Киров, 2002.
43. Шергин А.П. Административные взыскания и их применение органами внутренних дел. – М., 1974.
44. Бахрах Д.Н. Административная ответственность. – М., 1999.
45. Агапов А.Б. Административная ответственность. – М., 2013.
46. Ахмедов А.И. Административные взыскания, применяемые органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1984.
47. Брунер Р.А. Административное приостановление деятельности. – М., 2014.
48. Мустафин А.К. Цели административных взысканий и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990.
49. Максимов И.В. Административные наказания в системе мер принуждения (концептуальные проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2004.
50. Саввин М.Я. Цели административных взысканий и средства их достижения // Проблемы теории и практики административной ответственности. – М., 1983.

Информация об авторах:

About the authors:

А.В. Куракин, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка¹, профессор², доктор юридических наук, профессор

А.Н. Харитонов, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции в сфере транспортной безопасности центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка, доктор юридических наук, профессор

A.V. Kurakin, professor of chair of migration service staff training of the police training center for public order protection¹, Professor², doctor of law, professor

A.N. Kharitonov, professor of police training Department in the field of transport security, doctor of law, professor

Статья поступила в редакцию 07.09.2023

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА

Институт государства и права Российской академии наук
(Москва, Россия)

adminlaw@igpran.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

Аннотация. Статья посвящена выходу в свет монографии ученого-административиста, специалиста в области государственного контроля (надзора) С.М. Зырянова «Государственный контроль (надзор)». В статье приводятся кратко рассуждения автора: о сути контроля и надзора; сложившихся противоречиях в понимании данных терминов, дискуссии; правоотношениях в рамках контроля (надзора); обеспечении законности при проведении контроля (надзора); стадиях контроля (надзора).

Ключевые слова и словосочетания: государственный контроль (надзор), законность, регламентация, контрольно-надзорная деятельность, стадии, правоотношения, правоприменение, С.М. Зырянов

Для цитирования: Кобзарь-Фролова М.Н. Актуальные вопросы организации и осуществления органами исполнительной власти государственного контроля (надзора) // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 42-46; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-42-46

KOBZAR-FROLOVA MARGARITA N.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

CURRENT ISSUES OF ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION OF STATE CONTROL (SUPERVISION) BY EXECUTIVE BODIES

Annotation. The article is devoted to the publication of a monograph by an administrative scientist, specialist in the field of state control (supervision) S.M. Zyryanov "State control (supervision)". The article briefly summarizes the author's arguments about the essence of control and supervision, the existing contradictions in the understanding of these terms, discussions, legal relations within the framework of control (supervision), ensuring legality during control (supervision), stages of control (supervision), etc.

Key words and word combinations: state control (supervision), legality, regulation, control and supervisory activities, stages, legal relations, law enforcement, S.M. Zyryanov

For citation: Kobzar-Frolova M.N. Current issues of organization and implementation of state control (supervision) by executive bodies // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 42-46; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-42-46

Государственный контроль (надзор) является одной из наиболее дискуссионных тем на научных площадках России, посвященных проблемам публично-правового регулирования общественных отношений. Нередко проблемы государственного контроля (надзора), муниципального контроля становятся предметом диссертационных исследований. Немало статей и даже монографических исследований посвящено различным аспектам государственного контроля (надзора), муниципального контроля, их разновидностям (бюджетный контроль [1, с. 234-243], налоговый контроль [2; 3, с. 25-27; 4, с. 139-148] и надзор, таможенный контроль и надзор [5, с. 158-164] и проч.) и их формам. При всем разнообразии поднимаемых вопросов и приводимых аргументов, согласия в понимании сути терминов «контроль» и «надзор» не достигнуто. Одной из ключевых проблем является смешение и подмена понятий «контроль» и «надзор», иногда их отождествление.

Понятия «государственный контроль» и «надзор» нередко встречаются в нормативных правовых актах федерального, регионального уровней, а также в нормативных правовых актах Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, в подзаконных актах исполнительных и иных органов публичной власти. И, казалось бы, законодатель должен был поставить точку в данном вопросе, четко определить и закрепить на уровне федерального закона термины «государственный контроль», «надзор». Однако вступление в 2020 году в законную силу долгожданного и многообсуждаемого научной общественностью Федерального закона № 248-ФЗ [6] лишь внесло еще больше поводов для сомнений и продолжения дискуссий.

В этой связи, без сомнения, интерес вызывает вышедшая в свет монография С.М. Зырянова «Государственный контроль (надзор)» (2023 год) [7]. Данную монографию ее автор посвятил актуальным вопросам организации и осуществления органами исполнительной власти государственного контроля (надзора), а также вопросам правового регулирования отношений по контролю (надзору) в условиях модернизации регуляторной политики.

Сергей Михайлович Зырянов – доктор юридических наук, признанный ведущий ученый-административист, специалист в области государственного контроля и надзора. В 2010 году Сергей Михайлович защитил докторскую диссертацию по теме «Административный надзор органов исполнительной власти». Он является автором нескольких монографий. В их числе: Административно-надзорная деятельность федеральных органов исполнительной власти. – М.: ВНИИ МВД России (2004); Административный надзор милиции. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право (2008); Административный надзор. – М.: ИД «Юриспруденция» (2010) и др.

Академическая ценность монографии «Государственный контроль (надзор)» состоит в том, что в ней дается общая характеристика государственного контроля (надзора), анализируется содержание контрольно-надзорных правоотношений, права и обязанности их субъектов – уполномоченных органов исполнительной власти, раскрывается статус контрольных (надзорных) органов. Также в монографии большое внимание уделено проблемам обеспечения законности при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. По задумке автора монография предназначена практическим работникам, преподавателям вузов, аспирантам и исследователям, а также всем тем, кто интересуется проблемами взаимоотношений органов исполнительной власти с гражданами и организациями при осуществлении государственного контроля (надзора).

Прежде всего обращает на себя внимание объем и качество используемых источников и то уважение, с которым автор оценивает и рассматривает исследования своих коллег, приводя цитаты из их работ и ведя научную дискуссию.

Автор начинает свою книгу с постановки проблемы – рассуждений о сути контроля и надзора, сложившихся противоречиях в понимании данных терминов, дискуссии, возникшей неразберихе после принятия Закона № 248-ФЗ, закрепившего понятия «государственный контроль (надзор)», «муниципальный контроль» [6, с. 1]. Он так и

назвал раздел, который предваряет основное содержание монографии «Споры о терминах (вместо введения)». В этом же разделе автор обозначает задачи, которые он должен решить в своих дальнейших рассуждениях и разобрать подробно в главах монографии.

О проблеме нормативного закрепления терминов «государственный контроль», «надзор» С.М. Зырянов так и пишет: российский законодатель не справился с этой непростой терминологической задачей [7, с. 16]. Безусловно, термин «контроль (надзор)», закрепленный законодателем, нельзя назвать удачным, – продолжает С.М. Зырянов. И тому есть несколько причин. Во-первых, по причине существующей тавтологии. Он состоит из двух синонимов, один из которых помещен в скобки, обозначая то ли альтернативу, то ли уточнение. Во-вторых, громоздкости в плане наполняемости (государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль; «во многих случаях к государственному контролю (надзору) пристегивается» уточнение – федеральный либо региональный). В-третьих, точно такая же деятельность, но осуществляемая муниципальными органами или учреждениями, определяется лишь как «муниципальный контроль». То есть правом осуществлять муниципальный надзор муниципальные учреждения обделены. В-четвертых, рамки «государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», установленные в ч. 1 ст. 1 Закона № 248-ФЗ, оказались слишком тесными.

Все это приводит С.М. Зырянова к главной мысли: при поиске наиболее подходящего термина для того типа отношений, которые регулируются Законом № 248-ФЗ и Законом № 294-ФЗ, сама деятельность неоднородна и включает в себя набор составляющих, которые необходимо учитывать. Законность всей этой деятельности составляет предмет прокурорского надзора. Очевидно, что все это не охватывается ни термином «контроль», ни термином «надзор», ни каким-либо их сочетанием. Дополнение их определениями «государственный», «муниципальный», «федеральный», «региональный» проблемы не решает. Иначе говоря, задача состоит в том, чтобы обозначить сложное, но целостное и самостоятельное направление деятельности уполномоченного субъекта, центральным элементом которого является проведение проверок по соблюдению обязательных требований.

Предположив, что контроль (надзор) есть одна из основных функций регулирования, далее в монографии С.М. Зырянов детально демонстрирует, какое место занимает эта деятельность в регуляторном цикле наряду с правоустановлением, правонаделением, принуждением и правовосстановлением. В продолжении дискуссии о соотношении контроля и надзора автор не видит смысла. Споры о терминах, основные аргументы pro et contra уже неоднократно приводились в многочисленных работах, опубликованных ранее. Бесконечные споры являются безрезультативными. Это снижает их ценность и для науки, и для практики. Ценность для науки и практики имеет характеристика контроля (надзора) как самостоятельной, крупной регуляторной функции, занимающей свое место в регуляторном цикле [7, с. 212].

Основная идея, которую рассматривает автор работы, заключается по его задумке в том, чтобы показать: контроль (надзор) не следует рассматривать, регламентировать, организовывать и осуществлять изолированно от правового регулирования общественных отношений. Более того, не имеет никакого смысла рассмотрение контрольно-надзорной деятельности исключительно с позиции лишь проведения проверок [7, с. 212].

Монография состоит из трех глав, каждая из которых отражает как теоретико-правовые аспекты государственного контроля (надзора), так и имеет практико-ориентированную направленность и включает большое количество примеров. Глава первая «Государственный контроль (надзор) в теории административного права и законодательстве» развивает представления о государственном контроле (надзоре) в административном праве России, содержит историко-правовой анализ, отражающий

вопросы формирования законодательства о государственном контроле (надзоре). Тут же автор четко обозначает место государственного контроля (надзора) в механизме государственного регулирования общественных отношений. Отмечая высокую интенсивность контрольно-надзорных правоотношений, С.М. Зырянов пишет о том, что она кроет в себе не только недостатки, но и довольно существенные, и весьма недооцененные положительные качества для достижения глобальных целей. Эти качества состоят в корпоративной культуре контрольно-надзорных органов, в индивидуальном стиле работы каждого инспектора. Завершая свои рассуждения о сути контроля (надзора), С.М. Зырянов пишет о том, что они представляют собой обязательную, важнейшую по значению и крупнейшую по содержанию стадию цикла регулирования общественных отношений. Своим исследованием автор выявил возникающие системные связи в отдельно взятой стадии контроля (надзора), в отношениях между контролем (надзором) и другими стадиями: оценка ситуации, правовое нормирование (нормотворчество), правонаделение (разрешение), правоприменение (применение мер принуждения). В механизме правового регулирования контроль (надзор) играет свою собственную роль по оценке соответствия поведения контролируемых лиц обязательным требованиям, одновременно с этим выполняя функции каналов прямой и обратной связи, по которым происходит обмен информацией между субъектами, действующими на каждой стадии [7, с. 72-73].

Глава вторая «Контрольно-надзорное правоотношение». Исследование таких аспектов, как: структура контрольно-надзорного правоотношения, основания возникновения, изменения и прекращения контрольно-надзорных правоотношений в административном производстве по контролю (надзору), их стадии, выделение субъектов и определение их статуса в контрольно-надзорных правоотношениях, имеет важное значение не только для теории, но и правоприменительной практики. Рассмотрение контрольно-надзорной деятельности через призму правоотношений позволяет ученому раскрыть действительное содержание этой деятельности и выявить проблемы и противоречия ее нормативно-правового регулирования.

Глава третья «Законность и эффективность контрольно-надзорной деятельности» посвящена оценке и раскрытию таких аспектов темы, как: исследование юридических средств обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности; защита прав субъектов; обжалование решений и действий (бездействия) субъектов государственного контроля (надзора); вопросы эффективности и результативности контрольно-надзорной деятельности и их оценка. Проблеме обеспечения законности в контрольно-надзорной деятельности уделено одно из центральных мест в данной монографии. Автор доказывает, что имманентные природе исполнительной власти средства обеспечения законности, такие как открытость, подотчетность, ведомственный контроль, меры дисциплинарного принуждения, подменяются чужеродными и гораздо менее слабыми мерами административной ответственности.

Своим монографическим исследованием автор доказывает и настаивает на том, что деятельность, которую ранее было принято именовать «административный надзор» и которую законодатель назвал «государственный контроль (надзор)», нуждается в обособлении от контроля, основанного на принципе подчиненности. Это связано с объемом полномочий контролера и характером отношений между контролером и контролируемым лицом. Контрольно-надзорная деятельность встроена в общий регуляторный цикл как самостоятельная стадия наряду с информационно-аналитической стадией, нормотворческой стадией, стадией осуществления разрешительной деятельности, стадией, на которой применяются меры административного принуждения. На стадии контроля (надзора) осуществляется непосредственное взаимодействие субъектов регулирования с хозяйствующими субъектами, производится оценка соблюдения обязательных требований, выявляются нарушения, их причины и условия [7, с. 213-214].

Завершают рассмотрение различных аспектов административно-юрисдикционной деятельности в сфере контроля (надзора) проблемные вопросы ответственности субъектов государственного контроля (надзора).

Вместе с тем автор отметил, что стремление к более строгой регламентации контрольно-надзорной деятельности, сокращению доли мероприятий, с непосредственным взаимодействием субъектов контроля и контролируемых лиц, идет вразрез с общемировой практикой внедрения гибких методов регулирования и мотивации к добровольному соблюдению обязательных требований [7, с. 214].

Монография «Государственный контроль (надзор)» есть, как сам отметил С.М. Зырянов, промежуточный результат 20-летней работы над темой контроля и надзора. Промежуточный, считает автор, потому что тема многогранна и неисчерпаема. С момента издания монографии 2010 года произошло много глубинных изменений в законодательстве и правоприменительной практике. Вместе с тем автор находит в себе силы и признает, что с законодательными изменениями менялись и его личные взгляды «в определенной части», а «в какой-то части независимо от них» [7, с. 212].

Монография С.М. Зырянова «Государственный контроль (надзор)» – целостное завершенное научное произведение, которое займет достойное место среди работ подобного уровня, окажет помощь в законопроектной деятельности, непосредственно на практике – при организации и осуществлении государственного контроля (надзора) в федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

1. Васянина Е.Л. Правовое регулирование государственного финансового контроля в условиях структурной перестройки экономики // Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы административного права и административного процесса» (Лазаревские чтения – 2022). – М.: ИГП РАН.
2. Ильин А.Ю., Кобзарь-Фролова М.Н. Финансовое право: учебник. – М. Проспект, 2019.
3. Кобзарь-Фролова М.Н. К вопросу о совершенствовании форм и методов налогового контроля // Налоги и налогообложение. 2006. № 5.
4. Кобзарь-Фролова М.Н. Внутренний контроль (самоконтроль) как основной вид контроля деятельности хозяйствующих субъектов // Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2020. № 2.
5. Агамагомедова С.А. Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения // Государство и право. № 3.
6. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 19.10.2023) // Собр. зак-ва РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.
7. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор): монография. – М.: ИЗиСП; «Юридическая фирма контракт», 2023.

Информация об авторе:

М.Н. Кобзарь-Фролова,
главный научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса,
доктор юридических наук, профессор

About the author:

*M.N. Kobzar-Frolova, chief Researcher of the
Sector administrative law and administrative
process,
Doctor of Law, Professor*

Статья поступила в редакцию 11.12.2023

КОБЛОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

Научный центр безопасности дорожного движения МВД России
(Москва, Россия)

pkoblov@mvd.ru

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОПУСКА К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности разрешительного порядка, применяемого при допуске к осуществлению деятельности, связанной с перевозкой грузов автомобильным транспортом. При сравнительно-правовом анализе установлено, что в смежной сфере деятельности, связанной с перевозкой пассажиров автобусами, а также при отдельных видах грузоперевозок применяются некоторые особенности. При этом рассматриваемая деятельность должна основываться на риск-ориентированном подходе, при котором требования, предъявляемые для получения разрешения на конкретный вид деятельности, определяются исходя из потенциальной опасности последствий отклонения от этих требований. С учетом изложенного обосновывается необходимость совершенствования разрешительного порядка допуска к такой деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: безопасность дорожного движения, обязательные требования, грузовые перевозки, транспортные средства, разрешительный порядок, административно-правовое разрешение, риск-ориентированный подход

Для цитирования: Коблов П.С. О некоторых вопросах допуска к деятельности по перевозке грузов автомобильным транспортом // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 47-52; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4- 47-52

KOBLOV PAVEL S.

Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ABOUT SOME ADMISSION ISSUES TO THE ACTIVITY OF CARGO TRANSPORTATION BY ROAD TRANSPORT

Annotation. The present article deals with peculiarities of the authorization procedure applied in the process of admission to the realization activities related to the transportation of goods by road. In the course of comparative legal analysis, it is established that in the related sphere of activity, related to the transportation of passengers by buses, as well as in certain types of cargo transportation, some peculiarities are applied cargo transportation, some peculiarities are applied. At the same time, the considered activity should be based on a risk-oriented approach, in which in which requirements for obtaining an authorization for a particular type of activity are determined on the basis of potential risk activities are determined on the basis of the potential danger of consequences of deviating from these

requirements of deviations from these requirements. In view of the above, it is justified necessity to improve the authorization procedure for admission to such activities.

Key words and word combinations: road safety, mandatory requirements, freight transportation, vehicles, authorization procedure, permissive procedure, administrative and legal authorization, risk-oriented approach

For citation: Koblov P.S. About some admission issues to the activity of cargo transportation by road transport // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 47-52; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4- 47-52.

В настоящее время в условиях глобализации торговли и интеграции отечественной экономики в международное экономическое пространство важную роль в функционировании современного общества и экономики играет перевозка грузов автомобильным транспортом.

Выступая одной из задач для достижения национальных интересов и стратегических национальных приоритетов страны [1], о важности развития транспортного комплекса и его роли для отечественной экономики также неоднократно подчеркивается Президентом Российской Федерации В.В. Путиным [2].

По объему перевезенных грузов автомобильный транспорт ежегодно занимает лидирующую позицию, в 2022 году им перевезено 5505,6 млн тонн грузов, что составило 80% от их общего объема [3]. Кроме того, для грузовых ТС (далее – ТС) отмечается тенденция к ежегодному росту парка, за период с 2014 по 2022 год их количество увеличилось на 4,3% [4], а число лиц, получивших право на управление ТС такой категории, ежегодно составляет десятую часть среди всех получивших право управления и является второй по популярности категорий ТС после легковых [5].

В настоящее время в силу специфики регулирования отношений, складывающихся в процессе перевозки грузов автомобильным транспортом, применяется специальный метод правового регулирования, именуемый административно-правовым разрешением.

Его сущность и основная функция заключаются в определении правил развития общественных отношений в области, представляющей жизненный интерес для общества и государства, в установлении требований для лиц, изъявивших желание осуществлять деятельность в такой «режимной» области.

Как справедливо отмечает А.П. Шергин, «разрешение используется тогда, когда иные способы правового регулированию не могут обеспечить требуемую упорядоченность общественных отношений, когда автономность поведения субъекта права может быть использована в ущерб охраняемым интересам» [6, с. 5]. Аналогичной позиции придерживается Ю.К. Валяев, отмечая, что разрешительный порядок осуществления прав устанавливается в отношении позитивной и даже необходимой для общества и государства деятельности, но не как исключение из общего запрета, а как возможность действовать, но при соблюдении определенных условий, которые несмотря на позитивность все же связаны с ограничением прав и свобод» [7].

Именно поэтому выбор в пользу этого способа правового регулирования общественных отношений более чем обоснован, поскольку в отличие от других способов регулирования (дозволение, обязывание и запрет) разрешительный способ действует не только непосредственно, опираясь на норму права, но и предполагает наличие специального механизма по оценке уполномоченным органом соответствия субъекта установленным требованиям [8, с. 4].

Проанализировав требования, предъявляемые к перевозке грузов автомобильным транспортом, применяемый разрешительный порядок условно можно разделить на **базовый** и **специальный** уровни.

Базовый уровень. В связи с тем, что деятельность по эксплуатации ТС на основании ст. 1079 ГК РФ признается связанной с повышенной опасностью для окружающих, закономерным и обоснованным итогом стало установление обязательного наличия специального права для управления ТС. Применение системы допуска к управлению ТС

предполагает достижение кандидатом в водители установленного возраста, проведение медицинского освидетельствования на предмет наличия медицинских противопоказаний, показаний или медицинских ограничений к управлению ТС, а также прохождение профессионального обучения.

В целях более детального анализа требований на предмет наличия особенностей, присущих допуску к перевозке грузов, считаем целесообразным осуществить их характеристику.

Возраст кандидатов на право управления ТС. Анализ положений п. 2 ст. 26 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» (далее – Закон о БДД)

говорит о том, что требования к возрасту кандидатов условно можно разделить на следующие группы:

- пониженные (достижение 16-летнего возраста для кандидатов на право управления ТС категории «М» и подкатегории «А1»);
- общее правило (достижение 18-летнего возраста для кандидатов на право управления ТС категорий «А», «В» и «С» и подкатегорий «В1», «С1»);
- повышенные (достижение 21-летнего возраста для кандидатов на право управления ТС категорий «D», «Tm», «Tb» и подкатегории «D1») [9].

Выделение кандидатов в водители автобусов («D», «D1») в отдельную категорию, для которой предъявляется более серьезное требование по достижению определенного возраста, может быть связано с дополнительной ответственностью за жизнь и здоровье пассажиров при перевозке автобусами. При этом для кандидатов в водители грузовых ТС, получение права на управление которых предполагает оказание услуг по перевозке грузов, применяются общие правила, как и для водителей легковых ТС.

Медицинское освидетельствование кандидатов в водители. Обязательное медицинское освидетельствование кандидатов в водители ТС проводится в целях определения наличия медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению ТС в соответствии с установленными перечнями.

Таблица 1

**Объем медицинского освидетельствования кандидатов на право управления ТС
в зависимости от категории ТС**

Вид медицинского освидетельствования	Общие категории (подкатегории) «М», «А1», «А», «В», «В1», «ВЕ»	Специальные категории (подкатегории) «С», «С1», «D», «D1», «Tm», «Tb», «CE», «DE», «C1E», «D1E»
осмотр врачом-терапевтом	✓	✓
осмотр офтальмологом	✓	✓
обследование психиатром	✓	✓
осмотр врачом-неврологом	×	✓
осмотр оториноларингологом	×	✓
электроэнцефалография	×	✓

В зависимости от категории ТС, на получение которой претендует кандидат, отличается объем проводимых осмотров. Если для некоторых кандидатов достаточно пройти ограниченный круг исследований, а дополнительные только по направлению при выявлении состояния, являющегося ограничением к управлению ТС, для кандидатов на право управления других категорий объем расширен и предполагает обязательное проведение таких исследований (таблица 1).

Аналогичные особенности предусмотрены и в перечне медицинских ограничений к управлению ТС. Более строгие ограничения предъявляются к кандидатам в водители специальных категорий. Однако, поскольку ограничения напрямую связаны с медицинской составляющей, их подробная характеристика не требует нашего особого внимания.

Следует отметить, что в отличие от предыдущего этапа, связанного с возрастом кандидатов, на медицинском этапе допуска кандидаты в водители грузовых ТС приравниваются к кандидатам в водители других категорий ТС, к которым предъявляются дополнительные требования. Указанное может быть связано с тем, что при осуществлении профессиональной деятельности по перевозке грузов водители находятся в процессе дорожного движения более продолжительное время, что требует более серьезного подхода к контролю состояния здоровья.

Профессиональное обучение осуществляется в соответствии с примерными программами профессионального обучения водителей ТС соответствующих категорий и подкатегорий, утвержденными приказом Минпросвещения России от 08.11.2021 № 808 [10].

Сравнительный анализ профессионального цикла программ через призму учета особенностей управления грузовыми ТС позволяет сделать следующие выводы. Единственным отличием по объему подготовки будущих водителей грузовых ТС от водителей грузовых ТС является формирование навыков по применению тахографа, что не позволяет всесторонне охватить специфику деятельности по управлению грузовыми ТС.

При этом если для кандидатов на право управления грузовыми ТС все ограничивается только формированием навыка по их применению, то при подготовке будущих водителей автобусов изучается режим труда и отдыха водителей.

Специальный уровень. Стоит отметить, что на данном этапе для деятельности по перевозке грузов автомобильным транспортом не предусматривается какого-либо специального механизма допуска к осуществлению деятельности. Хозяйствующий субъект или физическое лицо, эксплуатирующее грузовое ТС, в зависимости от вида деятельности должен соблюдать набор требований, предусмотренный ст. 20 Закона о БДД.

При этом оценка соответствия перевозчика этим требованиям в соответствии с действующим механизмом происходит уже в процессе осуществления деятельности. Таким образом, действующий порядок предусматривает возможность только пресечь нарушение, связанное с несоблюдением требований перевозчиком, а не предупредить их нарушение в рамках оценки соответствия.

Кроме того, у государства отсутствуют какие-либо гарантии соответствия перевозчика установленным требованиям. Поскольку допуск к перевозке грузов автомобильным транспортом не предполагает издание индивидуального правового акта, свидетельствующего о соблюдении определенных условий, государство в лице уполномоченных органов не может при негативном развитии событий прекратить деятельность с перевозчиком.

Однако для некоторых видов перевозок грузов представляется возможным не только установить дополнительные требования, но и формально произвести их оценку перед допуском к осуществлению деятельности.

Так, на основании ст. 31 Федерального закона от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон об автомобильных дорогах) предусмотрено, что для движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного ТС, а также ТС, осуществляющего перевозки опасных грузов, предусмотрен специальный порядок [11].

Например, для движения по автомобильным дорогам крупногабаритного тяжеловесного и (или) крупногабаритного ТС требуется получение специального

разрешения [12]. Кроме того, организация движения таких ТС для перевозки грузов включает специальные требования к ТС (наличие опознавательных знаков, системы автоматического (аварийного) торможения, мигающие (проблесковые) фонари (сигналы) желтого или оранжевого цвета. А в отдельных случаях, когда для движения ТС требуется укрепление отдельных участков или принятие специальных мер по обустройству дорог, дополнительно требуется согласование маршрута с Госавтоинспекцией.

Перевозка опасных грузов в соответствии с п. 3 Правил перевозок грузов автомобильным транспортом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 21.12.2020 № 2200, осуществляется в соответствии с требованиями, установленными приложениями А и В Соглашения о международной дорожной перевозке опасных грузов от 30.09.1957 (ДОПОГ) (далее – ДОПОГ) [13]. Приложением В ДОПОГ установлены специальные требования, касающиеся ТС, его экипажа и оборудования. Так, к управлению ТС, осуществляющими перевозку

опасных грузов, допускаются водители, имеющие непрерывный стаж работы в качестве водителя соответствующей категории не менее одного года и не подвергавшиеся в течение последнего года административному наказанию в виде лишения права управления ТС либо административного ареста за совершение административного правонарушения в области БДД [14]. Кроме того, на основании п. 8.2.2.1 водители должны иметь специальное свидетельство, удостоверяющее, что они прошли курс подготовки и сдали экзамен на знание специальных требований, которые должны выполняться при перевозке опасных грузов.

В сфере перевозки пассажиров автобусами разрешительный порядок допуска к деятельности вообще содержит несколько уровней. Помимо соответствия общим требованиям (ст. 20 Закона о БДД), на основании п. 24 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 «О лицензировании отдельных видов деятельности» деятельность по перевозке пассажиров подлежит лицензированию [15], что предполагает наличие дополнительных требований и их оценку [16, с. 13-18].

Принимая во внимание, что обеспечение БДД является важной составляющей социально-экономического развития [17, с. 29-39] и национальной безопасности нашей страны [18, с. 6-11], с участием грузовых ТС с 2014 года ежегодно отмечается более четвертой части от общего числа погибших в ДТП, по сравнению с предыдущим годом [19]. В свою очередь, с участием грузовых тяжеловесных и (или) крупногабаритных ТС, а также ТС, осуществляющих перевозки опасных грузов, ежегодно отмечается около 1% от общего числа погибших в ДТП (0,4 и 1,3 соответственно). Доля погибших в ДТП с участием автобусов составляет 4,2% от общего числа погибших в ДТП.

Указанное свидетельствует о необходимости совершенствования разрешительного порядка допуска к деятельности, связанной с перевозкой грузов автомобильным транспортом. Реализация такого подхода позволит повысить БДД при перевозке грузов, что неоднократно затрагивалось на заседании Государственного совета по вопросам развития сети автомобильных дорог и обеспечения безопасности дорожного движения под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Рассматриваемая деятельность должна основываться на риск-ориентированном подходе, при котором требования, предъявляемые для получения разрешения на конкретный вид деятельности, определяются исходя из потенциальной опасности последствий отклонения от этих требований: чем большую угрозу представляют отклонения в рассматриваемой сфере деятельности, тем большими полномочиями наделяется орган, предоставляющий такое разрешение, в том числе затрагивающими права и свободы человека и гражданина, и тем больше закрепляется условий для получения соответствующего разрешения для реализации определенных прав [20].

В качестве одного из решений этой проблемы не исключается включение деятельности по перевозке грузов автомобильным транспортом в перечень лицензируемых видов деятельности. До недавнего времени перевозка грузов

автомобильным транспортом грузоподъемностью свыше 3,5 тонн относилась к лицензируемому виду деятельности. Впоследствии в целях унификации порядка лицензирования, упрощения его процедур и сокращения перечня лицензируемых видов деятельности в получении лицензии на перевозку грузов автомобильным транспортом необходимость отпала.

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собр. зак-ва Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. Совещание по развитию отдельных направлений транспортного комплекса [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68468> (дата обращения: 28.05.2023).
3. Транспорт России. Информационно-статистический бюллетень. 2022 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России.
4. Коблов П.С., Никулин Е.Д. Деятельность по допуску к управлению автомобилотранспортными средствами и самоходными машинами // Безопасность дорожного движения. 2022. № 2.
5. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2022 году: информационно-аналитический обзор / Баканов К.С. [и др.]. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023.
6. Шергин А. П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. – М., 2004.
7. Валяев Ю. К. Метод разрешения в административном праве России. – М., 2009.
8. Зырянов С.М. Разрешительные режимы в российском административном праве // Журнал российского права. 2012. № 11 (191).
9. О безопасности дорожного движения: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.
10. Об утверждении примерных программ профессионального обучения водителей транспортных средств соответствующих категорий и подкатегорий [Электронный ресурс]: приказ Минпросвещения России от 08.11.2021 № 808 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.03.2022.
11. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 2007. № 46. Ст. 5553.
12. Об утверждении Порядка выдачи специального разрешения на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства [Электронный ресурс]: приказ Минтранса России от 18.10.2022 № 418 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 30.11.2022.
13. Европейское соглашение о международной дорожной перевозке опасных грузов (ДОПОГ/ADR), заключено в г. Женеве 30.09.1957.
14. Об утверждении профессиональных и квалификационных требований, предъявляемых при осуществлении перевозок к работникам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, указанных в абзаце первом пункта 2 статьи 20 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]: приказ Минтранса России от 31.07.2020 № 282 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.11.2020.
15. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.

16. Ермаганбетов А.С. Общая характеристика разрешительной системы и особенности ее проявления в сфере пассажирских перевозок автобусами // Безопасность дорожного движения. 2021. № 3.

17. Гордеева А.Д., Ляхов П.В. Обеспечение безопасности дорожного движения на международном уровне и в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93).

18. Кардашова И.Б. Безопасность дорожного движения в контексте обеспечения национальной безопасности // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1 (28).

19. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023.

20. Баканов К.С., Бурцев А.А. Предупреждение фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения на этапах получения, приостановления, прекращения и возобновления права на управление транспортным средством: монография. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021.

Информация об авторе:

П.С. Коблов, научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения

About the author:

P.S.Koblov, researcher at the department for studying problems of regulatory legal and analytical support

Статья поступила в редакцию 20.09.2023

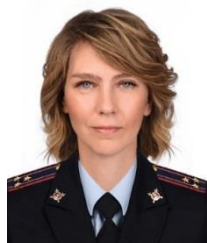
ДЕНИСЕНКО ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ¹

profdenisenko@mail.ru

ORSID 0000-0003-4704-0774

Autor ID: 65471

SPIN-код: 1474-3999

ДЕНИСЕНКО СНЕЖАНА ГЕННАДЬЕВНА²

denisenkosg@list.ru

ORSID 0000-0002-7125-5006

SPIN-код: 5045-8200

---

^{1,2} Краснодарский университет МВД России
(Краснодар, Россия)

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Аннотация. В статье раскрываются теоретические и практические вопросы взаимосвязи принципа социальной защиты сотрудников органов внутренних дел и основных принципов построения и функционирования системы государственной службы; представлена авторская позиция по данной проблематике и положения, которые могут быть положены в основу дальнейших научных исследований, направленных на совершенствование нормативно-правового регулирования в области социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел и, собственно, по организации работы по ее практической реализации непосредственно в структурных подразделениях органов внутренних дел.

Ключевые слова и словосочетания: система и виды государственной службы, служба в органах внутренних дел, принципы построения государственной службы, социальная защита сотрудников органов внутренних дел

Для цитирования: Денисенко В.В., Денисенко С.Г. Корреляция принципа социальной защиты сотрудников органов внутренних дел и основных принципов организации государственной службы // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 53-59; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-53-59

DENISENKO VICTOR V.¹

DENISENKO SNEZHANA G.²

^{1,2} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russia)

CORRELATION OF THE PRINCIPLE OF SOCIAL PROTECTION OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AND THE BASIC PRINCIPLES OF THE ORGANISATION OF PUBLIC SERVICE

Annotation. The article reveals theoretical and practical issues of correlation between the principle of social protection of employees of internal affairs bodies and the basic principles of construction and functioning of the system of public service; the author's position on this problem and the provisions that can be put in the basis of further scientific research aimed at improving the normative-legal regulation in the field of social and legal protection of employees of internal affairs bodies and actually on the organisation of work on its practical and legal protection of employees of internal affairs bodies.

Key words and word combinations: system and types of public service, service in internal affairs bodies, principles of public service, social protection of employees of internal affairs bodies

For citation: Koblov P.S. About some admission issues to the activity of cargo transportation by road transport // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 53-59; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-53-59

Вопросы правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел в последние годы регулярно подвергались исследованию как на монографическом уровне [1, 2, 3], так и в формате научных статей [4, 5, 6, 7], а также получили широкое отражение в учебной литературе [8]. Благодаря работам ученых-административистов сложились современные представления о социальной политике в отношении российской полиции, правовой и социальной защите, о системе социальных гарантий сотрудников ОВД. Высоко оценивая вклад современных представителей административного права в разработку данной проблематики, отметим, что всегда сохраняется возможность научного поиска, направление которого во многом будет определяться постановкой таких вопросов, которые, по мнению исследователей, недостаточно изучены и разработка которых может привести к получению новых научных знаний либо корректировке и развитию имеющихся научно обоснованных положений, позиций, взглядов.

Целью подготовки данной статьи является осмысление теоретических и практических аспектов взаимосвязи принципа социальной защиты сотрудников органов внутренних дел и основных принципов построения и функционирования системы государственной службы; определение авторской позиции по данной проблематике, выработка положений, которые могут быть положены в основу дальнейших научных исследований, направленных на совершенствование нормативно-правового регулирования в области социально-правовой

защиты сотрудников органов внутренних дел и, собственно, по организации работы по ее практической реализации непосредственно в структурных подразделениях ОВД.

Служба в органах внутренних дел (полиции) является одним из элементов системы государственной службы и отнесена к иным ее видам [9, ч. 1, 2 ст. 2]. При этом законодателем показана взаимосвязь между службой в органах внутренних дел, государственной службой иных видов, муниципальной службой [10, ст. 5]. Данная взаимосвязь логично прослеживается исходя из системного подхода к государственной службе в Российской Федерации, в которой в качестве самостоятельных, но взаимодействующих элементов выступают государственная гражданская служба, государственная военная служба, государственная служба иных видов. Такой подход обуславливает и наличие законодательно закреплённых общих для государственной службы организационных принципов, которые определяют построение и функционирование как в целом, так и каждого вида [9, ст. 3].

Взаимосвязь службы в органах внутренних дел (полиции) с государственной службой иных видов можно проследить, проведя анализ действующего законодательства,

нормами которого для сотрудников всех силовых и правоохранительных структур установлены:

- сопоставимые условия труда и размеры его оплаты, а также социальные гарантии, одно из центральных мест в которых занимает социальная защита;
- не просто однопорядковые и сопоставимые, а единые ограничения и обязательства для сотрудников всех силовых и правоохранительных структур;
- учет стажа прохождения службы в органах внутренних дел (полиции) при исчислении стажа службы в иных силовых и правоохранительных структурах;
- сопоставимые и соотносимые специальные и воинские звания, дипломатические ранги и классные чины силовых, правоохранительных, а также дипломатических структур;
- сопоставимые и соотносимые условия пенсионного обеспечения для граждан, проходивших службу в любом из органов, в котором осуществляется государственная служба иных видов.

Подобный подход законодателя к установлению общих принципов можно проследить и при сопоставлении службы в полиции и на должностях муниципальной службы, в частности это касается учета службы в полиции при исчислении общего стажа работы в муниципальных органах. Такой подход логичен и исходя из новой концепции содержания публичной власти.

О корреляции рассматриваемых нами принципов можно вести речь в различных аспектах – научно-теоретическом, нормативно-правовом, практическом. И эти аспекты будут дополнять общую картину, расширять наши представления о рассматриваемом вопросе. В частности, можно привести в качестве примера норму, установившую, что «гражданину, проходившему государственную службу иных видов, назначаемому на должность высшего начальствующего состава, или сотруднику органов внутренних дел, назначаемому на соответствующую должность государственной службы иного вида, по решению Президента Российской Федерации могут быть сохранены социальные гарантии, которые имел указанный гражданин или сотрудник» [10, ч. 3 ст. 5]. Как видно, нормативно-правовое установление получило вполне конкретное практическое значение для вполне определенной категории лиц, занимающих государственные должности. Безусловно, такой подход представляется не просто оправданным, но и, на наш взгляд, безупречным исходя из сложившихся представлений о системном характере государственной службы и ее содержательной стороне.

Анализ организационных принципов, в соответствии с которыми осуществлено построение и функционирование системы государственной службы, позволяет утверждать, что практически каждый из них коррелируется с принципом социальной защиты сотрудников ОВД. Постараемся показать эту взаимосвязь посредством сопоставления соответствующих принципов.

Первым в числе анализируемых организационных принципов рассмотрим принцип федерализма, имеющий двоякое содержание, отражающий, с одной стороны, единство в Российской Федерации всей системы государственной службы, с другой – разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти разных уровней (федерального и субъектов федерации) [11, ст. 72, 73]. Применительно к проблематике нашего исследования можно выделить то обстоятельство, что наличие вышеназванного принципа обуславливает возможность получения сотрудниками органов внутренних дел социально-правовой защиты на каждом из уровней государственного управления: на федеральном уровне – в виде различных пособий, прежде всего, как, собственно, сотрудник ОВД, на региональном уровне – например, в качестве гражданина, получающего государственную поддержку для молодых либо многодетных семей.

Основополагающий и фундаментальный правовой принцип законности является таковым и для функционирования государственной службы. При этом его корреляция с

состоянием социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов обеспечивается ввиду того, что административно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел (полиции) характеризуется дуализмом [12].

Суть взаимосвязи двух рассматриваемых принципов состоит в том, что, выступая субъектом проведения в жизнь социально-правовой политики государства, сотрудники полиции при выполнении возложенных на них задач по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка обязаны действовать исключительно в рамках законности. С другой стороны, они вправе получать социально-правовую защиту государства также исключительно на законных основаниях.

Аналогичным образом принцип социальной защиты сотрудников ОВД соотносится с принципом приоритета прав и свобод человека и гражданина, который также выступает и конституционным принципом. В соответствии с ним указанные выше права и свободы являются непосредственно действующими и определяют содержание деятельности публичных органов власти [11, ст. 18]. Наряду с этим подчеркивается, что соблюдение прав и законных интересов граждан, равно как и общественных объединений отнесено к числу основных обязанностей и сотрудников полиции [13, п. 5 ч. 1 ст. 27], как и в целом сотрудников органов внутренних дел [10, п. 4 ст. 12 ч. 1]. Но в той же мере для государства приоритетна защита прав и самих сотрудников органов правопорядка. Так, неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, должностного лица органов внутренних дел, осуществляющих функции по контролю и надзору в сфере миграции, действующим административно-деликтным законодательством признается административным правонарушением, и виновно совершившее его лицо подлежит административной ответственности [14, ч. 1 и 1.1 ст. 19.3]. И это, в свою очередь, напрямую связано с ещё одним принципом организации системы государственной службы, который предусматривает защиту государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную деятельность со стороны любых лиц, как физических, так и юридических, включая органы публичной власти и их должностных лиц.

Социальная защита сотрудников органов внутренних дел строится и на основе закреплённого принципа равного доступа как к этому виду государственной службы, так и к государственной службе в целом. Кстати, это требование полностью согласуется с нормами международного права, закрепившими право и возможность каждого гражданина без какой-либо дискриминации и необоснованных ограничений допускаться в своей стране к государственной службе на условиях равенства [15, п. «с» ст. 25].

Равный доступ к государственной службе означает и наличие равнозначных исходных требований и возможностей для кандидатов к поступлению на государственную службу, в том числе и на службу в органы внутренних дел. Подобное равенство прав и свобод гарантируется каждому Конституцией РФ [11, ч. 2 ст. 19], одновременно с этим закреплёно гендерное равенство, поскольку мужчинам и женщинам гарантируются равные возможности для их реализации [11, ч. 3 ст. 19]. А поскольку мужчинам и женщинам Основным законом страны предоставлены равные права, то это относится и к равным правам на социальную защиту в связи с прохождением любого вида государственной службы, в том числе в органах внутренних дел. Важно иметь в виду и то обстоятельство, что равный доступ на государственную службу не тождественен равенству, понимаемому абсолютно, поскольку существуют разработанные и законодательно закреплённые требования к кандидатам для поступления на государственную службу.

Отметим последовательность отечественного законодателя в вопросах нормативно-правового регулирования отдельных видов государственной службы, это в полной мере справедливо и в отношении установления сходных, подобных, аналогичных квалификационных требований для замещения должностей гражданской службы [16, ст. 12], иных видов государственной службы, в частности в органах внутренних дел [10, ст.

9], а также муниципальной службы [17, ст. 9]. Во всех случаях все эти требования касаются, в частности, уровня образования, состояния здоровья, наличия профессиональных качеств, которые необходимы для качественного выполнения обязанностей по замещаемой должности. Вполне очевидно, что если сопоставимы требования для замещения должностей государственной службы, то должны быть сопоставимы и социальные гарантии для всех государственных служащих, включая сотрудников ОВД. Всё это ещё раз доказывает действенность общего подхода к организации государственной и муниципальной службы.

Также базовым принципом построения и функционирования системы государственной службы выступает принцип открытости государственной службы. Это означает как доступность деятельности полиции общественному контролю, так и практику, позволяющую объективно информировать население как часть гражданского общества о деятельности представителей государственной власти. На первый взгляд, между ним и принципом социальной защиты полицейских не просматривается какой-либо связи. Вместе с тем, именно за счёт того, что общественный контроль является доступным и имеющим возможности объективно информировать граждан о деятельности правоохранительных органов в обществе формируются представления о достаточности либо о недостаточности, либо напротив чрезмерности социальных гарантий сотрудников правоохранительных органов, и следовательно, об их социальной защищённости, что, в свою очередь, имеет важное значение при проведении имиджевой политики и имиджевой стратегии органов внутренних дел (полиции) [18, с. 11].

Такие качества сотрудников ОВД (полиции), как их высокий профессионализм и должностная компетентность – как составные части организационно-правового аспекта построения системы государственной службы – не могут напрямую влиять на содержание принципа социальной защиты данной категории государственных служащих. При этом нам всё же представляется важным, чтобы сотрудники органов внутренних дел стремились к тому, чтобы их профессионализм и компетентность позволяли им решать все возложенные на них задачи, с тем, чтобы их отдача в ходе исполнения ими служебных обязанностей была соразмерна и адекватна системе социальных гарантий сотрудников правоохранительных органов, которые сегодня закреплены законодательно и реализуются на практике.

Проведённый нами анализ позволяет сделать ряд выводов.

Осуществление на практике принципа социальной защиты сотрудников ОВД обеспечивается комплексом социально-правовых мер, в числе которых можно выделить и реализацию основных принципов построения и функционирования системы государственной службы.

Корреляция основных организационных принципов государственной службы в сферу социально-правовой защиты сотрудников ОВД расширяет возможности социальных гарантий указанной категории государственных служащих, позволяя:

- сочетать возможности получения государственной социальной поддержки как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ;
- осуществлять сотрудникам ОВД деятельность по реализации принципа приоритета прав и свобод человека и гражданина и задач по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка, при одновременном действии государственной политики в части приоритетности защиты прав и самих сотрудников ОВД;
- гарантировать гендерное равенство права мужчин и женщин на поступление на службу в ОВД и возможность его реализации при соответствии единым для кандидатов требованиям для поступления на службу, позволяющим претендовать и занять определенную служебную должность;

- обеспечивать сопоставимость социальных гарантий для всех государственных служащих, включая сотрудников ОВД, требованиям для замещения должностей государственной службы;

- формировать в общественном сознании представление об уровне и содержании социальной защищенности сотрудников ОВД с целью повышения имиджевой привлекательности данного вида государственной службы и, как следствие, основы для сохранения крепкого профессионального ядра ОВД;

- сочетать доступность деятельности полиции общественному контролю и практику, позволяющую объективно информировать население как часть гражданского общества о деятельности представителей государственной власти, как средство формирования в обществе представлений о степени важности правоохранительной деятельности и необходимости обеспечения высокого уровня социальной защищенности сотрудников ОВД.

Анализ норм, регламентирующих социальные гарантии сотрудников ОВД, свидетельствует об отсутствии как протекционистских, так и дискриминационных проявлений в отношении данной категории государственных служащих в сравнении с лицами, проходящими гражданскую, военную службу либо несущих службу в других структурах, в которых сотрудники проходят иные виды государственной службы.

Сопоставимость социальных гарантий для всех государственных служащих на основе законодательно закрепленных единых стандартов можно оценивать как системный подход, направленный на реальное обеспечение единства института государственной службы и исключение внутренних противоречий в части, касающейся такого элемента правового статуса государственных служащих, как их социально-правовая защита.

1. Круппо С.М. Правовая и социальная защита сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001.

2. Кочеткова Н.Д. Административно-правовое обеспечение социальной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

3. Михайлюк П.А. Административно-правовое регулирование социальной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.

4. Куракин А.В. Социальная политика и российская полиция // Полицейская и следственная деятельность. 2013. № 3. С. 1-23.

5. Шурухнова Д.Н. Система социальных гарантий сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные обязанности в особых условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 185-188.

6. Саранкина Ю.А. Некоторые аспекты социальной защиты сотрудников органов внутренних дел на современном этапе // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2. С. 273-275.

7. Набока А.А. Особенности социальной защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института им И.Д. Путилина. 2020. № 4. С. 54-58.

8. Административная деятельность органов внутренних дел: учеб. для вузов / М.В. Костенников [и др.]; под ред. М.В. Костенникова, А.В. Куракина. – М., 2022.

9. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. зак-ва РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

10. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в

силу с 15.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.12.2011.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесёнными поправками от 21.07.2014 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.08.2014; Собр. зак-ва РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

12. Денисенко В.В., Прут Е.В. Дуализм административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел в сфере реализации государственной социально-правовой политики // Общество и право. 2016. № 3.

13. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.07.2016) // Собр. зак-ва РФ. 2011. № 7. Ст. 900; изменения опубликованы на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 04.07.2016.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собр. зак-ва РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

15. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // официальный сайт ООН: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

16. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.08.2016) // Собр. зак-ва РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

17. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.06.2016) // Собр. зак-ва РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

18. Денисенко В.В. Эффективное противодействие административной деликтности – перспективное и приоритетное направление имиджевой политики и имиджевой стратегии российской полиции: актуализация вопроса // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: вопросы теории и практики: материалы V Всероссийской науч.-практ. конф., посвящённой 60-летию профессора В.В. Денисенко, 3 июня 2016 г. – Краснодар, 2016.

Информация об авторах:

В.В. Денисенко,
профессор кафедры конституционного
и административного права,
доктор юридических наук, профессор

С.Г. Денисенко,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
кандидат юридических наук

About the authors:

V.V. Denisenko,
professor of the department of constitutional
and administrative law,
doctor of law, professor

S.G. Denisenko,
associate professor, department of constitutional
and administrative law, phd in law

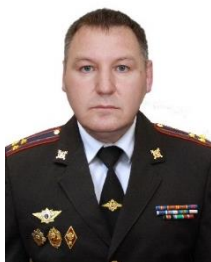
Статья поступила в редакцию 16.11.2023

САМОЙЛЮК РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (Московская область, Россия)

roman7771777@yandex.ru

ФРОЛОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ¹

Lexa121578@yandex.ru

ЯГУНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА²

---

^{1,2} Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Павловский филиал)
(Нижний Новгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье анализируются положения нормативных правовых актов, регламентирующих применение полицией административно-правовых средств предупреждения и пресечения административных правонарушений, связанных с проявлением экстремизма. Отдельно акцентировано внимание на проблемах реализации административного законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере противодействия экстремизму, предлагаются пути преодоления таких проблем. Указывается на необходимость формирования в правосознании граждан отрицательного отношения к проявлениям экстремистской деятельности.

Предлагается усовершенствование административно-правовых средств предупреждения и пресечения административных правонарушений, связанных с проявлением экстремизма, путём создания единой судебной практики. Необходимо понимать, что такого административного правонарушения, как «экстремизм», не существует в административном законодательстве. В данном случае необходимо вести речь о проявлениях экстремизма в рамках административного законодательства. При этом за одни проявления экстремизма предусмотрена административная ответственность, за иные – уголовная.

В административном праве отсутствует понятие «административные правонарушения, связанные с проявлением экстремизма», несмотря на то, что в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях [1] (далее – КоАП РФ) отражены деликты, связанные с проявлением экстремизма и экстремистской деятельности.

Ключевые слова и словосочетания: административно-правовые средства, экстремизм, административное законодательство, административно-правовой механизм, право, правосознание

Для цитирования: Самойлюк Р.Н., Фролов А.Н., Ягунова Н.А. Проблемы реализации административно-правовых средств предупреждения и пресечения административных правонарушений экстремистской направленности // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 60-66; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-60-66

SAMOYLYUK ROSTISLAV N.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

FROLOV ALEXEY N.¹

YAGUNOVA NATALIA A.²

^{1,2} Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky (Pavlovsk branch)
(Nizhny Novgorod, Russia)

IMPLEMENTATION CHALLENGES ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEANS OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF EXTREMIST ENTITLEMENT

Annotation. The article analyzes the provisions of regulatory legal acts regulating the use by the police of administrative and legal means of preventing and suppressing administrative offenses related to the manifestation of extremism. Particular attention is paid to the problems of implementing administrative legislation regulating public relations in the field of countering extremism, and ways to overcome such problems are proposed. The need to form a negative attitude towards manifestations of extremist activity in the legal consciousness of citizens is pointed out.

It is proposed to improve the administrative and legal means of preventing and suppressing administrative offenses related to the manifestation of extremism by creating a unified judicial practice. It is necessary to understand that such an administrative offense as “extremism” does not exist in administrative legislation. In this case, it is necessary to talk about manifestations of extremism within the framework of administrative legislation. At the same time, administrative liability is provided for some manifestations of extremism, and criminal liability for others.

In administrative law there is no concept of “administrative offenses associated with the manifestation of extremism,” despite the fact that the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [1] (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) reflects torts associated with the manifestation of extremism and extremist activities.

Key words and word combinations: administrative and legal means, extremism, administrative legislation, administrative and legal mechanism, law, legal consciousness

For citation: Samoylyuk R.N., Frolov A.N., Yagunova N.A. Implementation challenges administrative and legal means of prevention and suppression of administrative offenses of extremist entitlement // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 60-66; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-60-66

В 2020 году Президентом Российской Федерации была утверждена Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [2], она определила основные направления государственной политики по противодействию экстремизму (далее – Стратегия). В контексте вышеуказанного нормативного правового акта экстремизм выделен в качестве основного катализатора угрозы общественной и национальной безопасности нашей страны [11, с. 69].

В качестве основных индикаторов достижения целей Стратегии обозначены – повышение уровня защищенности граждан и общества от экстремистских проявлений. Эффективное использование полицией административно-правовых средств предупреждения и пресечения административных правонарушений в борьбе с экстремистскими проявлениями является залогом успеха в обеспечении общественной и национальной безопасности [12, с. 119].

По мнению авторов, практическую значимость в правоприменительной деятельности представляет комплексное исследование административных деликтов, связанных с проявлениями экстремизма.

Анализируя нормативные правовые акты, регламентирующие отношения в заявленной теме, можно сделать ряд выводов. Так, Конституцией РФ «... каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» (статья 28). Данное положение находит своё отражение в федеральном законодательстве [5], где закрепляется равенство всех граждан Российской Федерации перед законом во всех сферах жизнедеятельности независимо от религии и вероисповедания. В случае выявления нарушений вышеуказанных норм предусмотрена административная ответственность (статья 5.26). В составах данных правонарушений выделяются такие общие признаки, как:

- насилие над личностью;
- умышленное оскорбление чувств граждан в связи с их отношением к религии;
- пропаганда религиозного превосходства;
- уничтожение или повреждение имущества либо с угрозой совершения таких действий;
- размещение текстов и изображений, оскорбляющих религиозные чувства граждан вблизи объектов религиозного почитания и т.д.

Общим объектом рассматриваемого деяния являются общественные отношения, связанные с обеспечением свободы совести, свободы вероисповедания и иных религиозных прав граждан. В качестве непосредственного объекта выступают гарантируемые Конституцией РФ и федеральными законами свобода совести, свобода вероисповедания, право на вступление в религиозное объединение или на выход из него. При этом внешнее проявление объективной стороны анализируемого проступка может проявляться как в форме активных действий, так и пассивного поведения правонарушителя.

К субъектам правонарушения относятся лица, достигшие возраста привлечения к административной ответственности, должностные лица, иностранные граждане или лица без гражданства.

Исходя из анализа нормы КоАП РФ, необходимо отметить, что использование полицией административно-правовых средств в целях предупреждения и пресечение административных правонарушений на сегодняшний день является актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения, что обусловлено рядом факторов:

Комплексное использование сил и средств, направленных на выявление проявлений экстремистской направленности (административно-правовых, оперативно-розыскных), будет способствовать купированию актов экстремизма. При этом своевременный обмен оперативно значимой информацией позволит на стадиях подготовки к совершению противоправных экстремистских действий выявить источники угрозы и тем самым нейтрализовать возможность наступления негативных последствий.

Методы, применяемые сотрудниками полиции, имеют четкую регламентацию и закреплены в административном законодательстве, в том числе регламентирован порядок их применения. Такое положение дает возможность сотрудникам полиции использовать

необходимые административно-правовые средства в зависимости от складывающейся ситуации и достигать определенных целей, направленных на предупреждение и пресечение правонарушений, связанных с проявлениями экстремизма.

Административно-правовые средства выполняют обеспечительную функцию по предупреждению и пресечению экстремизма.

При введении особых режимов на территории субъектов Российской Федерации в связи с совершением действий экстремистской направленности административно-правовые средства дают возможность сотрудникам полиции применять более обширный перечень мер принуждения в борьбе с экстремизмом. Характерный пример – недавние события в Дагестане [6].

Все вышеперечисленные средства, направленные на противодействие экстремистским проявлениям, являются фактором, формирующим антиэкстремистское общественное правосознание, так как общество является чувствительным индикатором, который следит за деятельностью органов власти и через призму своего сознания дает социально-правовую оценку их действиям. Действия, направленные на пресечение массовых беспорядков, незаконных митингов, шествий и пикетирований, в том числе с участием лиц, причастных к экстремистской деятельности, в механизме общественной безопасности срабатывают как профилактический элемент в сознании населения.

Анализируя вышеперечисленные факторы, под *административно-правовыми средствами предупреждения и пресечения административных правонарушений экстремистской направленности* следует понимать административно-правовой механизм, состоящий из совокупности сложных взаимосвязанных элементов, отличающихся по своим характеристикам мерами административного характера, применяемыми органами государственной власти, направленными на регулирование общественных отношений, связанных с деятельностью по выявлению, предупреждению и пресечению административных правонарушений экстремистской направленности.

К мерам административного характера следует относить: предупредительные меры, меры пресечения, меры административной ответственности.

Под предупредительными мерами (меры административного предупреждения) следует понимать определенные нормативные правовые акты ограничения, которые могут быть применены к физическим и юридическим лицам (досмотр, предостережение, представление и т.п.), при фактическом отсутствии правонарушения. Кроме этого, необходимо проведение комплекса мер, направленных на упрочение национального, межконфессионального согласия в Российской Федерации, формирование высокого уровня правового сознания, без которого не может быть в должной мере обеспечено верховенство права, реализованы такие базовые общественные ценности, как права и свободы человека и гражданина, обеспечена надежная защита публичных и частных интересов [13, с. 16]. Такие меры, как правило, применяются в профилактических целях, их главное предназначение – изменение антиобщественных взглядов на правильные социально-полезные установки.

По мнению А.П. Коренева, «...к мерам административного принуждения относятся способы и средства, направленные на предупреждение правонарушений и недопущение их отрицательных, вредных последствий, а также на предотвращение наступления обстоятельств, угрожающих жизни и безопасности граждан или нормальной деятельности государственных органов» [9, с. 47].

К предупредительным мерам, направленным на противодействие экстремистским проявлениям, в соответствии с Федеральным законом «О полиции» [3] необходимо относить следующие:

проверка документов, удостоверяющих личность гражданина, – дает возможность сотрудникам полиции выявить лиц, чьи действия связаны с экстремистской деятельностью;

осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, осужденными за совершение правонарушений экстремистской направленности;

проведение досмотровых мероприятий во время организации массовых мероприятий, а также пропускного режима на объектах водного, воздушного и железнодорожного транспорта;

ограничение допуска на отдельные территории или объекты лиц, причастных в том числе к экстремистской деятельности;

ограничение движения транспорта при проведении несанкционированных митингов, шествий и пикетирований с целью обеспечения безопасности граждан и т.д.

Как правило, предупредительные меры, направленные на противодействие экстремизму, применяются в период проведения массовых мероприятий, в том числе и в случаях введения особых режимов. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в статье 3 напрямую нам указывает, что «необходимо принимать профилактические меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности» [4].

Меры пресечения и административной ответственности играют ключевую роль в борьбе с экстремистскими проявлениями, так как применяются не только в отношении граждан, но и должностных лиц органов государственной власти, тем самым ограничивая возможности должностных лиц к публичным выступлениям о возможной экстремистской деятельности, так как должностные лица также несут ответственность за осуществление экстремистской деятельности.

Все меры административного характера или, если быть более точным, административно-правовые меры, применяемые при предупреждении и пресечении административных правонарушений экстремистской направленности, являются разносторонними, и применение их сотрудниками полиции позволяет обеспечивать проведение различных мероприятий, в том числе и оперативно-розыскных, по выявлению лиц, склонных к совершению экстремистских действий, предупреждая тем самым совершение административных правонарушений на ранней стадии их приготовления.

В деятельности полиции важное значение имеет проведение во взаимодействии с населением индивидуально-профилактической работы, направленной на разъяснение и формирование негативного отношения к деятельности экстремистского характера. Такая работа должна проводиться оперативными подразделениями по противодействию экстремизму, участковыми уполномоченными полиции, подразделениями по работе с несовершеннолетними лицами и иными подразделениями, в функции которых входит противодействие экстремизму. Особое внимание следует уделять несовершеннолетним лицам и лицам, ранее привлеченным к ответственности за преступления или административные правонарушения экстремистского характера.

Сегодня экстремистская деятельность является крайне опасным явлением в обществе, которая подрывает основы конституционного строя, общественную и национальную безопасность государства, в функции которого входит защита прав и свобод человека и гражданина от противоправных посягательств. Для того, чтобы государство могло выполнять возложенную на него функцию, органы государственной власти, которые наделены соответствующими полномочиями, должны эффективно противодействовать внутренним и внешним угрозам, в том числе в борьбе с экстремизмом. Одним из органов государственной власти, наделённым такими полномочиями, является Министерство внутренних дел Российской Федерации, функции и задачи которого определены Федеральным законом «О полиции» [3].

Руководством нашего государства и МВД России уделяется особое внимание реализации административного законодательства в деятельности органов внутренних дел, вопросам противодействия экстремизму. На сегодняшний день важна реализация межведомственной согласованной политики в сфере противодействия экстремизму, важно использовать эффективные административно-правовые механизмы регулирования административного законодательства.

В процессе выработки наиболее эффективных методов работы органов внутренних дел мы невольно сталкиваемся с несовершенством законодательства в области противодействия экстремизму. Особую озабоченность вызывают вопросы «информационного суверенитета». Так, с учетом быстрых темпов цифровизации общественных отношений возникает проблема низкой эффективности применения административно-правового механизма привлечения к ответственности лиц, размещающих материалы экстремистского характера на веб-сервисах (например, YouTube) или в социальных сетях (например, Facebook), зарегистрированных на территории иностранных государств. Является затруднительным применение мер административного воздействия, направленных на ограничение их деятельности (сервера могут находиться в различных европейских странах, США, странах Ближнего востока и т.д.). Данная сфера общественных отношений не имеет четкой регламентации привлечения к административной ответственности в КоАП РФ, что, в свою очередь, говорит о неурегулированности данных общественных отношений законодателем. Хочется отметить, что возраст лиц, вовлечённых в экстремистскую деятельность в сети Интернет, становится в последнее время все меньше, что говорит нам об активно набирающем обороты молодежном экстремизме. Сегодня возникла проблема о невозможности запрета всех сайтов, содержащих информацию экстремистского характера, где основная аудитория – лица от 12 до 18 лет, что создает угрозу вовлечения молодежи в такие экстремистские движения, как «Скинхеды», «АУЕ», «Колумбайн» и т.д.

Анализируя проблемы реализации административного законодательства в деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия экстремизму, необходимо отметить, что на сегодняшний день отсутствует устоявшаяся судебная практика по привлечению к административной ответственности за экстремизм, сложность заключается в невозможности определения судами конкретных критериев применения административно-правового механизма по делам об административных правонарушениях в сфере экстремистской деятельности [10]. В первую очередь, это связано с тем, что те критерии, которые используются в уголовном праве при квалификации преступлений экстремистской направленности, не представляется возможным полностью прописать в административном законодательстве.

К примеру, разберем состав административного правонарушения, предусматривающего ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения (ст. 20.3 КоАП РФ). Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» определено, что «...в Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [7]. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2480-О [8] суд запрещает использование нацистской символики безотносительно к ее генезису, что «может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны».

Исходя из вышесказанного, образуется некий пробел в праве или коллизия между положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и КоАП РФ. Данная коллизия заключается в том, что Федеральный закон «О

противодействию экстремистской деятельности» относит к проявлениям экстремизма пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, ст. 20.3 КоАП РФ предусматривает ответственность за пропаганду *либо* публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики.

Подводя итог, необходимо отметить, что одним из способов решения возникших проблем является разработка и конкретизация алгоритма применения административно-правового механизма при производстве по делам об административных правонарушениях экстремистской направленности, с учетом формирования единой позиции судов по привлечению к административной ответственности за экстремизм, установлению субъектов, разместивших всевозможные материалы экстремистской направленности.

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газ. 2001. 31 дек.

2. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344.

3. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 8 февр.

4. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Парламентская газета. 2002. 30 июля.

5. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Рос. газ. 1997. 1 окт.

6. [Электронный ресурс] // <https://www.rbc.ru/politics/31/10/2023/653eb5399a7947b515dc49e2?ysclid=lp8dwzy43l729165216/> (дата обращения: 01.11.2023).

7. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945 годов: федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // Собр. зак-ва РФ. 1995. № 21. Ст. 1928.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мурашова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов», статьей 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2480-О.

9. Корнев А.П. Административное право России: учебник: в 3 ч. – М., 1996. Ч. 1.

10. Макарейко Н.В. Влияние постановлений Конституционного Суда РФ на реформирование института административной ответственности // Социально-политические науки. 2019. № 2.

11. Мешалкин С.Н. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел в рамках положений Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4 (56).

12. Самойлюк Р.Н., Адмиралова И.А. К вопросу о создании концепции развития Международного межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2021-2025 гг. // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 2 (58).

13. Фролов А.Н. Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2018.

Информация об авторах:

Р.Н. Самойлюк,
начальник *Международного
межведомственного центра подготовки и
переподготовки специалистов по борьбе с
терроризмом и экстремизмом, кандидат
юридических наук,*

А.Н. Фролов,
доцент кафедры экономики и права,
кандидат юридических наук

Н.А. Ягунова,
заведующая кафедрой экономики и права,
кандидат экономических наук, доцент

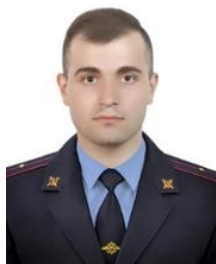
About the authors:

R.N. Samoylyuk,
*head of the International interdepartmental center for
training and retraining specialists in the fight against
terrorism and extremism,
PhD in law*

A.N. Frolov,
*associate professor of the department of
economics and law, PhD in law*

N.A. Yagunova,
*head of the department of economics and law,
PhD of economic sciences, associate professor*

Статья поступила в редакцию 20.11.2023

ТРЕГУБОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ¹

kiber1817@mail.ru

Научный руководитель:

ПОПУГАЕВ ЮРИЙ ИЛЬИЧ²

---

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ УСМОТРЕНИЯ И ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕР АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема административного усмотрения при применении мер административно-процессуального принуждения. Автор отметил, что далеко не все вопросы могут быть урегулированы законом, а поэтому при применении мер принуждения нужно учитывать и неправовые факторы, которые должны отвечать требованиям закона и повышать эффективность действия принуждения. В статье представлены различные точки зрения на понятие правового усмотрения и сформулирована собственная позиция относительно рассматриваемого феномена.

Ключевые слова: усмотрение, законность, целесообразность, право, закон, предел, принуждение, ограничение, возможность, свобода

Для цитирования: Трегубов И.С. Проблемы усмотрения и законности при применении мер административно-процессуального принуждения // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 67-74; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-67-74

TREGUBOV IGOR S.¹

Scientific adviser: POPUGAEV YURI I.²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

(Moscow, Russia)

PROBLEMS OF DISCRETION AND LEGALITY IN THE APPLICATION OF ADMINISTRATIVE AND PROCEDURAL COERCION MEASURES

Annotation. The article deals with the problem of administrative discretion in the application of administrative procedural coercion measures. The author noted that not all issues can be regulated by law, and therefore, when applying coercive measures, it is necessary to take into account non-legal factors that must meet the requirements of the law and increase the effectiveness of coercion. The article presents various points of view on the concept of legal discretion, and formulates its own position on the phenomenon under consideration.

Key words: discretion, legality, expediency, law, law, limit, coercion, restriction, opportunity, freedom

For citation: Tregubov I.S. Problems of discretion and legality in the application of administrative and procedural coercion measures // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 67-74; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-67-74

Проблема соблюдения требований законности при применении мер административно-процессуального принуждения является одной из самых ключевых в полицейской работе. В этой связи обратим внимание на некоторые обстоятельства, которые, с одной стороны, могут усилить требования законности, с другой – способствовать ее ослаблению. При применении той или иной меры процессуального воздействия может иметь место субъективный фактор. Исходя из этого, имеются границы правового усмотрения. Обратим внимание на вопросы усмотрения при реализации мер административно-процессуального принуждения с учетом общих доктринальных наработок относительно обозначенной проблематики. Проблема усмотрения привлекает внимание научной общественности, в частности этому вопросу было посвящено секционное обсуждение: «Административное усмотрение: проблемы и решения для теории, законодательства и правоприменительной практики», которое проходило в рамках международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» в МГЮА 23 ноября 2023 г.

Между тем следует отметить, что в целом вопрос относительно усмотрения для доктрины не новый, он также был предметом анализа, в том числе и применительно к вопросу принуждения. В частности, уже отмечалось, что «...при применении мер административного принуждения возникает ряд вопросов, обусловленных проблемами соотношения законности и целесообразности в действии данного принуждения, усмотрения при применении той или иной принудительной меры воздействия» [1, с. 74].

Рассмотрим, что вызывает необходимость существования такого феномена, как право усмотрения, и обратим внимание на особенности его действия при реализации административно-процессуального принуждения. Вопрос об усмотрении иногда напрямую связан с законностью. Как пишет Л.А. Мицкевич, «...проблемы усмотрения в доктрине рассматриваются в основном при анализе законности и целесообразности» [2, с. 243]. Нужно отметить, что законность и целесообразность – не исключают друг друга категории, гармоничное использование которых дает в некоторых ситуациях именно право усмотрения. Как писал в свое время Ж. Ведель, «...именно в полицейской деятельности целесообразность предполагает в значительной мере законность» [3, с. 474]. Как отмечает С.С. Купреев, «...административное усмотрение обеспечивает наиболее оптимальное соотношение законности и целесообразности» [4, с. 8].

Относительно соотношения «законности» и «целесообразности» достаточно содержательно писал М.С. Строгович. В частности, им было отмечено, что «...при соотношении законности и целесообразности при разрешении административного или судебного дела закон должен неукоснительно соблюдаться, отступлений от него не может быть. Но в пределах закона и на основании его должна быть принята та мера из предусмотренных законом, которая является наиболее целесообразной для данного случая с учетом всех конкретных обстоятельств соответствующего дела» [5, с. 13].

В этой связи право усмотрения дает возможность принять наиболее целесообразное решение, в частности осуществить административно-процессуальное воздействие с минимальным ограничительным характером, то есть максимально быстро разобраться с административным нарушителем, иными словами отпустить его ранее того времени (3 часа), на которое может быть осуществлено, в частности, административное задержание (ст. 27.3 КоАП РФ). Нормативная основа для принуждения не оптимальна, с другой стороны крайне сложно заблаговременно предвидеть все обстоятельства, при которых будет применена та или иная мера правового воздействия. В этой связи нормой права определяются границы правовой свободы, в рамках которой любое принятое решение будет законным. Однако это во многом идеальная конструкция, которая имеет место далеко не всегда.

Обратим также внимание и на то, что законодательство имеет в своем содержании неопределенные правовые категории, которые оцениваются субъективно, исходя из складывающейся ситуации, и право усмотрения помогает также принимать оптимальное решение. В этой связи можно констатировать, что право усмотрения в целом ряде

случаев является одним из условий эффективности действия правовой нормы, в том числе определяющей порядок применения меры процессуального принуждения. В этой связи И.А. Дремова верно отмечает, что «...административное усмотрение является интеллектуально-правовым импульсом государственного управления, регулирования и контроля. Динамизм его содержания и оснований применения определяется громадным объемом государственных дел, подвижностью ситуаций, проблем и задач. Обеспечение законодательной основы административного усмотрения и закрепление его форм и оснований – гарантия его эффективности и демократичности» [6, с. 81].

Как уже указывалось, с правом усмотрения связан такой вопрос, как «неопределенные правовые понятия», т.е. это такие категории, которые используются в текстах законов и иных нормативных правовых актах, но содержание их официально не раскрывается. Например, к таким полицейским категориям могут быть отнесены понятия «общественный порядок», «общественное место». Например, КоАП содержит не так много официальной терминологии, понятие «административное правонарушение» является ключевой категорией для предмета данного закона и определено в ст. 2.1, но в то же время нет таких важных понятий, достаточно часто используемых в тексте закона, как «административная ответственность» и «административное наказание».

Анализ мер процессуального принуждения дает основание заключить, что терминологический ряд в этом направлении также недостаточен. Так, в КоАП указывается, что «административное задержание есть кратковременное ограничение свободы физического лица» (ст. 27.3), административное задержание может быть применено в исключительных случаях, при этом понятие «исключительный случай» не определено, с учетом количества задержанных в административном порядке лиц «исключительный случай» трактуется широко. По сути, «исключительным случаем» для административного задержания является любое доставление лица в ОМВД. Понятие «личный досмотр» также нормативно не определено, в КоАП говорится, что «личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, то есть обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности.....» (ст. 27.7). Нормативно закрепляются некоторые процессуальные требования к личному досмотру, однако само понятие «личный досмотр» КоАП не определяет. Относительно задержания транспортного средства необходимо отметить, что оно осуществляется в том числе и путем прекращения его движения при помощи блокирующих устройств (ст. 27.13 КоАП РФ). В практике применения блокирующих устройств возникают вопросы, относительно того, какие блокирующие устройства использовать, какая должна быть их характеристика. Как отмечают А.В. Куракин, С.В. Бубнов и М.В. Дукманов, «... в таком предписании право оценки объективной реальности находится у субъекта, осуществляющего соответствующие процессуальные действия» [7, с. 74].

Как писал в свое время А.С. Пиголкин, «...терминологическая неоднозначность всегда является серьезным недостатком такой развитой информационной системы, как законодательство» [8, 112].

Однако, несмотря на обозначенный тезис, существование неопределенных правовых категорий отчасти объективно. Как отмечает А.Ф. Ноздрачев, «...в силу своей неопределенности соответствующие правовые категории допускают принятия самостоятельных решений при условии, что эти решения будут направлены на достижение той цели, которую поставил перед ними закон» [9, с. 186].

Вполне очевидно, что при применении нормы права нужно учитывать самые различные, в том числе и неправовые факторы, а при применении мер принуждения даже погодные или температурные условия. Так, в постановлении Правительства РФ от 15 октября 2003 г. «Об утверждении Положения об условиях содержания лиц, задержанных за административное правонарушение, нормах питания и порядке медицинского обслуживания таких лиц» закреплено требование о том, что «...в

отопительный сезон в специальных помещениях, где содержатся задержанные за административные правонарушения лица, поддерживается температура не ниже +18 градусов по Цельсию». В свою очередь, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. «О полиции» также определяет, что «не допускается применения водометов при температуре воздуха ниже нуля градусов Цельсия» (ст. 22).

Усмотрение в рамках закона, с одной стороны, это благо для субъекта, применяющего норму права, с другой стороны – благоприятное обстоятельство для злоупотреблений. Как писал в свое время В.Л. Кобалевский, «...свобода усмотрения есть понятие в полной мере относительное. Усмотрение администрации вовсе не является синонимом произвола, так как подчинено тем задачам и целям, ради которых администрация наделена соответствующей властью» [10, с. 40]. Действительно, «произвол» и «свободное усмотрение» между собой могут быть связаны. Однако детальная регламентация тех и или иных административных действий, в том числе связанных с применением мер процессуального принуждения, также не является полной гарантией законности выполнения всех процессуальных требований и формирования режима законности в полицейской работе. В этой связи свободное усмотрение – это «не прямой путь» к административному произволу. Как верно отметил в свое время Ю.П. Соловей, «...произвол и усмотрение поэтому и противоречат друг другу, поскольку последнее опирается на соответствующую правовую основу. Ее составляют относительно определенные нормы, применение которых требует самостоятельной оценки всех обстоятельств дела» [11, с. 9]. Обратим внимание, что в исследованиях по праву усмотрения достаточно часто фигурирует указание на риск возникновения произвола. Так, Т.Г. Слюсарева пишет, что «...усмотрение – это определенная степень свободы, имеющая очень тонкую грань с произволом» [12, с. 9].

Беспокойство о том, что свободное усмотрение может привести к произволу небезосновательно. Действительно, ситуация вне правового регулирования таит риск злоупотреблений. В этой связи неслучайно, что предмет правовой экспертизы нормативного правового акта направлен на исключение ситуаций правовой неопределенности, которая провоцирует в том числе и коррупционные злоупотребления. Однако чрезмерная регламентация полицейских и управленческих отношений также порой ведет к произволу и самым различным злоупотреблениям, сдерживает разумную инициативу в разрешении нестандартных вопросов, которых достаточно много, особенно при осуществлении процессуальной деятельности.

Право усмотрения дает определенную свободу действий, которая имеет и некоторые издержки, вытекающие из субъективных обстоятельств. Как верно отметил А.Ф. Ноздрачев, «...свободное усмотрение при принятии решений учитывает различия в воспитании, образовании, жизненном опыте лица, которое принимает соответствующие решение. А поэтому будут иметь место различные подходы к одним и тем же явлениям и практически невозможно в рамках свободного усмотрения единообразное применение того или иного правила со стороны различных должностных лиц» [13, с. 186].

«Свободное усмотрение» или «правовое усмотрение» феномен относительный, его не нужно противопоставлять абсолютной свободе совершения административных действий, в том числе и при реализации мер административно-процессуального принуждения. Между тем обозначенные категории некоторое время назад оценивались достаточно критически. Так, А.А. Жданов писал, что «свободное усмотрение должностных лиц, то есть сфера их деятельности, в границах которой они могут практически произвольно принимать решения, часто противопоставляется подзаконной деятельности, осуществляя которую они связаны законодательством» [14, с. 99].

Из критического анализа западной доктрины свободного усмотрения в свое время делался вывод о том, что именно сфера свободного усмотрения не находится под контролем государства и гражданского общества. В действительности такого не было, все сферы административной деятельности органов управления независимо от использования

возможностей свободного усмотрения или его неиспользования в текущей ситуации находились под контролем и осуществлялись на основании закона.

Надо сказать, что «правовое усмотрение» феномен достаточно сложный, в законодательстве имеются самые различные его варианты. В доктрине выделяются различные виды правового усмотрения. Так, А.В. Гирвиц совершенно верно говорит о «субъективном усмотрении» и указывает, что более корректно его называть «частным усмотрением», которое существует наряду с публичными видами усмотрения – административным и судебным» [15, с. 13].

Административное усмотрение по своей природе является усмотрением публично-правового характера, которое в целом преследует публичный интерес. Однако оценивает текущую правоприменительную ситуацию человек, который ее ощущает, как уже было отмечено, исходя из своего понимания происходящего, по своему внутреннему убеждению, своей правовой подготовке и опыта, в этой связи при действии усмотрения проявляется собственно и субъективный фактор. Как пишет Ю.А. Тихомиров, «...административное усмотрение выражает активно проявляющийся человеческий фактор» [16, с. 12].

Более того, когда речь идет о физическом воздействии, которое имеет место при применении некоторых мер принуждения, в том числе и процессуального характера, например при доставлении, и сотрудник полиции вынужден применить физическую силу или специальные средства, то к выше названным факторам может быть добавлена и эмоциональная составляющая. В этой связи субъективный фактор при реализации права усмотрения обязательно есть, однако он не должен выходить за рамки закона и не может превращать правовое усмотрение в усмотрение субъективное.

Как уже указывалось, «право усмотрения» дает возможность субъекту, применяющему правовую норму, самостоятельно оценивать обстоятельства, дающие возможность ее применить, и в рамках соответствующей свободы любое решение будет отвечать требованиям закона. Имеют место неопределенные правовые предписания, которые формируют ситуацию альтернативы в принятии управленческого, или полицейского решения. Такая ситуация, например, возникает при применении альтернативной санкции правовой нормы, и любое наказание с учетом обстоятельств, действующих при его назначении, будет отвечать требованиям закона.

Таким образом, можно заключить, что в «чистом» виде свободного усмотрения, а тем более свободного усмотрения при применении мер процессуального воздействия, практически нет. Все аспекты административной деятельности так или иначе охвачены нормативной регламентацией. Нужно признать, что далеко не все отношения в административно-правовой реальности регламентируются правовыми нормами, более того, нужно отметить, что «формальное право», как уже отмечалось, далеко не единственный регулятор общественных отношений. Однако, когда речь идет о принуждении, право должно регламентировать данные отношения максимально полно, поскольку вне правовой регламентации принуждение в целом и административно-процессуальное принуждение в частности просто не может существовать.

Усмотрение может быть изначально предусмотрено нормой права, а может возникать вследствие пробелов в нормативно-правовом регулировании, что недопустимо, особенно в деле реализации мер принуждения. Как отметил Ю.А. Тихомиров, «...деформация административного усмотрения порождается пробелами в законе и законодательстве. Они особенно остро ощущаются, когда материальные административные нормы не сопровождаются административно- процессуальными нормами, когда неполно или неточно определены функции органов, полномочия и допускаемые способы их осуществления, а также и взаимоотношения, основания и виды ответственности» [17, с. 12].

Надо отметить, что правовая норма, в том числе и регламентирующая отношения, связанные с применением мер административно-процессуального принуждения (мер

обеспечения производства по делам об административных правонарушениях), рассчитана на среднестатистическую, где-то даже идеальную ситуацию ее применения. Между тем реальная действительность, складывающаяся в ходе применения обозначенных мер, оказывается гораздо сложнее, она вскрывает недостатки в правовом обеспечении соответствующих мер, а поэтому субъекту, применяющему меру процессуального принуждения, приходится действовать с учетом имеющейся ситуации, использовать разумно аналогию закона, а также «подгонять» текущую ситуацию под установленное правовое требование. В этой связи А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий и Ю.М. Козлов верно отметили, что «...законы и подзаконные акты, ставя перед должностными лицами задачи и цели, не всегда определяют их конкретные действия и условия, при которых они должны совершаться. Им дается возможность и право в пределах своей компетенции самостоятельно выбирать наиболее целесообразные пути и конкретные меры по решению поставленных перед ними задач» [18, с. 363]. Несмотря на это, правовое усмотрение ограничено законом. Как отметил Ю.В. Оносов, «...административное усмотрение ограничено законом, а также объемом полномочий применяющего его субъекта» [19, с. 48].

Учитывая наличие фактора правового усмотрения, а также его актуальность для современной юридической доктрины, обратим внимание на то, что понимается под обозначенным феноменом. Как писал А.П. Корнев, «...под административным усмотрением подразумевается определенная рамками законодательства известная степень свободы в правовом разрешении конкретного управленческого дела, которая предоставляется в целях принятия оптимального решения по делу» [20, с. 73].

Мильшин Ю.Н. отмечает, что «...административное усмотрение является важным элементом государственного управления, позволяющим оперативно с учетом сложившейся ситуации и на основе действующего законодательства принимать управленческие решения, направленные на защиту публичных интересов» [21, с. 43].

Старых Ю.В. применительно к своей теме указывает, что «...усмотрение – это определенная рамками законодательства свобода выбора уполномоченного правоприменительного органа при принятии субъективно-оптимального решения, соответствующего конкретным обстоятельствам рассматриваемого дела, которая обусловлена поставленными перед ним задачами, соответствует интересам государства и общества и основана на познании объективной действительности» [22, с. 54].

В свою очередь, Т.Г. Слюсарева отмечает, что «административное усмотрение – это определенная нормативными правовыми актами свобода выбора варианта поведения полномочного субъекта на основе его мыслительной деятельности с учетом реализации им публичного интереса с целью принять оптимальное управленческое решение, совершить действие или воздержаться от его совершения для целесообразной реализации своих полномочий» [23, с. 9].

В целом точки зрения относительно права административного усмотрения совпадают. Данное право рассматривается как определенное нормой права свобода на осуществление юридических действий. И эти действия осуществляются в пределах компетенции соответствующего должностного лица. Как писал в свое время А.И. Елистратов, «...разграничение компетенции является необходимым условием законности в государственном управлении» [24, с. 171].

Право усмотрения – это не только возможность или свобода, это еще и возможность использовать дозволительный метод в административно-правовом регулировании. Так, Ю.Н. Стариков отмечает, что «...дозволение предоставляет возможность выбора одного из вариантов поведения, предусмотренных в норме административного права. Дозволение – это право должностного лица на свои собственные активные действия. Этот способ может использоваться в рамках осуществляемой должностным лицом управленческой деятельности, когда выбор того или иного варианта поведения будет определять эффективность всей управленческой работы» [25, с. 358].

Правовое усмотрение при применении мер административно-процессуального принуждения позволяет избрать оптимальную меру правового принуждения (ограничения), а также соблюсти баланс частных и публичных интересов, что, в свою очередь, не должно позволить нарушать права и законные интересы того лица, в отношении которого применяются соответствующие правовые меры.

Головина Ю.П. отмечает, что «...административное усмотрение при реализации мер принуждения может быть определено, как предоставленная должностному лицу возможность (право, свободу выбора) в определенных случаях действовать по собственному усмотрению в рамках требований и принципов закона и своей компетенции» [26, с. 61].

Право усмотрения дает возможность выбрать одно из законных решений, которое в текущей ситуации будут наиболее эффективным. В этой связи Ю.В. Старых верно отметила, что «...усмотрение предполагает свободу выбора из нескольких законных альтернатив. Поэтому, когда имеется только один законный вариант, усмотрения нет. Ни о каком усмотрении не может быть и речи, когда выбор должен производиться между законным и незаконным актом» [27, с. 46]. Такова общая характеристика некоторых точек зрения относительно права усмотрения, которые могут быть учтены при реализации мер административно-процессуального принуждения и формировании его доктрины.

В завершение отметим, что при анализе административного усмотрения нужно исходить из следующих моментов. Административное усмотрение используется в ходе управленческой и полицейской деятельности и органично связано с применением мер государственного принуждения. Административное усмотрение имеет границы (пределы), которые определены относительными или альтернативными нормами, выход за которые недопустим. При реализации права административного усмотрения, связанного с применением мер принуждения, нужно учитывать те же требования, которые действуют в условиях реализации судебного (судебного) усмотрения. Как пишет О.А. Папкина, «...предел судебного усмотрения означает обязанность суда разрешать спорный правовой вопрос в соответствии с обстоятельствами дела. При этом пределы применения усмотрения судьей при рассмотрении конкретного гражданско-правового спора составляют: предписания закона; обстоятельства дела; правила толкования норм права; начала целесообразности; категория справедливости» [28, с. 10].

Таким образом, правовое усмотрение при применении мер административно-процессуального принуждения – это специфическая разновидность правового, административного усмотрения. *Правовое усмотрение* – это основанная на законе деятельность по свободному выбору соответствующей меры административно-процессуального воздействия с учетом как правовых, так и неправовых факторов, а также требований справедливости и разумности и при обязательном соблюдении установленной законом процессуальной формы.

1. Куракин А.В., Бубнов С.В., Дукманов М.В. Законность при применении мер административного принуждения в деятельности полиции // Современное право. 2023. № 9.

2. Мицкевич Л.А. Очерки теории административного права. – М., 2017.

3. Ведель Ж. Административное право Франции. – М., 1973.

4. Купреев С.С. Об административном усмотрении в современном праве // Административное право и процесс. 2012. № 1.

5. Строгович М.С. Социалистическая законность, правопорядок и применение советского права. – М., 1966.

6. Дремова И.А. Административное усмотрение в системе правового регулирования Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 5.

7. Куракин А.В., Бубнов С.В., Дукманов М.В. Указ. ст.
8. Пиголкин А.С. Язык закона: черты, особенности, пути развития. – М., 1990.
9. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба. – М., 1999.
10. Кобалевский В.Л. Советское административное право. – Харьков, 1929.
11. Соловей Ю.П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1982.
12. Слюсарева Т.Г. Административное усмотрение в деятельности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
13. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба. – М., 1999.
14. Жданов А.А. К вопросу о «свободном усмотрении» в буржуазном административном праве // Правоведение. 1968. № 5.
15. Гирвиц А.В. Полицейское усмотрение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2017.
16. Тихомиров Ю.А. Административное усмотрение и право // Журнал российского права. 2000. № 4.
17. Тихомиров Ю.А. Указ. ст.
18. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации. – М., 1997.
19. Оносов Ю.В. К вопросу о признаках административного усмотрения // Рос. юстиция. 2021. № 3.
20. Коренев А.П. Нормы административного права и их применение. – М., 1978.
21. Мильшин Ю.Н. Административное усмотрение как элемент государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 12.
22. Старых Ю.В. Усмотрение в налоговом правоприменении. – М., 2007.
23. Слюсарева Т.Г. Административное усмотрение в деятельности государственных служащих: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013.
24. Елистратов А.И. Очерк административного права. – М., 1923.
25. Стариков Ю.Н. Курс общего административного права. Т. 1. – М., 2002.
26. Головина Ю.П. Административное усмотрение при применении мер принуждения органами исполнительной власти // Административное право и процесс. 2022. № 6.
27. Старых Ю.В. Усмотрение в налоговом правоприменении. – М., 2007.
28. Папкина О.А. Пределы судебного усмотрения в гражданском процессе // Журнал российского права. 1998. № 2.

Информация об авторе:

И.С. Трегубов, адъюнкт кафедры
административного права
Ю.И. Попугаев, профессор кафедры
административного права, доктор
юридических наук, доцент

About the author:

I.S. Tregubov, Adjunct of the Department
of Administrative Law
Yu.I. Popugaev, Professor of the Department of
Administrative Law, Doctor of Law, Associate
Professor

Статья поступила в редакцию 23.11. 2023

САВОСТИН АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Государственный университет управления (Москва, Россия)

7789955@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам правового обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации. Административно-правовое противодействие миграционным угрозам анализируется в проекции на синергетическое влияние норм Конституции Российской Федерации в этой сфере общественных отношений. Исследуются положения концептуальных нормативных правовых актов, посвящённых рассматриваемой проблеме. Обосновывается важность обеспечения реальности прямого действия конституционных принципов в современных условиях. Сформулированы предложения по совершенствованию применения мер правового обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: национальная безопасность, миграционная безопасность, конституционные нормы, административно-правовое регулирование, государственное принуждение, органы внутренних дел

Для цитирования: Савостин А.А. Проблемы миграционной безопасности Российской Федерации: конституционный и административно-правовой аспекты // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 75-79; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-75-79

SAVOSTIN ALEXEY A.

State university of management (Moscow, Russia)

PROBLEMS OF MIGRATION SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE-LEGAL ASPECTS

Annotation. The article is devoted to the actual problems of legal provision of migration security of the Russian Federation. The administrative and legal counteraction to migration threats is analyzed in the projection on the synergetic influence of the norms of the Constitution of the Russian Federation in this sphere of public relations. The provisions of conceptual normative legal acts devoted to the problem under consideration are investigated. The importance of ensuring the reality of the direct action of constitutional principles in modern conditions is substantiated. Proposals are formulated to improve the application of legal measures to ensure the migration security of the Russian Federation.

Key words and word combinations: national security, migration security, constitutional norms, administrative and legal regulation, state coercion, internal affairs bodies

For citation: Savostin A.A. Problems of migration security of the Russian Federation: constitutional and administrative-legal aspects // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 75-79; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-75-79

Мировые тренды развития общественных отношений характеризуются нестабильностью в самых различных сферах осуществления публичных функций

органами государственного управления. События последних лет ярко проявили несоответствие исторически сложившихся форм и методов осуществления государственно-управленческой деятельности новым вызовам и тенденциям развития кризисных ситуаций и процесса становления нового мирового порядка, глобализации социальных явлений, ранее носивших исключительно национальный характер, отсутствием политической воли внутригосударственных элит для радикального противостояния негативным тенденциям развития общественных отношений, невозможностью формирования синергетического подхода к оценке и прогнозированию парадигмы государственно-общественного консенсуса. Перечисленные факторы в значительной мере определяют сущность современного состояния вопросов, связанных с национальной и общественной безопасностью. Подобная ситуация закономерно позволяет презюмировать необходимость действительного взаимодействия государственных органов разных ветвей власти. В первую очередь, это относится к органам законодательной и исполнительной власти [1]. Общеизвестно, что к настоящему моменту многие конституционные нормы и нормы административного права перестали отвечать признакам прямого действия, не согласуются с реалиями правоприменительной практики. Это порождает разрыв между элементами механизма административно-правового регулирования общественных отношений, обуславливает нарастающий правовой нигилизм, снижение уровня правового сознания современного человека. Сказанное во многом касается Российской Федерации, государства, в котором перечисленные явления современной действительности усугубляются рядом объективных факторов: федеративным устройством, протяжённостью территории и государственных границ, депопуляцией населения, ведением боевых действий, экономическими санкциями и ответными мерами отечественных государственных институтов. Сказанное в полной мере относится к такому важному аспекту функционирования государства, как миграционная безопасность.

Миграционная безопасность представляет собой построение миграционной политики в соответствии с национальными интересами, обеспечение безопасности и стабильности в стране при миграционных процессах, а также защиту законных прав и интересов легальных мигрантов [2, с. 13].

Рассматриваемое социальное явление имеет прямое отношение к защите государственных границ и обеспечению безопасности во время миграции людей из одной страны в другую. Миграционная безопасность включает меры по предотвращению незаконной миграции, борьбе с транснациональными преступлениями, защите прав легальных мигрантов и обеспечению их безопасности [6, с. 76].

Основными аспектами миграционной безопасности являются: контроль границ, включая паспортный и визовый контроль; борьба с незаконной миграцией, такой как контрабанда людей и торговля людьми; обеспечение безопасности и защиты легальных мигрантов от эксплуатации, насилия и дискриминации.

Концептуальные положения миграционной безопасности также связаны с глобальной безопасностью [5, с. 67]. Незаконная миграция может быть использована для террористических целей или распространения преступности и наркотиков. В связи с этим российское государство закономерно стремится осуществлять сотрудничество и заключать соглашения с другими странами для обмена информацией и реализации совместных действий, направленных на поддержание миграционной безопасности.

Необходимо отметить, что обеспечение миграционной безопасности является сложным процессом, требующим выстраивания баланса между защитой границ, соблюдением прав мигрантов и соответствия международным нормам и принципам. Подобная ситуация неизбежно детерминирует также различные варианты сотрудничества между государствами, международными организациями и гражданским обществом для эффективной борьбы с вызовами и угрозами, связанными с миграцией.

Повышенная степень актуальности миграционной безопасности обусловлена рядом объективных причин, среди которых:

1. *Рост миграционных потоков.* За последние десятилетия миграционные потоки значительно увеличились. Это касается как внешних мигрантов, так и мигрантов внутренних. Подобная ситуация обусловлена различными факторами, включая экономические, политические и социальные причины. Управление этими потоками и обеспечение миграционной безопасности становятся всё более важными задачами для российской государственности.

2. *Безопасность границ.* Сохранение безопасности государственных границ является приоритетом для Российской Федерации. Незаконная миграция приводит к значительному росту преступности, возможности проявлений терроризма, экстремизма и других угроз национальной безопасности России. Поэтому контроль границ и борьба с незаконной миграцией выходят на первый план в вопросах обеспечения национальной безопасности.

3. *Защита прав мигрантов.* Миграция – сложный и опасный процесс для мигрантов. Они часто сталкиваются с нарушением своих прав, эксплуатацией, насилием и дискриминацией. Обеспечение защиты прав легальных мигрантов является значимым аспектом процесса обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации.

4. *Глобальные вызовы.* Миграция является глобальным явлением, и вызовы, связанные с миграцией, также имеют глобальный характер. Транснациональные преступления, терроризм, распространение опасных болезней и другие угрозы зачастую являются неизбежными спутниками массовой миграции. В связи с этим сотрудничество между Россией и другими странами, а также международными организациями в области миграционной безопасности становится всё более важным.

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что миграционная безопасность является актуальной темой, которая требует безусловного внимания и выверенных действий со стороны российского государства и международного сообщества.

Следует заметить, что миграционная безопасность в настоящее время является общемировой проблемой [4, с. 9]. Обеспечение миграционной безопасности в различных странах могут осуществлять разные органы и агентства:

1. Государственные службы по контролю за миграцией – органы, отвечающие за контроль и регулирование миграционных процессов. Они могут включать министерства внутренних дел, миграционные службы, пограничные службы и другие подобные организации. В их функции входят: выдача виз, паспортный контроль, регистрация мигрантов и другие аспекты, связанные с миграцией.

2. Пограничные службы – органы, отвечающие за охрану границ и контроль над перемещением людей через государственные границы. Они обеспечивают безопасность границы, предотвращают незаконную миграцию, контрабанду и торговлю людьми. Пограничные службы могут быть частью государственных служб по контролю за миграцией или отдельными органами.

3. Службы безопасности и разведки – органы, осуществляющие обеспечение национальной безопасности и реализующие меры по борьбе с терроризмом, т.е. с угрозами, которые также связаны с миграцией. Они собирают информацию о потенциальных угрозах и координируют действия по предотвращению и пресечению незаконных миграционных потоков, связанных с преступностью и терроризмом.

4. Государственные органы по защите прав мигрантов – учреждения, реализующие меры по защите прав и интересов мигрантов, обеспечивающие их безопасность и предоставляющие им необходимую поддержку. Они включают органы по защите прав человека, министерства социального обеспечения, службы по работе с беженцами и другие аналогичные организации.

5. При осуществлении межгосударственного сотрудничества в области миграционной безопасности важную роль играют международные организации:

Международная организация по миграции (МОМ), Организация Объединенных Наций (ООН) в лице различных подразделений, таких как аппарат Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ). В рамках Европейского союза также существуют соответствующие органы и агентства. В частности, это Европейская граница и береговая охрана (FRONTEX), которые занимаются контролем границ и борьбой с незаконной миграцией. Международные организации разрабатывают стандарты и руководства, оказывают помощь государствам в разработке политики и программ в области миграции, а также содействуют сотрудничеству между странами для решения миграционных вызовов.

6. Гражданское общество и неправительственные организации:

- неправительственные организации (НПО) имеют большое значение в защите прав мигрантов, предоставлении юридической помощи и поддержки мигрантам, особенно уязвимым категориям;

- международные организации по правам человека следят за соблюдением прав мигрантов и борются с дискриминацией и насилием в отношении мигрантов.

Это лишь некоторые из органов, которые участвуют в обеспечении миграционной безопасности. Важно отметить, что эти органы должны сотрудничать и координировать свои действия, чтобы достичь эффективных результатов.

С учётом международного опыта в краткосрочной перспективе административно-правовые методы и способы обеспечения миграционной безопасности Российской Федерации должны реализовываться в границах следующей архитектуры:

1. Административно-правовое регулирование – разработка и принятие законов, норм и правил, ужесточающих контроль за миграционными процессами и обеспечивающих безопасность населения Российской Федерации. Сюда относится, в частности, законодательство о статусе мигрантов, процедурах въезда и выезда, правах и обязанностях мигрантов и прочее [2, с. 14].

2. Совершенствование системы контроля границ для предотвращения незаконной миграции и нелегального въезда в Российскую Федерацию, включая использование технических средств, усиление пограничных служб, установление пунктов пропуска и т.д.

3. Сотрудничество с другими странами и международными организациями в целях своевременного обмена информацией, опытом и лучшими практиками в области миграции и обеспечения безопасности мигрантов: подписание и ратификация международных соглашений, участие в международных форумах и конференциях и т.д.

4. Административный контроль социальной интеграции мигрантов, предотвращение процессов образования на территории Российской Федерации закрытых этнических анклавов, надзор за соответствием национальным интересам количества и квалификации мигрантов, получающих доступ к образованию, здравоохранению, жилью, трудовым рынкам и другим социальным услугам. Это помогает мигрантам адаптироваться в новой стране и уменьшает риски, связанные с их пребыванием на территории российского государства [3, с. 28].

5. Повышение информированности, в том числе обеспечение мигрантов доступной и понятной информацией о правах, обязанностях и процедурах, связанных с миграцией: обеспечение неукоснительного выполнения требований законодательства об уровне владения мигрантами русским языком, проведение информационных кампаний, создание специальных информационных центров и т.д.

6. Пресечение незаконных миграционных схем, торговли людьми, незаконного труда и других форм незаконной деятельности, связанных с миграцией.

7. Поддержка возвращения и репатриации, а именно организация возможности добровольного возвращения мигрантов в страны происхождения и поддержка их репатриации.

Представляется, что практическая реализация указанных выше направлений развития государственно-управленческой деятельности в сфере обеспечения

миграционной безопасности, достижение комбинаторного характера использования административных методов и способов защиты государства и общества в миграционной сфере, обеспечение адекватного нормативного административно-правового сопровождения будут способствовать формированию действительно национально-ориентированной миграционной политики и достижению на территории Российской Федерации стабильного уровня миграционной безопасности.

1. Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 // Собр. зак-ва РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Абдурахманов А.А. Правовые и организационные проблемы миграционной политики современной России // Современная трансформация молодежного экстремизма, идеологии терроризма и других информационных угроз: проблемы противодействия: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. (Домодедово, 19 октября 2022 г.). – Домодедово: ВИПК МВД России, 2022.

3. Васильева А.М., Андреасян Е.В. Национальная безопасность и безопасность гражданина в контексте миграционной политики Российской Федерации // Проблемы региональной и глобальной безопасности в современном мире: материалы IX междунар. науч.-практ. конф. преподавателей и студентов (Юридический институт им. М. М. Сперанского; Московский финансово-промышленный университет «Синергия»). – Владимир, 2022.

4. Кучеренко А.А. Миграционная политика как фактор обеспечения национальной безопасности: зарубежный и отечественный опыт: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.

5. Матвеев А.А. Миграционная безопасность в системе глобальной безопасности: механизмы, принципы, акторы // Философская мысль. 2021. № 3.

6. Степанов А.В. Безопасность, национальная безопасность, миграционная безопасность, национальная миграционная политика: анализ определений, соотношение категорий // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2 (26).

Информация об авторе:

*А.А. Савостин, профессор кафедры
частного права, доктор юридических наук,
доцент*

About the author:

*A.A. Savostin,
professor of the department of private law,
doctor of law, associate professor*

Статья поступила в редакцию 1.12. 2023

СУЛТАНОВ КАМИЛЬ АРИФОВИЧ

Государственный университет управления (Москва, Россия)

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Аннотация. В настоящей публикации анализируются текущие проблемные аспекты применения регионального законодательства в отношении административно-правовых норм. Указано количество рассмотренных дел об административных правонарушениях. Перечислены аргументы против наличия разделения предметов ведения между федерацией и регионами. Рассмотрены положения, поддерживающие региональное законодательство в исследуемой сфере. Проанализированы судебная практика и теоретические взгляды относительно проблемных аспектов административного законодательства субъектов России. Сделаны выводы о необходимости совершенствования текущего законодательства в области административных правонарушений.

Ключевые слова и словосочетания: административная ответственность, субъекты РФ, региональное законодательство, правонарушение, федеральное законодательство

Для цитирования: Султанов К.А. Проблемные аспекты регионального законодательства об административных правонарушениях // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 80-85; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-80-85

SULTANOV KAMIL A.

State University of Management (Moscow, Russia)

PROBLEM ASPECTS REGIONAL LEGISLATION ABOUT ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation. This publication analyzes the current problematic aspects of the application of regional legislation in relation to administrative and legal norms. The number of cases of administrative offenses considered has been reviewed. The arguments against the division of subjects of competence between the federation and the regions are listed. The provisions supporting regional legislation in the field under study are considered. Judicial practice and theoretical views on problematic aspects of the administrative legislation of the subjects of Russia are analyzed. Conclusions are drawn about the need to improve the current legislation in the field of administrative offenses.

Key words and word combinations: administrative responsibility, subjects of the Russian Federation, regional legislation, offense, federal legislation

For citation: Sultanov K.A. Problem aspects regional legislation about administrative offenses // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 80-85; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-80-85

Необходимо отметить, что значение законодательства об административных правонарушениях непосредственно связано с большим количеством последних и превалярованием их над иными видами противоправных действий/бездействий. В Российской Федерации ежегодно совершается несколько десятков миллионов административных правонарушений. Например, судебная статистика за 2022 год представляет следующие показатели рассмотренных дел в зависимости от конкретной группы правонарушений (табл. 1) [11].

Таблица 1

*Статистические данные рассмотренных дел
об административных правонарушениях*

Показатель	Количество рассмотренных дел
Всего правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность общества	3 107 247
Всего правонарушений в сфере финансов, налогов и сборов, страхования и рынка ценных бумаг	1 304 274
Всего правонарушений в сфере дорожного движения	1 049 644
Всего правонарушений против порядка управления	516 121
Всего правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие и общественную нравственность	363 769
Всего правонарушений в сфере охраны собственности	215 049
Всего правонарушений, посягающих на права граждан	143 231
Итого:	7 380 559 (6 063 906 из них подвергнуты наказанию)

Указанное означает, что следствием этого становится трансформация административной практики в количественное, но не в качественное пространство.

Федеративное устройство России предоставляет возможность субъектам РФ регламентировать конкретно установленный круг вопросов. Последний классифицируется на основании разграничения предметов ведения, закрепленных в Конституции РФ. Так, согласно нормам статьи 72 упомянутого выше закона вопросы законодательства об административных правонарушениях реализуются в рамках совместного ведения России и ее субъектов [1].

Обозначенное выше конституционное положение нашло свое отражение и в специальном нормативном акте, регулирующем административные правоотношения. Например, в ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ установлено, что исследуемое законодательство включает в себя не только сам кодекс, но и законы субъектов России, которые разрабатываются и действуют на основе КоАП РФ [3].

Стоит отметить, что в настоящее время в каждом субъекте России действует региональное административное законодательство. Ввиду указанного представляется необходимым проанализировать актуальные проблемы, связанные с ним.

Для начала следует обозначить, что в теоретических кругах имеются противники регионального регулирования административных правоотношений. Так, ключевыми аргументами «против» являются следующие:

Основным законом регламентированы общие права граждан, они не могут быть классифицированы на федеральные и региональные, а могут быть только едиными и действовать на всей территории страны.

Права граждан могут ограничиваться исключительно нормами федерального законодательства, защита прав населения региональными правовыми ограничениями либо запретами представляется невозможной и недопустимой [8, с. 37-42].

Подобные научные взгляды, безусловно, имеют место быть, однако с ними стоит не согласиться. Очевидно, что в связи с необъятной территорией, отличающейся своими специфическими характеристиками, вполне логично предусмотреть региональный аспект развития норм об административной ответственности. Важно подчеркнуть, что меры, устанавливаемые посредством правотворчества субъектов России, следует рассматривать в качестве инструмента обеспечения продуктивности законодательства регионов российского государства. Данное положение подтверждается тем, что регулярно растущее число региональных актов, принимаемых органами местного самоуправления, нуждаются в охране и защите от возможных противоправных посягательств.

Поддерживая позицию регулирования административных правонарушений на уровне субъектов России, стоит указать, что региональное законодательство нуждается в постоянном совершенствовании. Осуществить обозначенное возможно посредством анализа и устранения имеющихся проблем, которые необходимо более детально рассмотреть в рамках текущего исследования.

Практический аспект регионального регулирования ответственности в сфере административного права показал несколько существенных проблем, которые связаны с разграничением предметов ведения РФ и субъектов. Следствием сложившейся ситуации стало большое количество судебных споров, в том числе и с обращением в Конституционный Суд РФ [4]. Обозначенное свидетельствует о недостаточности регламентации рассматриваемого вопроса.

Довольно часто в нормативных актах субъектов России можно было встретить нормы, которые не соответствовали правилам юридической техники. Кроме этого, имели место тождественные КоАП РФ составы, вводились нормы, которые противоречили общим положениям, установленным федеральным законодательством.

Стоит отметить, что государство предпринимало попытки разрешения имеющихся проблем. Например, одним из таких шагов стало введение статьи 1.3.1 КоАП РФ, которая ограничила круг вопросов, относящихся к ведению субъектов, касающихся административно-правовых норм. По идее законодателя введенная норма должна была положить конец противоречиям и четко разграничить федеральное и региональное регулирование.

Тем не менее судебная практика и отдельно взятые положения законов субъектов РФ свидетельствуют о том, что проблемы не устранены по настоящее время. Нормативные акты субъектов РФ на сегодняшний день характеризуются следующими ключевыми отрицательными тенденциями:

Отсутствие соответствия нормам федерального законодательства.

Отсутствие соответствия требованиям, которые предъявляются к нормативным правовым актам.

Рассмотрение судебной практики по исследуемому вопросу показало, что наличествуют проблемы и в правоприменительной практике. В качестве примера субъекта возможно проанализировать Красноярский край. Закон «Об административных правонарушениях» в упомянутом субъекте действует с октября 2008 года. Проблема данного нормативного акта, которая превалирует над иными, состоит в превышении компетенции последнего, заключающемся в закреплении мер ответственности за нарушение положений, установленных федеральным законодательством. Указанный проблемный вопрос не единожды был предметом судебного разбирательства, например в решении Красноярского краевого суда [6].

Помимо обозначенного, в анализируемом акте была закреплена ответственность за неподобающее содержание домашних животных. Однако этот вопрос уже был рассмотрен и урегулирован ФЗ «О ветеринарии» [2].

Другой выявленной проблемой является повторение норм федерального кодекса в законах субъектов РФ. Безусловно, в данном случае не имеется в виду «слепое копирование» текста положений КоАП РФ, тем не менее содержание статей имеет существенную схожесть с федеральным законодательством. Например, в Красноярском крае имело место повторение таких составов, как нарушение требований, касающихся охраны культурного наследия, нарушение правил ремонта и/или содержания жилых помещений и т. д. [7].

Помимо указанного, судебные органы указывали на то, что нормативный правовой акт субъекта РФ не соответствовал требованиям конкретности и ясности, которые являются обязательными для норм, устанавливающих административную ответственность. Суд обозначил, что несколько положений правового акта не включают в себя определенные действия/бездействия, которые относятся к составу правонарушения [5]. Кроме перечисленного, вопрос вызвала отсылка к иным нормативным актам. Судебный орган указал, что положение регионального закона отправляет не к определенным правилам, а к нескольким актам муниципального характера.

Следствием подобной ситуации стало признание целого ряда статей недействующими и неподлежащими применению. Безусловно, подобное обстоятельство стало ориентиром для иных субъектов России, побудив последних более серьезно и скрупулезно подходить к региональному правотворчеству.

К большому сожалению, рассмотренное положение характерно не только для Красноярского края, но и для иных субъектов России. Обобщая наиболее общие и типичные ошибки правотворческой деятельности регионов, стоит перечислить следующие:

- разработка положений, исправляющих составы, закрепленные Особенной частью КоАП РФ;
- изменение некоторых положений Общей части КоАП РФ;
- возмещение имеющихся в федеральном законодательстве пробелов по вопросам, относящимся к ведению РФ.

Перечисленные проблемы могут быть объяснены отсутствием в регионах организационно-правовых инструментов, которые бы обеспечили высокое качество принимаемых законов, опережением норм федерального законодательства, недостаточной прокурорской деятельностью в этом направлении [7, с. 41-46]. Безусловно, перечисленные положения имеют серьезное значение для процессов правоприменения и правотворчества, однако они характеризуются субъективной составляющей.

Помимо вышеназванной, имеет место и субъективная составляющая. О последней свидетельствуют споры, рассматриваемые в порядке судебного производства. Ввиду того, что наличествует спорная ситуация, в которой субъекты представляют собственные аргументы и доказательства, то анализируемое явление имеет массовый характер. Следовательно, правила, установленные федеральным законодательством, не являются бесспорными и однозначными. В основном речь идет о разграничении предметов ведения между субъектами и РФ.

Помимо прочего, важно подчеркнуть, что следует подставить под сомнение позицию судебных органов, которыми региональные законы признаются не соответствующими федеральным нормам, так как следствием подобной ситуации становится оставление некоторых общественных отношений «вне защитного поля».

В теоретических кругах регулярно рассматриваются методы и инструменты совершенствования законотворческого процесса субъектов РФ [5]. Например, вставал вопрос о разработке модельного нормативного акта, регулируемого административную ответственность, предназначенного для регионов.

Подобный шаг представляется вполне обоснованным, однако возникает вопрос относительно необходимости внедрения модельного закона. Намного логичнее было бы внести соответствующие изменения в КоАП РФ.

Анализ регионального законодательства свидетельствует о том, что большинство нормативных актов субъектов РФ имеет смежные составы правонарушений. Из этого следует, что, рассматривая законодательство отдельно взятого региона, достаточно проблематично найти специфические особенности конкретного субъекта. Важно подчеркнуть, что именно для этого регионам были вверены соответствующие полномочия.

Получается, что у субъектов РФ отсутствует необходимость в целесообразности наличия собственных положений, закрепляющих административную ответственность, которые бы отличались от норм иных регионов [9, с. 1-7]. Гораздо существеннее представляется сама возможность правотворчества в исследуемой сфере.

Изучая показатели применения регионального законодательства, стоит указать, что наиболее частыми являются такие правонарушения, как нарушение тишины либо неоплата парковочных мест и т. п. Иные составы практически не используются либо применяются в минимальном количестве. Учитывая, что ситуация в различных субъектах тождественна друг другу, имеет место предположение о включении подобных составов в нормы КоАП РФ, ввиду чего существенно снижается правовая база для привлечения лиц, регламентированных законодательством субъектов России.

В связи с вышеобозначенным имеет место позиция, согласно которой большинство активно применяемых региональных составов представляется необходимым зафиксировать в нормах федерального законодательства [10, с. 85-90].

Исходя из указанных выше положений предлагаются следующие радикальные суждения:

Кодифицировать все имеющиеся нормы материального права, касающиеся административной ответственности, в положениях КоАП РФ.

Передать все вопросы, касающиеся административно-правовых отношений, на федеральный уровень.

Противоположная позиция состоит в поддержке субъектов РФ [12, с. 77-82]. Предполагается, что вверенные регионам полномочия характеризуются существенными преимуществами, а имеющиеся недостатки могут быть восполнены посредством совершенствования законодательства.

Так, представляется необходимым перечислить следующие положения, подтверждающие права регионов на правотворчество в сфере административных норм:

перегруженность и громоздкость КоАП РФ (большое количество положений, содержащихся в указанном нормативном акте, а также положительный опыт зарубежных стран в делегировании полномочий, могут стать решением имеющихся проблемных вопросов);

злоупотребление запретами со стороны властных субъектов (предполагается, что на уровне субъектов ситуация может измениться в случае, если будут применяться профилактические меры взамен запретов и ограничений);

максимальный учет особенностей того или иного региона;

децентрализация федеральной власти;

пополнение бюджета субъекта РФ.

Таким образом, завершая настоящее исследование, необходимо отметить, что, несмотря на большое количество положительных тенденций, имеют место следующие проблемные аспекты реализации законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях:

– рост запретов и ограничений;

– превышение полномочий субъектами РФ;

– дублирование положений федерального законодательства;

– несоответствие предъявляемым к нормативным правовым актам требованиям;

– применение двойной ответственности.

Необходимо регулярно совершенствовать региональное законодательство, чтобы повысить эффективность его применения и увеличить пользу для граждан того или иного субъекта Российской Федерации.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2023).
2. О ветеринарии [Электронный ресурс]: закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 28.04.2023) // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2023).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 07.05.2023).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2021 г. № 14-П [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2023).
5. Решение Алтайского краевого суда от 18 мая 2017 г. по делу № За-537/2017 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2023).
6. Решение Красноярского краевого суда № М-107/2019 3-45/2019 3-45/2019~М-107/2019 от 24 июля 2019 г. по делу № М-107/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.05.2023).
7. Гусев А.В. Перспективы совершенствования законодательства об административных правонарушениях в контексте совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3.
8. Другов Я.А. Кодекс субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях как результат систематизации законодательства об административной ответственности // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1.
9. Руденко А.В. Реформа законодательства об административной ответственности: региональный аспект // Научный вестник Крыма. 2021. № 1 (30).
10. Сморчкова Л.Н. Совершенствование законодательства об административных правонарушениях: поиск новых подходов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 4.
11. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://stat.ани-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 07.05.2023).
12. Султанов К.А. Вопросы административной ответственности и правового регулирования хозяйствующих субъектов на региональном уровне // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2022. № 1.

Информация об авторе:

К.А. Султанов, доцент кафедры публичного права и правового обеспечения управления, кандидат экономических наук, доцент

About the author:

K.A. Sultanov, Associate Professor of the Department of Public Law and Legal Support of Management, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 11.12.2023

ХАРЛАМОВ СЕРГЕЙ ОЛЕГОВИЧ¹

xardd66@mail.ru

НЕЧАЙ СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ²

s.l.nechay@gmail.com

---

^{1, 2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Москва, Россия)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ИММИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется понятие иммиграционного контроля в Российской Федерации. Дается характеристика его содержания. Обозначаются различные подходы к определениям контроля и надзора. Анализируется сущность иммиграционного контроля в России.

Ключевые слова и словосочетания: миграция, иммиграционный контроль, миграционные процессы, контроль (надзор) в сфере миграции, иностранные граждане

Для цитирования: Харламов С.О., Нечай С.Л. Трансформация понятия и содержания иммиграционного контроля в Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 86-89; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-86-89

KHARLAMOV SERGEY O.¹

NECHAY SERGEY L.²

^{1, 2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT AND CONTENT OF IMMIGRATION CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the concept of immigration control in the Russian Federation. The characteristic of its content is given. Various approaches to the definitions of control and supervision are indicated. The essence of immigration control in Russia is analyzed.

Key words and word combinations: migration, immigration control, migration processes, control (supervision) in the field of migration, foreign citizens

For citation: Kharlamov S.O., Nechay S.L. Transformation of the concept and content of immigration control in the Russian Federation // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 86-89; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-86-89

Российское государство на постоянной основе реализует в своей деятельности большое количество направлений государственной политики. Одним из базовых векторов является реализация государственной миграционной политики, выражающейся непосредственно через осуществление иммиграционного контроля. Контроль осуществим посредством определенного количества мероприятий, направленных на всестороннее противоборство и предупреждение незаконной миграции.

Само понятие контроля имеет множество определений. К наиболее точным и ёмким содержательным определениям следует отнести трактовки контроля, истолкованные С.И. Ожеговым и В.И. Далем. Так, в словаре знаменитого советского лингвиста-лексикографа, доктора филологических наук и одного из составителей «Толкового словаря» С.И. Ожегова понятие «контроль» толкуется как проверка, постоянное наблюдение в целях проверки или надзора. Даль В.И., являясь составителем непревзойдённого Толкового словаря живого великорусского языка, дал четкое определение контролю как учету, некоей поверке, отчетности.

В настоящее время понятия «контроль» и «надзор» традиционно используются в качестве единого термина «контроль (надзор)». Так, в Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» напрямую отражена синонимия данных категорий. В норме закона содержится определение осуществляемого государственного контроля (надзора).

По мнению профессора В.П. Беляева, содержание надзора выражается в непосредственной реализации процесса обеспечения правопорядка и подчинения букве закона при помощи инструментария устранения имеющихся неточностей и противоречия нормам права, а также их предупреждение [1, с. 199-207]. Данная деятельность осуществляется уполномоченными субъектами в соответствии с законодательством.

Однако именно в трактовке некоего мониторинга и проверки передвижения иностранных граждан по территории России либо же за пределы государственной границы, постоянного наблюдения за процессами перемещения людей в целях проверки или надзора за соблюдением законности подобных процессов и понимается контроль над миграционными процессами.

Ежегодно количество иностранных граждан, которые пересекают российскую границу, только растет. Данный процесс имеет ряд положительных черт для развития экономики государства, влияет на межгосударственный обмен специалистами, позволяющий обеспечить успешность механизмов работы предприятий государственного масштаба, однако содержит в себе определенный круг проблемных вопросов, подлежащих скорейшему разрешению с целью достижения результатов стабильного развития российской государственности в будущем.

Межгосударственное сотрудничество и взаимовыгодный обмен кадрами обеспечили значительный рост общего уровня развития общества и улучшение качества жизни в различных сферах общественной жизни. Данный процесс позволил не только гражданам России работать за пределами своего государства, но также и иностранные граждане получили возможность реализовать идеи и профессиональные навыки в России, что, в свою очередь, обеспечило возможность возместить нехватку того или иного рода специалистов.

Помимо высококвалифицированных специалистов, российское общество нуждается и в кадрах, осуществляющих деятельность в сфере предоставления услуг различного рода. Достаточно небольшой процент граждан Российской Федерации осуществляет деятельность как «низкоквалифицированные» специалисты. Для выполнения таких видов работ активно используется труд иностранных рабочих. Такой вид «низкоквалифицированного» труда, осуществляемого преимущественно иностранными

гражданами, является крайне выгодным для работодателя, с экономической точки зрения труд иностранных работников менее оплачиваем, чем труд российских граждан.

Следует также упомянуть тот факт, что процесс привлечения представителей иностранных государств к трудовой деятельности в России имеет ряд характерных особенностей, проблемных моментов, которые сопровождаются сложным комплексом юридически-документального оформления, что, в свою очередь, порождает соответствующие нарушения в сфере законодательной регуляции. Причем нарушения характерны не только для самих иностранных граждан, но также и для российских граждан, осуществляющих прием иностранных граждан в России.

Деятельность по контролю и надзору – процесс реализации пресечения фактов нелегального пересечения государственной границы, «фактическое пересечение государственной границы иностранным гражданином, его нахождение на территории и проживание, а также выезд за пределы страны иностранных граждан и лиц без гражданства, осуществляемых с нарушением установленных требований миграционного законодательства» [2].

Сущность данной деятельности состоит и в более объемном содержании, которое охватывает иные характерные особенности, более полное содержание может отразиться в понятии иммиграционного контроля.

Впервые понятие иммиграционного контроля упомянуто в Указе Президента Российской Федерации от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» [3].

Иммиграционный контроль здесь представлялся как реализация пропускного режима через границу государства путем реализации политики контролируемого трафика изменений своего местоположения иностранными гражданами и лицами без гражданства, прибывшим на территорию Российской Федерации для приобретения возможного убежища или же совершающими транзитный проезд через территорию России.

Данное понятие в то же время содержит процесс установления личности конкретного гражданина, регистрации и учета иностранных граждан и лиц без гражданства, обеспечения мер по предупреждению незаконных процессов миграции, обеспечения реализации процесса реадмиссии и депортации иностранных граждан и лиц без гражданства в установленном законом порядке, рассмотрения ходатайств иностранных граждан, пересекших границу Российской Федерации.

Указанное понятие упомянуто в Положении об иммиграционном контроле (постановление Правительства РФ от 1994 г. № 1020) [4], однако с того времени претерпело ряд фактических изменений и дополнений.

В современном понимании иммиграционный контроль представляет собой деятельность компетентных органов публичной власти в вопросах регулирования миграционных процессов и реализацию комплекса мер по предупреждению незаконных явлений миграции на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства уполномоченными органами.

В документах стратегического планирования нашли отражение следующие направления деятельности по обеспечению регуляции миграционных процессов [5]:

выработка целостного комплекса иммиграционного контроля в пределах РФ;
постепенное развитие деятельности органов власти, осуществляющих иммиграционный контроль, а также организация четкого взаимодействия с органами таможенного контроля;

повышение мер наказания за преднамеренное нарушение установленных положений миграционного законодательства уполномоченными органами;

организация обеспечения прав и свобод иммигрантов, а также установление контроля над реализацией иностранными гражданами своих обязанностей;

осуществление мер по выдворению за территорию РФ мигрантов, находящихся незаконно на этой территории, и возвращение их в государство постоянного места проживания.

Таким образом, иммиграционный контроль представляет собой совокупность общегосударственных и ведомственных средств и методов, с помощью которых обеспечивается исполнение всеми учреждениями, организациями, органами, должностными лицами и гражданами миграционного законодательства.

1. Беляев В.П. Контроль и надзор: проблемы разграничения // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4.
2. Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, транснациональная незаконная миграция). – М.: ЦТМ-Пресс, 2007.
3. О мерах по введению иммиграционного контроля: указ Президента РФ от 16.12.1993 № 2145 // *утратил силу*.
4. Об утверждении Положения об иммиграционном контроле: постановление Правительства Российской Федерации от 08.09.1994 № 1020 // *утратило силу*.
5. О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-р // *утратило силу*.

Информация об авторах:

С.О. Харламов, начальник кафедры конституционного и муниципального права, кандидат юридических наук, доцент

С.Л. Нечай, доцент кафедры конституционного и муниципального права, кандидат исторических наук

About the authors:

S.O. Kharlamov, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, PhD of Legal Sciences, Associate Professor

S.L. Nechay, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, PhD of Historical Sciences

Статья поступила в редакцию 22.11.2023

ЛЕКАРЬ ЛЮДМИЛА АНТОНОВНА¹

antonna47@bk.ru

КУБАСОВ ИГОРЬ АНАТОЛЬЕВИЧ²

igorak@list.ru

---

^{1,2} Академия управления МВД России (Москва, Россия)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОИСКУ И РЕГУЛИРОВАНИЮ МЕШ-СЕТЕЙ В ЦЕЛЯХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Меш-сети, развертываемые с помощью различных меш-мессенджеров (зарубежных разработчиков) без подключения пользователей к Wi-Fi или сотовой связи, могут использоваться отдельными лицами или сообществами для осуществления противоправной деятельности. Однако анализ информации о пользователях и блокирование таких меш-сетей затруднены из-за их децентрализованного характера и сосредоточенности на конфиденциальности. А применяемый в настоящее время правоохранительными органами метод радиоэлектронной борьбы с помощью блокираторов, излучающих мощность в широкой полосе частот, подавляет в заданной территории все источники излучения, как те, которые являются целью, так и базовые станции сотовой связи, сети Wi-Fi и др. Обоснована необходимость применения системного подхода в борьбе с незаконной деятельностью в меш-сетях в целях повышения эффективности охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. На основе анализа результатов выполнения научно-исследовательской работы (шифр «Отвертка») сделан вывод о том, что выбраны эффективные техники и методы, затрудняющие и блокирующие обмен в меш-сетях.

Ключевые слова и словосочетания: охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, поиск и регулирование меш-сетей, меш-мессенджер

Для цитирования: Лекар Л.А., Кубасов И. А. Системный подход к поиску и регулированию меш-сетей в целях охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Вестник ВПК

МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 90-96; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-90-96

**LEKAR LYUDMILA A.¹,
KUBASOV IGOR A.²**

^{1,2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

A SYSTEMATIC APPROACH TO SEARCH AND REGULATION MESH NETWORKS IN ORDER TO PROTECT PUBLIC ORDER AND ENSURE PUBLIC SAFETY

Annotation. Mesh networks deployed using various mesh messengers (foreign developers) without connecting users to Wi-Fi or cellular communications can be used by individuals or communities to carry out illegal activities. However, analyzing user information and blocking such mesh networks is difficult due to their decentralized nature and focus on privacy. And the method of electronic warfare currently used by law enforcement agencies with the help of blockers emitting power in a wide frequency band suppresses all radiation sources in a given territory, both those that are the target and cellular base stations, Wi-Fi networks, etc. The necessity of applying a systematic approach in the fight against illegal activities in mesh networks in order to increase the effectiveness of public order protection and public safety is substantiated. Based on the analysis of the results of the research work (cipher "Screwdriver"), it is concluded that effective techniques and methods have been selected that complicate and block the exchange in mesh networks.

Key words and word combinations: protection of public order and ensuring public safety, search and regulation of mesh networks, mesh messenger

For citation: Lekar L.A., Kubasov I. A. A systematic approach to search and regulation Mesh networks in order to protect public order and ensure public safety // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 90-96; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-90-96

Меш-сеть (mesh network – ячеистая сеть, анонимная сеть обмена информацией)¹ – это децентрализованный тип сети, в котором несколько устройств, называемых узлами, работают вместе для связи и передачи данных другим узлам сети. В традиционной сети устройства подключаются к центральной точке доступа, например маршрутизатору, для доступа в Интернет. Однако в меш-сети каждый узел действует как клиент и маршрутизатор, позволяя устройствам напрямую подключаться друг к другу.

Устраняя необходимость в централизованном маршрутизаторе, меш-сети имеют несколько преимуществ:

1. Повышенная надежность. Благодаря множеству путей передачи данных меш-сети обладают высокой отказоустойчивостью. Если узел выходит из строя или отключается, сеть может автоматически перенаправить данные по альтернативным путям, обеспечивая непрерывное соединение.

2. Расширенное покрытие. Меш-сети могут покрывать большие территории благодаря расширению диапазона сети за счет добавления большего количества узлов. Каждый новый узел действует как расширение, увеличивая охват сети без ущерба для производительности.

3. Улучшенная масштабируемость. Добавление узлов в меш-сеть относительно простое, что позволяет легко расширять и адаптировать сеть по мере необходимости. Такая масштабируемость обеспечивает быстрое развертывание как в жилых, так и в коммерческих помещениях.

4. Повышенная производительность. Меш-сети часто используют интеллектуальные алгоритмы маршрутизации, которые оптимизируют пути передачи данных. Эти алгоритмы учитывают такие факторы, как уровень сигнала и перегруженность трафика, чтобы обеспечить эффективную и быструю доставку данных.

5. Гибкость и мобильность. Меш-сети могут быть очень гибкими, позволяя устройствам беспрепятственно перемещаться внутри сети без потери возможности подключения. Каждый узел может действовать как точка доступа, позволяя устройствам переключаться между узлами по мере необходимости.

6. Избыточность и отказоустойчивость. Поскольку каждый узел меш-сети может взаимодействовать с несколькими соседними узлами, сеть имеет встроенную избыточность. Если один узел выходит из строя или возникают проблемы, соседние узлы могут вмешаться и поддержать функциональность сети.

7. Безопасность. В меш-сети данные могут шифроваться и аутентифицироваться на каждом узле, обеспечивая дополнительный уровень безопасности. Такой распределенный подход к безопасности снижает риск возникновения единой точки отказа или несанкционированного доступа [1-5].

---

¹Mesh-сеть – это распределенная, одноранговая, самоорганизующаяся сеть с ячеистой топологией.

Благодаря своим преимуществам меш-сети, создаваемые с использованием различных меш-месенджеров², становятся все более популярными в применении, в том числе и для совершения противоправной деятельности. Например, Firechat³ с успехом применяли протестующие в Гонг-Конге, Алжире, Зимбабве (власти этих стран выключали Интернет, чтобы помешать протестам). Сейчас Firechat, наравне с приложениями по обходу блокировок, на первом месте по скачиванию в Венесуэле [4].

Актуальность поиска и регулирования меш-сетей правоохрнительными органами является сложной и развивающейся проблемой. Способность правоохрнительных органов выявлять и регулировать меш-сети имеет важное значение для охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Как и в любой сети связи, существует вероятность неправомерного использования, включая распространение незаконного контента, киберпреступность, терроризм и другую незаконную деятельность [6, с. 11-16, 7, с. 436-442]. Правоохрнительные органы должны иметь средства для расследования и задержания лиц, причастных к такой деятельности.

Системный подход в борьбе с незаконной деятельностью в меш-сетях. Для борьбы с незаконной деятельностью в меш-сетях необходим системный подход с упором на технологические, юридические и совместные усилия.

Технологические решения могут сыграть жизненно важную роль в пресечении незаконной деятельности в меш-сетях. Исследования и разработки должны быть сосредоточены на расширении возможностей сетевого мониторинга для выявления и отслеживания вредоносных действий. Это включает в себя разработку передовых систем обнаружения вторжений, которые могут обнаруживать модели незаконного поведения, такие как распространение незаконного контента или координация преступной деятельности. Совместные усилия сетевых провайдеров, производителей устройств и правоохрнительных органов имеют решающее значение для разработки и обмена инструментами, которые могут помочь в выявлении и смягчении последствий незаконной деятельности.

Правоохрнительные органы должны адаптировать свои методы расследования, чтобы идти в ногу с технологическим прогрессом. Это включает в себя развитие опыта в анализе ячеистых сетевых инфраструктур, выявлении ключевых узлов или лиц, вовлеченных в преступную деятельность, а также поиске способов перехвата или мониторинга коммуникаций внутри этих сетей, соблюдая при этом конфиденциальность и правовые границы. Учитывая децентрализованный характер меш-сетей, традиционные методы мониторинга и перехвата могут оказаться не столь эффективными, что требует разработки новых методов и технологий, а также формирования у сотрудников навыков по применению специальной техники в едином цифровом пространстве [8, с. 96-101].

Необходимо также обновить правовую базу для борьбы с незаконной деятельностью в меш-сетях. Следует работать над принятием нормативных правовых актов, которые конкретно направлены на пресечение противоправного применения этих сетей, гарантируя, что правоохрнительные органы имеют необходимые инструменты для расследования и преследования лиц, причастных к незаконной деятельности. Однако важно найти баланс между противодействием незаконной деятельности и сохранением конфиденциальности и свободы людей, использующих меш-сети в законных целях.

Сотрудничество между заинтересованными сторонами имеет решающее значение для эффективной борьбы с незаконной деятельностью в меш-сетях. Правоохрнительные органы, сетевые операторы, производители устройств и организации гражданского общества должны установить партнерские отношения и обмениваться информацией, чтобы опережать развивающиеся угрозы. Сотрудничество между правоохрнительными органами и технологическими экспертами имеет

---

²Меш-месенджеры – это мобильные приложения (как правило, зарубежных производителей), которые применяют в местах массового скопления людей, где по каким-то причинам наблюдаются проблемы с Интернетом и сотовой связью.

³Firechat – это инновационное Android-приложение, работает путем передачи сигналов от одного устройства к другому.

решающее значение в решении проблем регулирования меш-сетей. Кампании по информированию общественности могут уведомить пользователей о потенциальных рисках участия в незаконной деятельности в меш-сетях и способствовать ответственному использованию.

Кроме того, международное сотрудничество имеет важное значение для борьбы с трансграничной незаконной деятельностью в меш-сетях. Поскольку эти сети могут пересекать географические границы, правоохранительные органы должны работать вместе, чтобы обмениваться информацией, разведанными и передовым опытом регулирования и расследования преступной деятельности. Это сотрудничество может помочь в разработке общих стандартов, правовых рамок и технических решений для обеспечения эффективного регулирования меш-сетей при соблюдении границ юрисдикции и прав человека.

При этом важно признать, что полное искоренение незаконной деятельности в меш-сетях может оказаться недостижимым. Как и в случае с любой технологией, всегда найдутся люди, которые будут использовать ее в незаконных целях. Поэтому усилия также должны быть сосредоточены на смягчении последствий незаконной деятельности путем создания устойчивых сетей, способных противостоять атакам и быстро восстанавливаться после сбоев.

Методы поиска, регулирования и деструктивного воздействия на меш-сети. Применяемые в настоящее время методы поиска, регулирования и деструктивного воздействия на меш-сети не являются высокоэффективными, т.к. меш-сети обладают свойствами повышенной конфиденциальности и улучшенной связью в отдаленных районах.

Так, например, для контроля анонимных сетей обмена информации используются методы радиоэлектронной борьбы с помощью блокираторов, излучающих мощность в широкой полосе частот. Однако на заданной территории подавляются все источники излучения, как те, которые являются целью, так и любые другие (базовые станции сотовой связи, сети Wi-Fi и т.д.). При этом сам факт деструктивного воздействия обнаруживается сразу.

Методы поиска применительно к меш-сетям могут включать обнаружение и идентификацию конкретных узлов или пользователей, вовлеченных в незаконную деятельность. Поскольку меш-сети распределяют данные по нескольким узлам, традиционные методы поиска, такие как отслеживание IP-адресов или мониторинг централизованных серверов, могут оказаться неэффективными. Правоохранительным органам требуется адаптировать методы для решения этих проблем. Один из подходов – сосредоточиться на конечных точках меш-сети, пытаясь перехватить сообщения в тех точках, где данные входят или выходят из децентрализованной системы. Это может включать мониторинг провайдеров интернет-услуг или развертывание инструментов наблюдения вблизи стратегически важных мест.

Регулирование меш-сетей – еще одна проблема, с которой сталкиваются правоохранительные органы. В отличие от традиционных сетей, которые работают под контролем центрального органа, меш-сети децентрализованы и часто действуют в «серых» правовых зонах. Это затрудняет обеспечение соблюдения существующих правил или введение новых. Правоохранительные органы борются с этими сетями, сохраняя при этом баланс между такими проблемами, как конфиденциальность, безопасность и необходимость предотвращения преступной деятельности.

Влияние деятельности правоохранительных органов на меш-сети может быть как конструктивным, так и деструктивным.

С одной стороны, правоохранительные органы играют решающую роль в обеспечении общественной безопасности, используя свои полномочия для выявления и предотвращения преступной деятельности. Они могут использовать свои ресурсы для мониторинга и пресечения незаконной деятельности, осуществляемой через меш-сети. Это может помочь защитить людей от вреда и предотвратить превращение сетей в прибежище для преступных предприятий.

С другой стороны, интрузивные методы, используемые правоохранительными органами, могут подрывать те самые принципы, которые делают меш-сети ценными. Чрезмерное наблюдение, неизбирательный сбор данных или ослабление протоколов

шифрования могут подорвать конфиденциальность пользователей и ущемить гражданские свободы. Кроме того, неумелые попытки регулирования меш-сетей могут задушить инновации и помешать развитию альтернативных коммуникационных инфраструктур [9, с. 83-89].

Чтобы найти баланс между потребностями правоохранительных органов и преимуществами меш-сетей, необходимы сотрудничество и диалог между заинтересованными сторонами. Взаимодействие с экспертами в области сетевых технологий и юристами может помочь разработать эффективные и соразмерные стратегии.

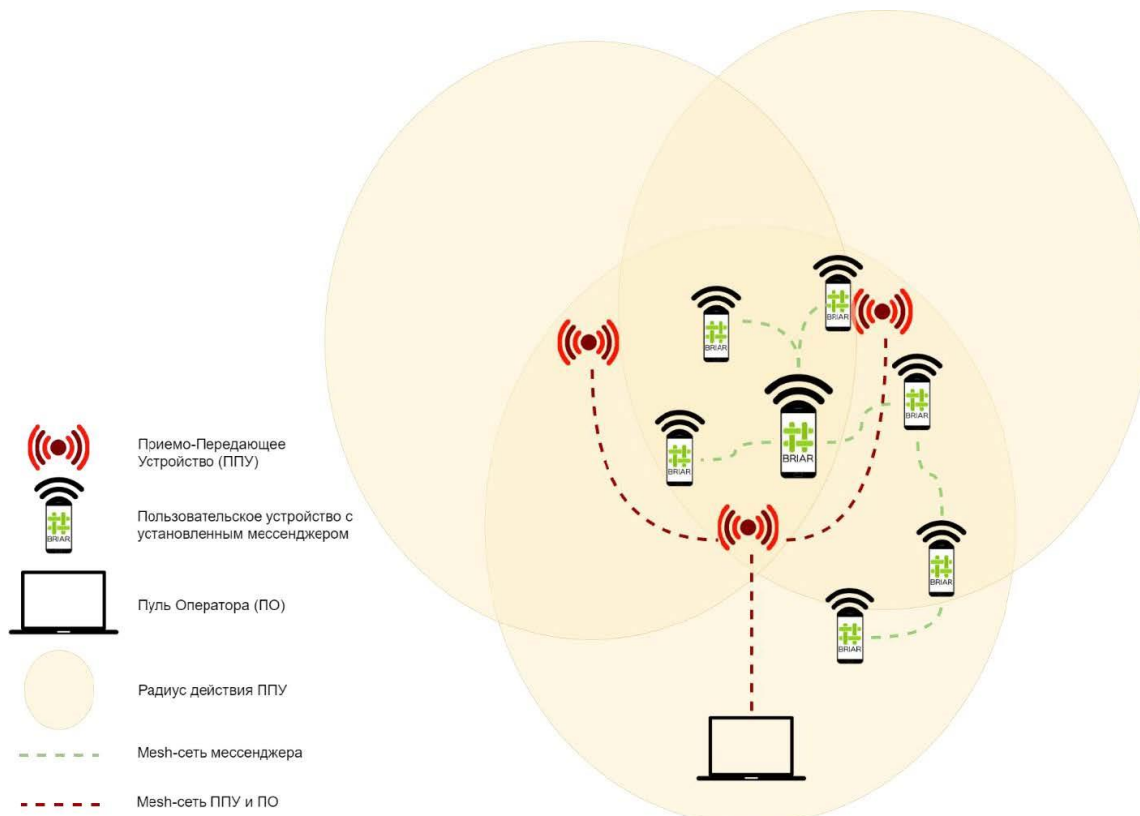
Результаты научно-исследовательской работы «Обоснование и выбор методов контроля анонимных сетей обмена информацией». Особо следует отметить технические решения, выработанные и экспериментально исследованные ФКУ НПО «СТиС» МВД России в результате выполнения научно-исследовательской работы «Обоснование и выбор методов контроля анонимных сетей обмена информацией», шифр «Отвертка» [10]. Данные решения реализованы в макете программно-аппаратного комплекса (далее – ПАК «Отвертка»), осуществляющего мониторинг активности, протоколирования действий и регулирования доступа пользователей к анонимным меш-мессенджерам, в том числе: Signal Offline, Briar, Bridgefy, включая деструктивное воздействие. При этом сам факт воздействия ПАК «Отвертка» не обнаруживается пользователями сети.

Экспериментально подтвержден широкий набор функциональных возможностей: в части сети меш-мессенджера Bridgefy – полная блокировка доступа к приложению, подмена личных сообщений, разовое отключение пользователей; в части, касающейся сети меш-мессенджера Briar, – принудительная деаутентификация пользователя, принудительная дизассоциация пользователя, перевод пользователя на другой канал, блокирование создания новых контактов, перехват подключения к целевому пользователю; в части, касающейся сети меш-мессенджера Signal Offline, – принудительная деаутентификация пользователя, принудительная дизассоциация пользователя, перевод пользователя на другой канал.

На рис. 1 представлена модель применения ПАК «Отвертка».

Для сбора данных с приемо-передающих устройств (ППУ) создается общая локальная Wi-Fi-сеть, обеспечивающая беспроводное подключение между всеми ППУ и пультом оператора на базе электронно-вычислительной машины типа ноутбук (ПуО) в радиусе действия беспроводных Wi-Fi-адаптеров данных устройств. Таким образом, все ППУ в радиусе действия друг друга создают собственную сеть для передачи данных друг другу и ПуО.

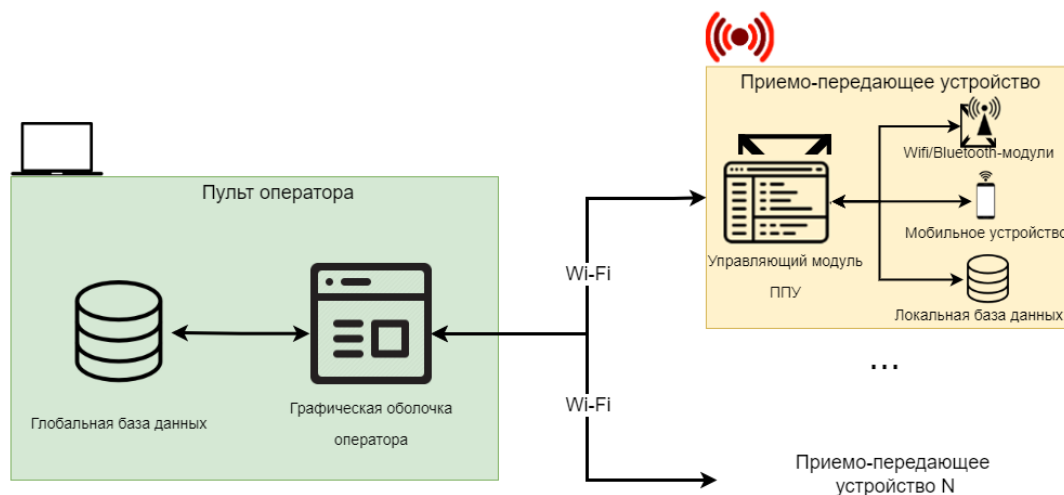
Отправка данных на ПуО и ППУ при этом возможна только по прямому запросу с ПуО или другого ППУ, входящего в состав комплекса, заведомо сконфигурированного на работу с другими ППУ.

рис. 1. Модель применения ПАК «Отвертка»

На рис. 2 представлена архитектура данного комплекса.

Архитектура программно-аппаратного комплекса

рис. 2. Архитектура ПАК «Отвертка» ППУ содержит 4 основных компонента, необходимых для его работы:

- ☐ управляющий модуль ППУ;
- ☐ мобильное устройство;
- ☐ локальную базу данных;
- ☐ беспроводной Wi-Fi/Bluetooth-модуль.

Управляющий модуль ППУ отвечает за прием команд управления с ПуО и ППУ, а также отправку результатов выполнения полученных команд.

Локальная база данных ППУ используется для накопления и первичного анализа информации, поступающей с беспроводных Wi-Fi/Bluetooth-модулей ППУ, а также для фиксации результатов выполненных команд.

Беспроводной Wi-Fi/Bluetooth-модуль используется ППУ для отправки сетевых пакетов определенной структуры в зависимости от поступившей команды.

Мобильное устройство необходимо для взаимодействия с меш-приложениями, в том числе для регулирования доступа сторонних устройств.

ПуО содержит 2 основных компонента, необходимых для его работы:

- ☐ графическая оболочка оператора ПуО;
- ☐ глобальная база данных.

Графическая оболочка оператора ПуО используется для отображения всей агрегированной и обработанной информации, полученной от нескольких ППУ и отправки команд на ППУ.

Глобальная база данных представляет собой совокупность всех локальных баз данных ППУ, а также результатов анализа и поиска корреляций, проведенных над полученной с ППУ информацией.

Таким образом, выбраны эффективные техники и методы, затрудняющие и блокирующие обмен в меш-сетях, а именно приводящие к отказу в обслуживании пользователей из-за невозможности подключения к точке доступа, к созданию условий для постоянного процесса смены каналов пользователей, что приводит к DoS-атаке, а также к осуществлению многократной отправки широкоэмиттерных кадров с командой диссоциации пользователей от точки доступа. Также применена техника засорения рекламными кадрами BR/EDR эфира Bluetooth со случайным аппаратным адресом. Обмен становится невозможен, так как абонент не успевает подключиться.

Меш-сети привлекают внимание пользователей различных меш-мессенджеров как децентрализованная форма связи, позволяющая напрямую соединяться друг с другом, не полагаясь на традиционную интернет-инфраструктуру. Эти сети могут использоваться отдельными лицами или сообществами для создания анонимных сетей связи, особенно в районах с ограниченным доступом в Интернет или без него, для осуществления противоправной деятельности.

Пресечение незаконной деятельности, совершаемой с использованием меш-сетей, требует системного подхода, включающего технологические достижения, нормативно-правовую базу, совместные усилия, осведомленность общественности и международное сотрудничество. Крайне важно найти правильный баланс между противодействием незаконной деятельности и сохранением прав на неприкосновенность частной жизни. Хотя полное искоренение может быть сложной задачей, согласованные усилия могут значительно смягчить воздействие незаконной деятельности на меш-сети и способствовать созданию безопасной и защищенной цифровой среды.

Технические решения, выработанные и экспериментально исследованные в результате выполнения научно-исследовательской работы «Обоснование и выбор методов контроля анонимных сетей обмена информацией», шифр «Отвертка», выступают научно обоснованным фундаментом разработки программно-аппаратного комплекса для регулирования работы пользователей меш-мессенджеров, использующих технологии Bluetooth и Wi-Fi, а также мониторинга активности пользователей меш-мессенджеров и сбора статистической информации о пользователях и их устройствах.

1. Security and Privacy Issues in Wireless Mesh Networks: A Survey [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1302/1302.0939.pdf>
2. Common Security Issues and Challenges in Wireless Sensor Networks and IEEE 802.11 Wireless Mesh Networks [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/336226.pdf>

3. Analysis of Denial of Service Attacks in IEEE 802.11s Wireless Mesh Networks [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://eudl.eu/pdf/10.1007/978-3-642-11530-1_1
4. 6 лучших мессенджеров, которые работают без сотовой связи и Интернета [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rusmonitor.com>
5. Bluetooth Low Energy Mesh Networks: Survey of Communication and Security Protocols [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7349184/>
6. Кубасов И.А., Лекарь Л.А. Перспективы организации обмена оперативно значимой информацией с использованием транспортного уровня пиринговых сетей // Оперативно-розыскной портал: право и технологии. 2023. № 1 (3).
7. Кубасов И.А., Лекарь Л.А., Кондрущенко О.М. Перспективные направления применения методов анализа больших данных в информационно-аналитическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23 октября 2020 г.) / под общ. ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020.
8. Конуров А.Г., Кубасов И.А., Синютин Ю.В. О необходимости формирования у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации навыков по применению специальной техники в едином цифровом пространстве МВД России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4 (60).
9. Кубасов И.А. Промышленный Интернет вещей как революционный скачок развития // Надежность и качество сложных систем. 2023. № 2 (42). DOI 10.21685/2307-4205-2023-2-9.
10. Отчет о научно-исследовательской работе «Обоснование и выбор методов контроля анонимных сетей обмена информацией» (заключительный). Шифр «Отвертка». – М.: ФКУ НПО «СТиС» МВД России, 2022. Рег. № НИОКТР 01220005.

Информация об авторе:

Л.А. Лекарь, доцент кафедры информационных технологий, кандидат технических наук

И.А. Кубасов, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий

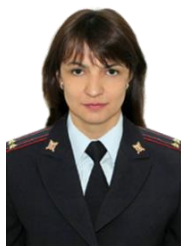
About the author:

L.A. Lekar, Associate professor of Department of Information Technology, Candidate of Technical Sciences

I.A. Kubasov, Professor of the Department of Information technologies, doctor of technical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 2.10.2023

АДМИРАЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России¹,
Государственный университет управления² (Москва, Россия)

irina_adm@mail.ru

КУЗНЕЦОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России
(Московская область, Россия)

К ВОПРОСУ О НАДЕЛЕНИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры) ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ТРАНСПОРТЕ¹ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ФУНКЦИЯМИ, ЗАДАЧАМИ И ПОЛНОМОЧИЯМИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры. С учетом прогнозных показателей развития объектов транспорта дается обоснованный вывод о необходимости совершенствования законодательства в сфере транспортной безопасности. Отмечено, что максимальной эффективности система противодействий актам незаконного вмешательства в деятельность транспорта будет иметь при тесном взаимодействии органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте и сил обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры. На основе проведенного анализа разработаны предложения по наделению специализированных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте дополнительными функциями, задачами и полномочиями.

Ключевые слова и словосочетания: транспортная безопасность, объекты транспортной инфраструктуры, субъекты обеспечения транспортной безопасности, органы внутренних дел Российской Федерации на транспорте, специализированные подразделения по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры), акты незаконного вмешательства

Для цитирования: Адмиралова И.А., Кузнецов В.А. К вопросу о наделении специализированных подразделений по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры) органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте дополнительными функциями, задачами и полномочиями // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 97-103; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-97-103

ADMIRALOVA IRINA A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia¹, State University of Management²
(Moscow, Russia)

KUZNETSOV VLADIMIR A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

¹ Далее – специализированные подразделения.

ON THE QUESTION OF ALLOWANCE SPECIALIZED UNITS FOR ENSURING PUBLIC ORDER (in transportation and technology sectors transport infrastructure facilities) OF THE INTERIOR AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN TRANSPORT ADDITIONAL FUNCTIONS, TASKS AND POWERS

Annotation. The article discusses issues of legal support for transport security at transport infrastructure facilities. Taking into account the forecast indicators for the development of transport facilities, a reasonable conclusion is given about the need to improve legislation in the field of transport security. It is noted that the system of counteracting acts of illegal interference in transport activities will be most effective with close interaction between the internal affairs bodies of the Russian Federation in transport and the forces ensuring transport security at transport infrastructure facilities. Based on the analysis, proposals have been developed to provide specialized units of the internal affairs bodies of the Russian Federation in transport with additional functions, tasks and powers.

Key words and word combinations: transport security, transport infrastructure facilities, subjects of transport security, internal affairs bodies of the Russian Federation in transport, specialized units for ensuring public order (in the transportation and technological sectors of transport infrastructure facilities), acts of illegal interference

For citation: Admiralova I.A., Kuznetsov V.A. On the question of allowance specialized units for ensuring public order (in transportation and technology sectors transport infrastructure facilities) of the interior affairs bodies of the Russian Federation in transport additional functions, tasks and powers // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 97-103 ; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-97-103

В условиях непрекращающихся попыток западных стран подорвать устойчивость российской экономики предельно ясно, что развитие транспортных магистралей будет играть существенную роль в планомерном экономическом развитии государства. В соответствии с поручением Президента России Владимира Владимировича Путина от 5 октября 2023 г. Правительству РФ необходимо рассмотреть проект строительства Северо-Сибирской магистрали. Немаловажным фактором эффективности деятельности объектов транспорта является предоставление транспортных услуг с учетом соблюдения требований безопасности и качества оказания этих услуг. Данные аспекты являются важными факторами, которые будут свидетельствовать о конкурентоспособности всей экономической системы Российской Федерации.

В связи с тем, что основным принципом деятельности транспортной инфраструктуры выступает организация непрерывного и эффективного рабочего процесса, особое внимание государством уделяется уровню антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры, выработке правовых и организационных мер, направленных на защиту жизни и здоровья граждан, обеспечение охраны общественного порядка, общественной безопасности, с учетом особенностей мест массового присутствия людей, к которым относятся объекты транспорта [2].

С учетом складывающихся угроз безопасности в мире и государстве потребность в грамотных сотрудниках органов внутренних дел Российской Федерации на объектах транспортной инфраструктуры возрастает. Задачи по обеспечению общественного порядка и безопасности выходят на особый уровень и требуют от сотрудников полиции поддерживать уровень профессиональной готовности, необходимый для противодействия возникающим противоправным деяниям на объектах транспорта. Особое внимание уделяется недопущению совершения актов незаконного вмешательства как показателя защищенности граждан и государства.

В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» актуальность поставленной задачи будет возрастать, так как с учетом плановых показателей и прогнозируемых результатов развития объектов транспортной инфраструктуры пассажиропоток на всех видах транспорта будет увеличиваться: на железнодорожном транспорте – до 47%, на воздушном транспорте – до 63%; на внутреннем водном транспорте – до 130% (см. таб. 1) [2].

*Результаты сравнительного анализа данных пассажиропотока
за период с 2019 по 2035 год (млн чел.)*

Вид перевозки	2019	2024	2030	2035
Железнодорожный транспорт	116,5	117,4	131,3-151,9	141,5-171,3
Воздушный транспорт	147,5	156	209	245
Внутренний водный транспорт	0,9	1,12	1,7	2,2

Осознание необходимости в привлечении сотрудников органов внутренних дел для обеспечения общественной безопасности и борьбы с преступностью на объектах транспорта появилась с возникновением нового вида преступлений – воздушного терроризма. В 1971 году в системе МВД СССР были созданы подразделения по досмотру, которые стали самостоятельными подразделениями системы органов внутренних дел на транспорте. В их функции входили задачи обеспечения безопасности функционирования воздушного транспорта и правопорядка в целях борьбы с воздушным терроризмом.

Сотрудники органов внутренних дел на транспорте в своей профессиональной деятельности были наделены функциями по осуществлению предполетного досмотра пассажиров, в том числе ручной клади и багажа с целью недопущения совершения противоправных деяний в отношении пассажиров и членов экипажа.

После распада СССР законодатели современной России пошли иным путем развития правовой системы обеспечения транспортной безопасности. Так, согласно принятому в 1997 году Воздушному кодексу РФ, обязанности осуществления досмотра были закреплены за подразделениями службы авиационной безопасности субъектов транспортной инфраструктуры. Таким образом, функциональные обязанности подразделений органов внутренних дел РФ на транспорте, осуществляющих деятельность на объектах транспортной инфраструктуры, были пересмотрены. Как следствие, подразделения органов внутренних дел на транспорте, осуществлявшие предполетный досмотр, были упразднены.

Можно сказать, что результатом проведенных реформ явилась передача роли головного исполнителя в сфере транспортной безопасности от Министерства внутренних дел Российской Федерации к Министерству транспорта Российской Федерации. Однако утверждать, что Министерство внутренних дел Российской Федерации было полностью исключено из системы обеспечения транспортной безопасности, было бы неверным.

Немаловажным элементом участия МВД России в обеспечении безопасности на объектах транспорта является работа в процессе подготовки законодательных и ведомственных правовых актов. Так, за Министерством внутренних дел Российской Федерации остались полномочия по обеспечению деятельности, направленной на формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей функционирование подразделений, отвечающих за транспортную безопасность, деятельность которых непосредственным образом пересекается с правоохранительной деятельностью органов внутренних дел на транспорте.

Следует особо отметить внесение изменений в 2014 году в Федеральный закон «О полиции», которые существенно дополнили перечень актуальных вопросов осуществления досмотра и прочих мероприятий, с учетом особенностей воздушного, водного, наземного транспорта [1].

Законодательно дополнены соответствующие разделы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовного кодекса Российской Федерации в части перечня противоправных деяний в области транспортной безопасности, за которые наступает ответственность.

В соответствии нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ, Министерству внутренних дел РФ поручено разработать и реализовать комплекс дополнительных мероприятий, нацеленных на осуществление более тщательного надзора за

деятельностью в сфере антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры с целью недопущения совершения террористических актов.

Согласно структуре современного территориального органа МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, предусмотрено создание и функционирование специализированных подразделений (СП), осуществляющих функции ранее находившихся в структуре подразделений по досмотру.

Деятельность специализированных подразделений на объектах транспорта регламентирована требованиями приказов МВД России от 8 октября 2018 г. № 663 [4] и от 25 февраля 2020 г. № 95 [5].

Личный состав специализированных подразделений выполняет служебные обязанности в секторе перевозки и в технологических секторах зоны транспортной безопасности, на постах границ зоны безопасности. Особое внимание уделяется деятельности контрольно-пропускных пунктов, осуществляющих значимый вклад в безопасность на транспорте.

Сотрудники специализированных подразделений осуществляют службу в 137 аэропортах, находящихся в оперативном обслуживании ОВДТ, на которых предусмотрены перевозочные и технологические сектора. Кроме этого, необходимо отметить, что в 40% аэропортов из 137 сотрудники специализированных подразделений являются основными (единственными) силами, обеспечивающими общественную безопасность и охрану общественного порядка (силы патрульно-постовой службы полиции отсутствуют, оперативные подразделения представлены единичными сотрудниками структурных подразделений).

Перевозочные и технологические сектора объектов транспортной инфраструктуры характеризуются значительным пассажиропотоком и проведением мероприятий, целью которых является выполнение требований транспортной безопасности. В свою очередь, указанные мероприятия невозможны без таких мер, как досмотр пилотов, обслуживающего персонала, пассажиров. Происходящие задержки воздушных перевозок провоцируют массовое скопление пассажиров. Имеются случаи несанкционированного выхода (проникновения) пассажиров и иных лиц на летное поле (перевозочный сектор), которые своими действиями могут нарушить работу аэропорта и даже привести к массовым человеческим жертвам.

Указанные характеристики демонстрируют острую потребность в обязательном и постоянном личном присутствии сотрудников органов внутренних дел на объектах транспорта. С учетом этого определена специфика выполняемых задач и реализуемых функций сотрудниками специализированных подразделений по выявлению и пресечению правонарушений, а также принимаемых мер по предупреждению и недопущению актов незаконного вмешательства в деятельность транспорта.

На сотрудников специализированных подразделений возложены обязанности по принятию мер реагирования в случае идентификации силами транспортной безопасности в ходе досмотра оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывчатых устройств, при условии отсутствия законных оснований для их ношения или хранения, а также при выявлении лиц, не имеющих правовых оснований для прохода (проезда) в зону транспортной безопасности [2].

Кроме этого, сотрудники специализированных подразделений инициативно участвуют в досмотровых мероприятиях, в ходе которых изымаются запрещенные к свободному обороту на территории Российской Федерации предметы и вещества, за которые предусмотрена уголовная и административная ответственность.

Для сведения: в 2022 году сотрудниками специализированных подразделений изъято из незаконного оборота: более 3,6 кг наркотических средств (2018 г. – 1 кг, 2019 г. – 6 кг, 2020 г. – 9,7 кг, 2021 г. – 6,8 кг), 19 ед. огнестрельного (2018 г. – 71, 2019 г. – 81, 2020 г. – 42, 2021 г. – 37), 148 ед. холодного оружия (2018 г. – 300, 2019 г. – 205, 2020 г. – 123, 2021 г. – 174), 2 307 ед. боеприпасов (2018 г. – 5 468, 2019 г. – 6 587, 2020 г. – 2 605, 2021 г. – 2 293), 1,271 кг взрывчатых веществ (2018 г. – 2 кг, 2019 г. – 1 кг, 2021 г. – 1 кг).

Одновременно сотрудниками специализированных подразделений выявляются и пресекаются сотни преступлений общеуголовной направленности (2018 г. – 466, 2019 г. – 631, 2020 г. – 852, 2021 г. – 957, 2022 г. – 1035), тысячи правонарушителей административного законодательства (2018 г. – 44 206, 2019 г. – 58 676, 2020 г. – 76 388, 2021

г. – 97 989, 2022 г. – 94 872), в том числе граждан и пассажиров, хулиганские действия которых создают реальную угрозу безопасности полетов и могут привести к трагическим последствиям на объектах транспорта.

Ежедневно совместно с работниками авиапредприятий проводится профилактическая работа по выявлению и недопущению на борт воздушного судна так называемых деструктивных пассажиров, число которых из года в год в результате проводимой профилактической работы сокращается.

Для сведения: в 2021 г. на борту воздушного судна пресечено 3 751 противоправное действие, в 2022 г. – 3 107, по итогам 6 месяцев 2023 г. – 791. Очевидно, что проводимая профилактическая работа, в том числе сотрудниками специализированных подразделений, эффективна.

Опираясь на научную концепцию О.П. Левченко, И.Н. Дорофеева, которые определяют дополнительный комплекс действий и мероприятий при усложнении оперативной обстановки, на наш взгляд, следует выделить особые мероприятия:

- блокирование зон происшествий и аварий, обеспечение эвакуации;

- обеспечение неотложной помощи специализированным службам, задействованным при осуществлении спасательной операции;

- обеспечение контроля и надзора за соблюдением правил поведения в зоне происшествия или аварии, при этом недопущение проявления фактов паники, мародерства, провокаций;

- обеспечение деятельности по учету потерь пассажиров, установлению личности и розыску пропавших без вести [9, с. 52-55].

Рассмотрим перечень компетенций сотрудников органов внутренних дел РФ на транспорте, которыми они должны обладать для успешного осуществления транспортной безопасности.

Одним из важных направлений деятельности с учетом специфики транспортной безопасности выделяется определение и анализ угроз совершения актов противоправного вмешательства. На основании полученных сведений субъекту транспортной инфраструктуры направляются рекомендации и предложения по совершенствованию системы противодействия актам незаконного вмешательства, введения дополнительных мер обеспечения транспортной безопасности объекта транспортной инфраструктуры.

Проведенный анализ практики, изучение основополагающих направлений деятельности подразделений органов внутренних дел на транспорте в сфере транспортной безопасности позволяет выделить две актуальные проблемы:

Подразделения, функциональными обязанностями которых является направление межведомственного взаимодействия в сфере обеспечения транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, действуют только на федеральном уровне – в структуре ГУТ МВД России. Полагаем, что формирование подразделений данного типа на межрегиональном уровне будет способствовать совершенствованию системы обеспечения транспортной безопасности.

В структуре территориального органа МВД России на транспорте отсутствует подразделение, в функциональные обязанности которого входят вопросы обеспечения взаимодействия между ведомствами транспортной безопасности и органами полиции, организационно-методического обеспечения этой деятельности [9, с. 52-55].

По мнению О.П. Левченко и И.Н. Дорофеева, в компетенцию подразделений по обеспечению транспортной безопасности органов внутренних дел на транспорте регионального и районного уровней должны входить следующие функции:

- участие в проведении экспертной оценки состояния антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры;

- оценка уязвимости объектов транспортной инфраструктуры;

- моделирование потенциальных и реальных угроз транспортной безопасности, которые могут повлечь причинение вреда жизни и здоровью граждан, материальный ущерб;

- обеспечение антитеррористической защищенности объектов транспортного комплекса;

- выработка прогностических оценок состояния оперативной обстановки на объектах транспортного комплекса;

- формирование предложений при оценке уязвимости вокзалов, портов, аэропортов, железнодорожных магистралей;

планирование мероприятий в сфере обеспечения транспортной безопасности;
проведение мониторинга ситуации при перевозке опасных грузов для оптимального использования имеющихся сил и средств;

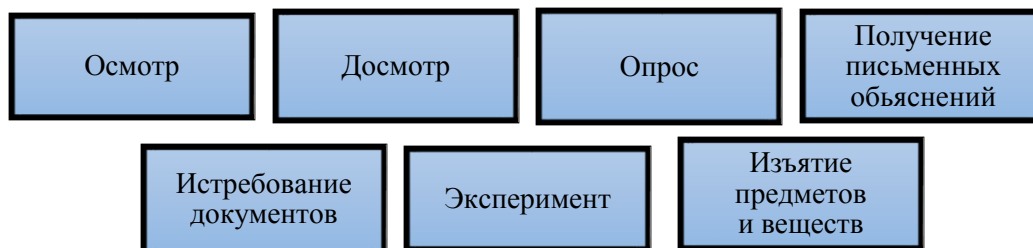
контроль за проведением досмотровых мероприятий и др. [6].

Считаем целесообразным наделить указанными функциями специализированные подразделения органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте.

Стоит отметить, что данные предложения коррелируют с рядом положений нормативных актов в сфере обеспечения транспортной безопасности, правопорядка.

Законодательство Российской Федерации включает в себя значительный объем правовых норм, которые позволяют и предоставляют правоохранительным органам на транспорте существенные возможности по обеспечению безопасности от экстремистских угроз и вызовов [7]. Так, в соответствии с Федеральным законом «О полиции» сотрудники полиции наделены правом участия в проверках, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти государственного контроля (надзора) в области транспортной безопасности [2].

Проверки осуществляются в строгом соответствии с требованиями постановления Правительства РФ от 29 июня 2021 г. № 1051 [5]. Согласно п. 6 ст. 50 постановления федеральный надзор осуществляется посредством осуществления рейдового осмотра сотрудниками Ространснадзора во взаимодействии с сотрудниками полиции, в ходе которого осуществляются процессуальные действия (см. рис. 1).

рис. 1. Процессуальные действия, осуществляемые в рамках проверки

Проведение указанных мероприятий целесообразно осуществлять с использованием специальных технических средств поиска и обнаружения.

Стоит отметить, что на сегодняшний день сотрудники транспортной полиции принимают активное участие в мероприятиях по предотвращению актов незаконного вмешательства в деятельность критически важных и потенциально опасных объектов транспорта.

Так, в управлениях на транспорте МВД России по федеральным округам, Восточно-Сибирском и Забайкальском линейных управлениях на транспорте организована работа мобильных «объездных» групп.

С целью обеспечения эффективности работы созданных мобильных объездных групп ГУТ МВД России подготовлены методические рекомендации для личного состава вышеназванных групп. Данные рекомендации содержат такие положения, как: перечень объектов обследования, инструкция по несению службы, тактика действий при обнаружении взрывных веществ или взрывных устройств.

Считаем целесообразным данное направление работы также закрепить за специализированными подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте.

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения транспортной безопасности: федеральный закон от 3 февраля 2014 г. № 15-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 29 июня 2021 г. № 1051 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Типового положения о специализированном отделе (отделении, группе, направлении) по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры) линейного управления (отдела, отделения) Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, специализированном отделении (группе, направлении) по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры) линейного отдела, отделения (пункта) полиции в составе линейного управления (отдела, отделения) Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте: приказ МВД России от 8 октября 2018 г. № 663 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Об организации деятельности специализированных отделов (отделений, групп, направлений) по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры) линейного управления (отдела, отделения) Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, специализированном отделении (группе, направлении) по обеспечению общественного порядка (в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры) линейного отдела, отделения (пункта) полиции в составе линейного управления (отдела, отделения) Министерства внутренних дел Российской Федерации на железнодорожном, водном и воздушном транспорте: приказ МВД России от 25 февраля 2020 г. № 95 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кузнецов В.А., Чаптыков О.А., Захарова Ю.В. Транспортная безопасность и правовые основы противодействия экстремизму на объектах транспорта // Форум. 2023. № 3 (29).
9. Левченко О.П., Дорофеев И.Н. Основные направления развития органов внутренних дел на транспорте // Академическая мысль. 2018. № 3 (4).

Информация об авторах:

И.А. Адмиралова,
*профессор кафедры подготовки сотрудников
полиции по охране общественного порядка и
подразделений по вопросам миграции центра
подготовки сотрудников полиции для*

About the authors:

I.A. Admiralova,
*professor of chair of migration service staff
training of the police
training center for public order protection¹,
professor of the department of private law*

*подразделений по охране общественного
порядка¹,
профессор кафедры частного права²,
доктор юридических наук, доцент*

В.А. Кузнецов, заместитель начальника
кафедры подготовки сотрудников полиции в
сфере транспортной безопасности центра
подготовки сотрудников полиции для
подразделений по охране общественного
порядка

*of the state university of management²,
doctor of law, associate professor*

V.A. Kuznetsov,
Deputy Head of the Department of Police
Training in the Field of Transport Security

Статья поступила в редакцию 11.12.2023

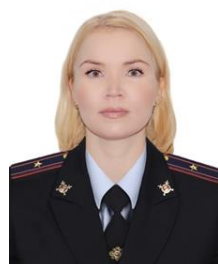
КРЫЖАНОВСКИЙ ЮРИЙ СТЕПАНОВИЧ¹

787_kys@mail.ru

КАН ЛАВРЕНТИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ²

777_kan@mail.ru

АБДРАХМАНОВА АЛСУ РАМАЗАНОВНА³

ya.alsou11@yandex.ru

---

^{1,2,3} Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России
(Московская область, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРИМЕНЕНИЮ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные правовые вопросы практики применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел при выполнении служебных задач, возникающие по причине отсутствия в законодательных актах и учебно-методических материалах точного определения применения огнестрельного оружия. Некоторые сотрудники полагают, что применением огнестрельного оружия считается исключительно стрельба из него. С целью устранения казуистики в трактовке действий сотрудников органов внутренних дел с огнестрельным оружием авторы предлагают определение, которое позволит сотрудникам получить полное представление о применении огнестрельного оружия при выполнении служебных задач.

Ключевые слова и словосочетания: специфика выполнения служебных задач с огнестрельным оружием, пресечение правонарушений, огневая подготовка, сотрудники, применение огнестрельного оружия, алгоритм действий с огнестрельным оружием, условно-ситуационные задачи по применению огнестрельного оружия, правовые основания для применения огнестрельного оружия

Для цитирования: Крыжановский Ю.С., Кан Л.В., Абдрахманова А.Р. Актуальные правовые вопросы, возникающие в процессе обучения сотрудников органов внутренних дел применению огнестрельного оружия // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 104-109; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-104-109

KRYZHANOVSKY YURI S.¹
KAN LAVRENTY V.²
ABDRAKHMANOVA ALSU R.³

^{1,2,3} Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

CURRENT LEGAL ISSUES ARISING IN THE PROCESS OF TRAINING INTERNAL AFFAIRS OFFICERS IN THE USE OF FIREARMS

Annotation. The article deals with problematic legal issues of the practice of using firearms by employees of internal affairs bodies in the performance of official tasks, arising from the lack of an accurate definition of the use of firearms in legislative acts and educational materials. Some employees believe that the use of firearms is considered to be exclusively shooting from it. In order to eliminate the casuistry in the interpretation of the actions of law enforcement officers with firearms, the authors propose a definition that will allow employees to get a complete picture of the use of firearms in the performance of official tasks.

Key words and word combinations: specifics of performing official tasks with firearms, suppression of offenses, fire training, employees, use of firearms, algorithm of actions with firearms, conditional situational tasks for the use of firearms, legal grounds for the use of firearms

For citation: Kryzhanovsky Yu.S., Kan L.V., Abdrakhmanova A.R. Current legal issues arising in the process of training internal affairs officers in the use of firearms // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 104-109; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-104-109

Сотрудники органов внутренних дел в силу специфики выполнения служебных задач, для предотвращения (пресечения) правонарушений вынуждены применять огнестрельное оружие. Практический опыт применения огнестрельного оружия в системе органов внутренних дел показывает, что иногда в служебной деятельности возникают ситуации, в результате которых применение огнестрельного оружия привлекает к себе внимание средств массовой информации и вызывает большой общественный резонанс. Происходит это, как правило, в тех случаях, когда действия сотрудника органов внутренних дел по применению огнестрельного оружия трактуются как выходящие за рамки пределов превышения необходимой обороны.

Опросы в процессе проведения занятий с сотрудниками органов внутренних дел, проходящими повышение квалификации в ВПК МВД России, показывают, что часть обучаемых выражают сомнение в совершенстве законодательства в вопросах, касающихся применения полицейскими огнестрельного оружия. Сомнения такого рода, безусловно, будут оказывать негативное влияние на готовность сотрудников к действиям в экстремальных ситуациях при выполнении служебных задач с огнестрельным оружием.

Некоторые сотрудники полагают, что применением огнестрельного оружия считается исключительно стрельба из него. Суждения такого рода ошибочны, и, по нашему мнению, возникают они прежде всего по причине отсутствия в соответствующих законодательных актах и учебно-методических материалах чёткого определения, что именно является применением огнестрельного оружия.

Когда специалисты доводят до сотрудников информацию о том, что извлечение пистолета из кобуры и приведение его в боевое состояние, по сути, уже является применением огнестрельного оружия, то у обучаемых возникает вполне резонный вопрос – каким нормативным актом определено, что приведение пистолета в состояние боевой готовности является применением огнестрельного оружия?

В настоящее время в нормативных актах не закреплено, что приведение огнестрельного оружия в состояние боевой готовности будет считаться его применением. Отсутствие знаний такого рода будет оказывать негативное влияние на формирование у сотрудников полноценного представления о специфике применения огнестрельного оружия.

Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо тщательно проанализировать нормативные акты и документы, регламентирующие вопросы хранения, ношения и применения огнестрельного оружия, которые дадут возможность получить полное представление о том, что именно является применением огнестрельного оружия. К таким документам относятся: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [1], Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» [2], Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [3].

Применение сотрудниками ОВД огнестрельного оружия регламентировано ст. 23 «Закона о полиции». В ч. 5 ст. 23 прописано следующее: «Запрещается **применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции**».

Таким образом, ключевая фраза «запрещается применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение», закреплённая в ч. 5 ст. 23 «Закона о полиции», даёт возможность понять, что **применение огнестрельного оружия** может осуществляться как с производством предупредительного выстрела, так и с выстрелом на поражение. Из-за отсутствия полноты представления о специфике применения огнестрельного оружия у сотрудников и формируется твёрдое убеждение в том, что применением огнестрельного оружия будет считаться только производство из него выстрела.

Закон «О полиции», после Конституции РФ, является основным правовым актом, регламентирующим профессиональную деятельность сотрудника полиции, но в то же время не единственным. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», регулирующий правовые нормы в части, касающейся правил хранения, ношения и применения огнестрельного оружия, регламентирует права и обязанности граждан России, владеющих огнестрельным оружием.

В статье 24 Федерального закона «Об оружии» прописано, что гражданину РФ запрещается обнажать огнестрельное оружие в случае, если отсутствуют основания для его применения, предусмотренные частью первой этой же статьи. Правовым основанием в соответствии с законодательством является защита жизни, здоровья и собственности в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости.

Таким образом, Закон «Об оружии» даёт понять, что гражданин России, для того чтобы **обнажить** огнестрельное оружие, должен иметь правовые основания. Учитывая, что сотрудник органов внутренних дел является гражданином России, на него также распространяется действие Закона «Об оружии».

Кроме того, действия сотрудника органов внутренних дел с огнестрельным оружием всегда будут рассматриваться с позиции правомерности его применения, а в зависимости от последствий, наступивших в результате применения, могут рассматриваться ещё и в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации. Следовательно, возникает прямая необходимость обратить внимание на то, каким образом действия сотрудника органов внутренних дел с огнестрельным оружием будут квалифицироваться в рамках УК РФ. Как пример усиления ответственности лица, использующего огнестрельное оружие, разберём порядок оценки действий гражданина Российской Федерации с огнестрельным оружием.

Если обратиться к классификации статей Уголовного кодекса РФ, то в обязательном порядке следует учитывать важнейшие особенности оценки действий объекта, совершившего правонарушение. Таким образом, открытое хищение имущества классифицируется как грабёж, а те же действия, совершённые с применением физической силы, холодного или огнестрельного оружия, попадают под состав уже совершенно другого преступления, которое однозначно классифицируется как разбой.

При этом следует обратить внимание на ключевую фразу «с применением огнестрельного оружия», поскольку именно она определяет понятие «применение огнестрельного оружия» в рамках Уголовного кодекса. Причём в Уголовном кодексе не прописано детально, как именно применялось это огнестрельное оружие, угрожали им, били или стреляли из него. Ключевое значение имеет сам факт наличия действий с огнестрельным оружием, создающих угрозу безопасности для здоровья и жизни окружающих.

Таким образом, в соответствии с классификацией правонарушений, состав преступления для правонарушителя наступает сразу после того, как только огнестрельное оружие было обнажено и продемонстрировано, то есть применялось для достижения цели. И это неудивительно, потому что с помощью огнестрельного оружия на человека оказывается психологическое воздействие. Для того чтобы человек действовал вопреки своей воле, необязательно в него стрелять или бить рукояткой пистолета, достаточно направить на него огнестрельное оружие и предупредить о его применении.

В отличие от правонарушителя полицейский обязан действовать с огнестрельным оружием исключительно для предупреждения или пресечения правонарушения и только в рамках правового поля. При этом действия сотрудника с оружием в любой ситуации всегда будут иметь правовую оценку. И если действия сотрудника органов внутренних дел с огнестрельным оружием по какой-либо причине вышли за рамки правового поля, они будут классифицироваться как неправомерное применение огнестрельного оружия, вне зависимости от того, производилась стрельба или нет.

Ранее законодательно было закреплено два понятия – **«применение огнестрельного оружия»** и **«использование огнестрельного оружия»**. Использование огнестрельного оружия осуществлялось в отношении опасных животных, для остановки транспортного средства и производства предупредительного выстрела, а применение предусматривало стрельбу по правонарушителю.

В настоящее время законодательной базой установлено только одно понятие **«применение огнестрельного оружия»**. Но при этом, как показывает практический опыт, не всем сотрудникам удаётся сформировать полноценное представление о всех правовых аспектах применения огнестрельного оружия. Это выражается прежде всего в том, что многие сотрудники считают применением огнестрельного оружия исключительно стрельбу из него. Анализа судебной практики показывает, что применение огнестрельного оружия – это не только стрельба из него, а также и действия лица с огнестрельным оружием, направленные на достижение определённой цели.

Следовательно, эти действия при оценке произошедшего будут классифицированы как применение сотрудником органов внутренних дел огнестрельного оружия. И ключевое значение для сотрудника в таких ситуациях будет иметь не факт применения огнестрельного оружия, а правомерность его применения. А неоднозначность трактования сотрудником действий с огнестрельным оружием может приводить к ошибкам в принятии решений и неуверенным действиям при выполнении служебных задач с применением огнестрельного оружия.

С целью устранения казуистики в трактовке действий сотрудников органов внутренних дел с огнестрельным оружием в рамках правового поля, формирования у сотрудников полноты представления о правомерности применения огнестрельного оружия предлагаем внести в методическое обеспечение учебного процесса и нормативные документы, регламентирующие вопросы действий с огнестрельным оружием, определение, которое позволит сотрудникам органов внутренних дел получить полное представление о том, что такое применение огнестрельного оружия.

Таким образом, данное определение даст возможность сотрудникам органов внутренних дел получить необходимое представление о правовых основах применения огнестрельного оружия при выполнении служебных задач.

Применение огнестрельного оружия – это действия сотрудника органов внутренних дел с огнестрельным оружием, направленные на предотвращение или пресечение

противоправных действий правонарушителя. В зависимости от развития ситуации, применение огнестрельного оружия может осуществляться как с производством стрельбы, так и без производства выстрела.

В результате у сотрудников в процессе обучения и подготовки сформируется представление о правомерности действий с огнестрельным оружием в различных ситуациях, что, в свою очередь, позволит им не только грамотно классифицировать свои действия при работе с огнестрельным оружием, но и уверенно принимать необходимые решения, не выходя при этом за рамки правового поля.

В качестве примера оценки действий сотрудника по применению огнестрельного оружия рассмотрим типовую ситуацию: к сотруднику с дистанции примерно 25 м, демонстрируя в отношении полицейского агрессивные намерения, быстро приближается правонарушитель с ножом в руке. Оценив обстановку, сотрудник извлекает оружие из кобуры, приводит его в боевое состояние и подает команду «Стоять, полиция, буду стрелять». Правонарушитель подчиняется и выполняет законное требование сотрудника полиции.

Таким образом, если после приведения сотрудником оружия в состояние боевой готовности и предупреждения о его применении, правонарушитель выполняет законные требования сотрудника, не пытается создавать угрозы для здоровья и жизни окружающих, то сотрудник полиции не имеет права **открывать по нему огонь**, поскольку эти действия выйдут за рамки правового поля и будут трактоваться как неправомерное применение огнестрельного оружия. Следовательно, в описанной ситуации применение огнестрельного оружия по факту имело место, поскольку действия сотрудника с огнестрельным оружием были направлены на пресечение правонарушения, но огонь при этом из пистолета не открывался ввиду отсутствия для этого правовых оснований.

Например, в ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», определяющей гарантии личной безопасности вооружённого сотрудника полиции, прописано следующее: *«При попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнажённым огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его огнестрельному оружию, сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 настоящего Федерального закона»*. Таким образом, из-за отсутствия формулировки, позволяющей в полной мере раскрыть понятие **«применение огнестрельного оружия»**, получается, что сотруднику с обнажённым огнестрельным оружием, который его уже, по сути, применил (извлёк из кобуры и привёл в боевое состояние), даётся разрешение на открытие огня, что является повторным разрешением на применение огнестрельного оружия.

Наличие определения, раскрывающего суть **применения огнестрельного оружия**, даст возможность избегать казусов такого рода, поскольку тогда в ч. 2 ст. 24 Закона «О полиции» вместо слов «применить огнестрельное оружие» логичнее будет фраза «открыть огонь на поражение», что позволит исключить двусмысленное трактование действий сотрудника органов внутренних дел с огнестрельным оружием.

По нашему мнению, назрела необходимость внести в законодательные, правовые акты и методическое обеспечение учебного процесса в части правовой и огневой подготовки определение понятию «применение огнестрельного оружия». Наличие данного определения даст возможность сформировать у сотрудников полное представление о специфике применения огнестрельного оружия.

1. О полиции: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.legalacts.ru> (дата обращения: 7 июня 2019 г.).

2. Об оружии: федеральный закон Российской Федерации от 13.12.1996 № 150-ФЗ (в ред. от 06.02.2023 (с изм. и доп., вступившими в силу 15.07.2023)).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу 12.10.2023).

Библиографический список.

1. Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 23.11.2017 № 880.
2. Кан Л.В. Сопряженное применение идеомоторного и имитационного методов при совершенствовании умений выполнения задержания в боевых ситуациях: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2016.
3. Крыжановский Ю.С., Кан Л.В. Методика обучения сотрудников органов внутренних дел выполнению служебных задач с огнестрельным оружием: учеб.-метод. пособие. – Домодедово, 2018.
4. Организация и проведение занятий, связанных с моделированием ситуаций повседневной деятельности подразделений органов внутренних дел, с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия: учеб. пособие / под ред. Т.С. Купавцева, В.А. Морозова, Б.А. Федулова. – М.: ДГСК МВД России, 2018.
5. Кан Л.В., Крыжановский Ю.С., Подрезов А.А. Тактика применения огнестрельного оружия в типовых ситуациях оперативно-служебной деятельности: учеб.-практ. пособие. – Домодедово, 2020.

Информация об авторах:

Ю.С. Крыжановский, заместитель начальника кафедры огневой и физической подготовки Международного межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом

Л.В. Кан, доцент кафедры огневой и физической подготовки Международного межведомственного центра подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом, кандидат педагогических наук

А.Р. Абдрахманова, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела

About the authors:

Yu.S. Kryzhanovsky, Deputy Head of the Fire and Physical Training Department of the International Interdepartmental Center for Training and Retraining of Specialists in the Fight against Terrorism and Extremism

L.V. Kan, Associate Professor, Department of Fire and Physical Training, International Interdepartmental Center for Training and Retraining of Specialists in the Fight against Terrorism and Extremism, PhD of Pedagogical Sciences

A.R. Abdrakhmanova, Senior Researcher, Research Department

Статья поступила в редакцию 22.11.2023

МОРОЗОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Кузбасский институт ФСИН России (Новокузнецк, Россия)

morozovlalex@yandex.ru

СУХАРЕНКО АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности
Российской Федерации (Владивосток, Россия)

sukharenko@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ» (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)¹

Аннотация. Предмет исследования – состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Цель исследования – решение научной проблемы определения субъекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. В процессе исследования использовались историко-правовой, хронологический, формально юридический методы. В результате исследования был установлен субъект преступления, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии». Рассмотрены различные подходы к данному статусу: 1) как преступное состояние («занятие» – свершившийся факт) и 2) как стремление к преступному состоянию («занятие» – процесс, направленный на достижение преступного состояния). Проведен сравнительный анализ «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии» в качестве специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, и иных специальных субъектов преступлений, предусмотренных УК РФ, а также сравнительный анализ субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. Рассмотрена конкуренция составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ. Проанализированы различные научные подходы к соотношению понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в рамках формального, функционального и формально-функционального критериев определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова и словосочетания: вор в законе, положенец, смотрящий, организованная преступность, преступное сообщество, преступная организация

Для цитирования: Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья вторая) // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 110-120; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-110-120

MOROZOV ALEXEY SERGEEVICH

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia)

¹ Окончание. Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья первая) // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 96-105.

**ACTUAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE ACT
PROVIDED FOR BY ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION «OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY»
(ARTICLE TWO)¹**

Annotation. The subject of the study is the composition of the crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study was to solve the scientific problem of determining the subject and the objective side of the crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of the research, the historical-legal, chronological, formally legal method was used. As a result of the study, the subject of the crime, the subjective side of the crime provided for in Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» was established. Various approaches to this status are considered: 1) as a criminal state («occupation» is a fait accompli) and 2) as a desire for a criminal state («occupation» is a process aimed at achieving a criminal state). A comparative analysis of the «person occupying the highest position in the criminal hierarchy» as a special subject of a crime provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and other special subjects of crimes provided for in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as a comparative analysis of the subject of a crime provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and part 1 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. The competition of the elements of crimes provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered. Various scientific approaches to the correlation of the concepts of «thief in law» and «person occupying the highest position in the criminal hierarchy» within the formal, functional and formal-functional criteria for determining the person occupying the highest position in the criminal hierarchy are analyzed.

Key words and word combinations: thief-in-law, poser, looker, organized crime, criminal community, criminal organization

For citation: Morozov A.S., Sukharenko A.N. Actual problems of qualification of the act provided for by article 210.1 of the criminal code of the Russian federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» (article two) // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 4(68). – P. 110-120; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-110-120

В предыдущей статье под таким же названием [1, с. 96-105] были рассмотрены: объект преступления, объективная сторона

преступления, момент окончания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ; «занятие» высшего положения в преступной иерархии как процесс и как результат противоправной деятельности субъекта; проведен сравнительный анализ двух подходов к квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ: уголовной ответственности за приготовление к совершению рассматриваемого преступления и уголовной ответственности за совокупность преступлений, совершаемых лицом с целью занятия высшего положения

в преступной иерархии. Также были рассмотрены вопросы: конкуренции приготовления к преступлению, совершаемому с целью занятия высшего положения в преступной иерархии и приготовления к преступлению, предусмотренному ст. 210.1 УК РФ; определения момента окончания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. В данной статье речь пойдет о субъекте и субъективной стороне преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления возраста 16 лет. Царев Д.А. и Павлов А.А. отмечают, что возраст

¹ *Ending.* Morozov A.S., Sukharenko A.N. Actual problems of qualification of the act provided for by article 210.1 of the criminal code of the Russian federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» (article one) // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – № 1(65). – P. 96-105.

уголовной ответственности за данное преступление должен наступать при достижении лицом 14 лет, т.к. имеют место быть редкие случаи, когда несовершеннолетние выполняли функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в возрасте 14 лет [2, с. 160]. С данным предложением трудно согласиться, т.к. отдельный случай (казус) не может ложиться в основу правового регулирования общественных отношений.

При определении субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ С.А. Кутуков и Н.Д. Моисеев ссылаются на п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», отмечая, что «разъяснение субъекта ч. 4 ст. 210 УК РФ применимо и к ст. 210.1 УК РФ». Таким образом, по мнению авторов, субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является лицо, совершившее конкретные действия по созданию или руководству преступным сообществом, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе» [3, с. 336]. Предложенный авторами подход к определению субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, стирает границы между субъектами, а, следовательно, и составами преступлений, предусмотренными ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, в результате чего положения ст. 210.1 УК РФ полностью поглощаются ч. 4 ст. 210 УК РФ. Таким образом, норма ст. 210.1 УК РФ, призванная облегчить порядок привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, теряет всякий смысл. В рамках доказывания по ст. 210.1 УК РФ не может рассматриваться деятельность лица по созданию преступного сообщества (преступной

организации), руководству им (ею) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами, участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Данные признаки являются элементами диспозиции нормы ч. 4 ст. 210 УК РФ: наличие в деянии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, хотя бы одного из указанных признаков свидетельствует о факте совершения им преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, а не преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Верной в связи с этим представляется позиция А.Н. Мондохорова и О.Н. Штаб, отмечающих, что п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» не следует толковать в качестве оснований привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ за статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, а необходимо рассматривать в качестве признаков деяний конкретного лица, свидетельствующих о его авторитете и лидерстве [4, с. 183; 5 с. 69], а действия по организации преступного сообщества и прочие конкретные управленческие действия не должны иметь значение для применения ст. 210.1 УК РФ [6, с. 57]. Общественная опасность наличия статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, заключается в потенциальной возможности реализации лицом своего «авторитета» в противоправных целях посредством оказания морально-психологического

воздействия на подконтрольное ему преступное сообщество. Субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, является потенциальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, и, как ни парадоксально, выступает в роли своеобразной «стадии приготовления» к совершению данного преступления. При наличии объективной стороны деяния, выражающейся в реализации имеющегося морально-психологического потенциала по оказанию воздействия на подконтрольное преступное сообщество, преступление из «стадии приготовления» (ст. 210.1 УК РФ) перерастает в оконченное преступление (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

По мнению В.В. Быкова, субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, выражается в форме прямого умысла, который может быть только определенным, т.к. «он направлен на достижение четкого и единственного результата – **занятие** высшего положения в преступной иерархии». Лицо, занявшее высшее положение в преступной иерархии, осознает общественную опасность и противоправность своего статуса (роли) в преступной иерархии и желает этого. В интеллектуальный элемент умысла, по мнению автора, входит осознание того, что он занимает высшее положение в преступной иерархии, а волевой момент характеризуется желанием этого [7, с. 29]. Противоречивым и неопределенным представляется рассмотренная авторская позиция, поскольку, с одной стороны, он рассматривает умысел на достижение конечного

результата, которым является занятие высшего положения в преступной иерархии, а с другой – состояние лица, занимающего такое положение. В данном контексте умысел возникает у лица, не занимающего высшее положение в преступной иерархии, но стремящегося к данному положению как к конечному результату, к цели. С другой стороны, автор утверждает, что лицо «осознает, что оно занимает высшее положение в преступной иерархии», т.е. рассматривает такое положение как состояние, как свершившийся факт, достигнутый результат. Таким образом, при рассмотрении субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, В.В. Быковым были совмещены обе

теории объективной стороны рассматриваемого преступления, предложенные

И.В. Пантюхиной и Л.Ю. Лариной: теория преступного состояния и теория стремления к преступному состоянию.

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, помимо того, что является основным субъектом преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, одновременно является специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, выступая квалифицирующим признаком деяний, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 210 УК РФ. Уголовный закон содержит множество специальных субъектов преступлений, совершение преступного деяния которыми представляет особую общественную опасность. К числу таких субъектов относятся лица, занимающие определенное служебное, должностное положение, обладающие специальными навыками (ч. 2 ст. 109 УК РФ, ч. 2 ст. 118 УК РФ, ст. 124 УК РФ, ст. 125 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ, ч. 2 ст. 128 УК РФ, ч. 3 ст. 128.1 УК РФ, ч. 2 ст. 137 УК РФ, ч. 2 ст. 138 УК РФ, ч. 3 ст. 139 УК РФ, ст. 140 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 141 УК РФ, ч. 2 ст. 151 УК РФ и т.д.) [8, с. 163-164], но ни один из составов преступлений, кроме ст. 210.1 УК РФ, не предусматривает уголовную ответственность лишь за принадлежность лица к числу специальных субъектов (занятие должности сотрудника правоохранительных органов, медицинского работника, должностного лица органа государственной власти или местного самоуправления; статус родителя, педагогического работника, либо иного лица, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего).

В этой связи наличие специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, в качестве лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, представляется допустимым и обоснованным, в то время как выделение его в качестве самостоятельного состава преступления в рамках ст. 210.1 УК РФ – нет.

Обращает на себя внимание конкуренция субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Согласно ч. 1 ст. 210 УК РФ,

субъектом данного преступления является лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, либо руководившее преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координировавшее действия организованных групп, создавшее устойчивые связи между ними, разработавшее планы и создавшее условия для совершения преступлений организованными группами, разделявшее сферы преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами.

Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, является лицо, создавшее или руководившее преступным сообществом (преступной организацией) либо координировавшее преступные действия, создавшее устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо разделявшее сферы преступного влияния и преступных доходов, а также совершившее другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). Кроме того, о лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Отличительными признаками субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, согласно рассмотренному постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является (выделено нами. – А.М., А.С.) факт совершения лицом других преступных действий, свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном

сообществе (преступной организации), а также в качестве таких признаков **могут** (выделено нами. – А.М., А.С.) рассматриваться связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Сравнительный анализ положений ч. 1 ст. 210 УК РФ и п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» позволяет сделать вывод о том, что: 1) доказанные признаки субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК РФ, **являются** (выделено нами. – А.М., А.С.) доказанными признаками субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ; 2) к числу исключительных признаков субъекта, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, **относится** (выделено нами. – А.М., А.С.) совершение лицом других преступных действий (не бездействий), свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной иерархии); 3) к числу исключительных признаков субъекта, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, **могут** (выделено нами. – А.М., А.С.) относиться связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

В отличие от Уголовного кодекса Грузии, закрепившего в ст. 2231 уголовную ответственность именно «воров в законе», Уголовный кодекс РФ в ст. 210.1 предусматривает уголовную ответственность исключительно «лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии». Так, в отличие от российского законодательства в Грузии указан конкретный статус лица – «вор в законе», что дает основание полагать, что российский законодатель либо не ограничивает субъекта нового преступления этим статусом, либо считает невозможным использовать указанную терминологию на официальном уровне [8, с. 161].

Среди представителей научного сообщества нет единства во мнении о том,

должны ли подлежать уголовной ответственности по российскому законодательству исключительно «воры в законе», либо к ответственности могут быть привлечены лица, не имеющие такого звания (титула, статуса и т.п.). Так, дискуссия по данному вопросу выразилась в формировании трех основных позиций: 1) основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ является наличие у него статуса «вор в законе» и выполнение им противоправных функций по руководству преступным сообществом; 2) основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ является наличие у него статуса «вор в законе» [9, с. 86; 10, с. 235; 11, с. 81]; 3) не является основанием привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ наличие у него статуса «вор в законе», а требуется выполнение им противоправных функций по руководству преступным сообществом [18, с. 69; 14, с. 113; 25, с. 69; 13, с. 183; 16, с. 200].

I. Алфимова О.А., Никитенко И.В. и Якушева Т.В. выделяют формальный и функциональный критерии определения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: 1) наличие у лица высшего криминального статуса («вор в законе») в конкретном преступном сообществе (преступной организации); 2) наличие у лица управленческих полномочий в отношении представителей преступного сообщества на определенной территории (район, город, регион, исправительное учреждение и т.п.) и фактическая реализация таких полномочий [12, с. 16; 13, с. 61-62].

Хлебницына Е.А. и Шершакова Е.К. несколько расширили формальный критерий «по горизонтали», обратив внимание на необходимость учета не только и не столько «тюремного» статуса лица, сколько его положения в «свободных» криминальных кругах, поскольку такое лицо может занимать временный пост лидера в местах лишения свободы в исправительном учреждении (по поручению настоящих лидеров преступного мира, лиц, в действительности занимающих высшее положение в преступной иерархии), но не иметь этого статуса за пределами мест лишения свободы [14, с. 133]. Но также имеется неопределенность и в понимании

формального критерия «по вертикали», поскольку «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» может пониматься в глобальном смысле, а именно как лицо, находящееся на самой высокой ступени преступной иерархии, подразумевающей управление «профессиональной» преступной средой на всей территории Российской Федерации [15, с. 165] (по типу централизованной федерации), либо как лицо, занимающее высокое, но не высшее положение, поскольку единого криминального мира с четко выраженным центральным руководством на территории Российской Федерации не существует, так как распространена региональная преступность [16, с. 111] (по типу децентрализованной федерации или конфедерации).

II. Гришко А.Я. является сторонником позиции о том, что исключительно «вор в законе» должен быть отнесен к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, поскольку только этот статус является пожизненным, в то время как криминальные статусы «положенца» и «смотрящего» являются временными [9, с. 84-88]. Максимова К.А. также полагает, что такими субъектами должны быть именно «воры в законе». Все остальные лица, именуемые «положенцами», «смотрящими», криминальными авторитетами (как собирательное понятие), кандидаты в «воры в законе», лица, приближенные к «ворам в законе» и пользующиеся их доверием и признанием в криминальной среде, а также лица, временно уполномоченные «ворами в законе» исполнять функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, не должны относиться к категории рассматриваемых лиц [11, с. 81]. Рязанов Н.С. настаивает на необходимости учета следующего обстоятельства: «При всём многообразии преступных сообществ и преступных организаций, координирующей и управляющей «надорганизацией» продолжает оставаться сообщество «воров в законе» — лидеров организованной преступной среды, активных криминальных деятелей, доказавших свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющих широкие организаторские функции в преступной среде», в связи с чем

необходимо внедрить практику привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ только «воров в законе» (а не каких-либо иных лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии) [10, с. 234-235].

В опровержение представленной позиции С.А. Кутуковым отмечается, что в предмет доказывания обвинения по ст. 210.1 УК РФ входит не только установление факта приобретения обвиняемым титула «вора» («вора в законе»), но и того, что все обладатели такого титула не формально, а реально попадают на высшую организационно-управленческую ступеньку криминальной иерархии определенного организованного преступного формирования, в противном случае дедукция неприменима: на основании установленного судом факта – подсудимый имеет статус «вора в законе» – нельзя сделать вывод, что он занял высшее положение в преступной иерархии [17, с. 184]. Иными словами, прежде чем привлекать к уголовной ответственности за занятие положения «вора в законе» (даже при условии, что данный факт будет неопровержимо доказан), необходимо доказать наличие знака равенства между категориями «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». В противном случае можно доказать факт того, что человек является филателистом, шахматистом, экспрессионистом и т.п., и сделать из этого абсурдный вывод, что он является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Отсутствие доказанного равенства категорий «вор в законе», филателист, шахматист, экспрессионист с категорией «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» не позволяет сделать вывод о том, что доказанная принадлежность лица к соответствующей социальной группе является доказанной принадлежностью его к категории субъектов преступления, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ. Равенство рассматриваемых категорий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» должно обосновываться не соображениями интуитивного характера «Всем же понятно,

что «вор в законе» – это лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», а обоснованными и логичными доводами о том, что: 1) данные категории совпадают по объему (всякий «вор в законе» является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и всякое лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является «вором в законе»); либо 2) категория «вор в законе» полностью входит в категорию «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» (всякий «вор в законе» является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, но не всякое лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является «вором в законе»). При доказанности же тезиса «некоторые «воры в законе» являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, а некоторые лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, являются «ворами в законе»» следует вывод о том, что: 1) некоторые «воры в законе» не являются лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии; 2) некоторые лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, не являются «ворами в законе». В таком случае доказательство принадлежности лица к категории «вор в законе» не может являться доказательством его принадлежности к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Лишь частичное пересечение областей понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» имеет историческое обоснование. В начале 90-х XX в. преступный мир условно был поделен на две части: преступное сообщество в исправительных учреждениях и преступное сообщество на свободе. Влияние «воров в законе» распространялось на места лишения свободы, в то время как за их пределами главенствующую роль занимали лидеры преступных формирований (т.н. «бригады»), формируемых из числа спортсменов, бывших участников боевых действий и т.д. «Воры в законе» безгранично властвовали в учреждениях уголовно-исполнительной

системы и не имели власти на свободе; бандиты, наоборот, были бесспорными лидерами на свободе и «рядовыми арестантами» в местах изоляции от общества. Со временем, по мере привлечения к уголовной ответственности бандитов и освобождения от наказания «воров в законе», произошла «диффузия» преступных сообществ, частичное проникновение норм криминальной субкультуры в традиции и обычаи бандитского мира и занятие «ворами в законе» лидирующих позиций по руководству преступным сообществом на свободе. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что не все «воры в законе» являлись лицами, занимавшими высшее положение в преступной иерархии, и не все лица, занимавшие высшее положение в преступной иерархии, являлись «ворами в законе».

Никитенко И.В. и Якушевой Т.В. отмечают, что кроме «воров в законе» другим типом «лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии», в криминологии признаются лидеры организованных преступных объединений, не относящиеся к «ворам в законе», однако обладающие авторитетом и реальной властью в преступной среде [13, с. 61]. Нельзя исключить возможность признания лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, лидера преступного сообщества, например, регионального масштаба, которое можно рассматривать в качестве структурного подразделения другого межрегионального преступного сообщества [4, с. 183]. Кроме того, недопустимо привлекать к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ лицо, «отошедшее от дел», т.е. фактически занимающее высшее положение в преступной иерархии, но не причастное к совершению конкретных преступных деяний, в особенности, когда такое лицо не занимается криминальными делами из-за старости или болезни, когда оно объективно не в состоянии принимать участие в преступной деятельности [8, с. 165; 18, с. 200].

III. Шишков А.А. писал о том, что «при определении принадлежности индивида к числу лиц, занимающих высшее положение в тюремной иерархии, следует руководствоваться не столько его субкультурным именованием, сколько характером совершаемых им действий,

степенью влияния на других осужденных, наличием устойчивых связей в уголовно-преступной среде и др.» [19, с. 83], поскольку «если бы лицо не обладало каким-либо авторитетом в криминальных кругах, то не могло бы осуществлять функции руководителя» [6, с. 57].

В этой связи И.В. Пантюхиной и Л.Ю. Лариной предлагалось включить в диспозицию ст. 210.1 УК РФ «деяние в форме **использования** (выделено нами. – А.М., А.С.) высшего положения в преступной иерархии», что позволило бы привлекать к ответственности лиц, осуществляющих функции лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и оставить за рамками применения ст. 210.1 УК РФ лиц, которые полностью отошли от преступной деятельности и перестали влиять на криминальную среду [8, с. 159].

Прокументов Л.М. по этому поводу иронично отмечает, что согласно правилам формальной логики «скинхеды» – преступники; руководитель группы скинхедов, являясь самым главным среди них преступником, обладая лидерскими качествами, способен организовать, сплотить и управлять ими. Следовательно, руководитель группы «скинхедов» может быть признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [20, с. 87]. К числу таких лиц могут быть отнесены и лидеры футбольных фанатов, «неформалов» (панков, рокеров и т.п.), нередко организующие их противоправную деятельность.

Игишев В.С., Романова Н.Л. и Лапша В.Л., в свою очередь, задаются вопросом о том, относится ли лидер лиц, имеющих низший социальный статус, к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, учитывая тот факт, что он осуществляет руководство значительной частью преступного сообщества и участвует в собраниях лидеров преступной среды с правом совещательного голоса? Кроме того, по справедливому замечанию авторов, в местах лишения свободы складываются группировки лиц из числа лиц, имеющих низший социальный статус представителей экстремистских религиозных организаций (радикального ислама), вовсе не признающих криминальную субкультуру, возглавляемые «старшим по мечети». Относятся ли, в связи с этим, лидеры

«ваххабитов» к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии? [21, с. 86-87].

Помимо прочего, требуется разграничение понятий «организатор», «руководитель», «лидер», используемых в ч. 1.1 ст. 210 УК РФ, и понятия «организатор», используемого в ч. 3 ст. 33 УК РФ, а также понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого в ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ.

Штаб О.Н. справедливо замечает, что в науке уголовного права существует четкое понятие организатора преступления, закрепленное в ч. 3 ст. 33 УК РФ, а авторами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» была предпринята неудачная попытка объяснить уголовно-правовое понятие «организатор» путем обращения к понятию «лидер», заимствованному из социальной психологии. Автор также задается вопросом, кто является самостоятельным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, т.е. лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии? По мнению автора, «это те же самые создатели, организаторы и руководители преступного сообщества (преступной организации), об уголовной ответственности которых указано в ч. 1 ст. 210 УК РФ [5, с. 69].

Думается, наличие отсылочной нормы ч. 4 ст. 210 УК РФ к ч. 1.1 ст. 210 УК РФ свидетельствует о том, что организатор, руководитель (лидер) преступного сообщества (преступной организации) может не занимать высшее положение в преступной иерархии, поскольку уголовная ответственность по ч. 4 ст. 210 УК РФ возникает лишь в том случае, если организатор, руководитель (лидер), участвовавший в собрании представителей «криминальной элиты» занимал высшее положение в преступной иерархии, в противном случае ответственность наступает по ч. 2 ст. 210 УК РФ. При

совпадении данных понятий наличие 1.1 ст. 210 УК РФ было бы излишним.

Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии предусмотрено одновременно двумя статьями российского уголовного закона: ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, что породило конкуренцию данных норм при квалификации рассматриваемого преступного деяния.

Отмечается, что имеет место быть конкуренция между целой нормой и частью нормы, разрешаемая в пользу нормы, с наибольшей полнотой охватывающей все фактические признаки совершенного деяния: при наличии установленного факта квалификации по ч. 4 ст. 210 УК РФ дополнительной квалификации по ст. 210.1 УК РФ не требуется. Кроме того, в соответствии с правилами квалификации преступлений при полном совпадении признаков преступления выбирается та норма закона, где санкция за совершение того или иного общественно опасного деяния более суровая, а санкция ч. 4 ст. 210 УК РФ значительно превышает санкцию ст. 210.1 УК РФ [22, с. 95-96; 23, с. 46-47].

При квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии у правоприменителя может возникнуть вопрос об идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, но такая квалификация нарушает принцип недопустимости повторного наказания за одно и то же преступление. Проблема избыточной квалификации в данном случае может быть решена путем декриминализации одной из конкурирующих норм: либо исключением из уголовного закона ч. 4 ст. 210 УК РФ, что позволит применять ст. 210 УК РФ по совокупности со ст. 210.1 УК РФ, либо отказом от ст. 210.1 УК РФ [24, с. 41]. Последний вариант вряд ли возможен, учитывая то обстоятельство, что ст. 210.1 УК РФ позволяет привлечь лицо к ответственности «в упрощенном порядке» – лишь за то, что лицо имеет данный статус, независимо от того, состоит ли он в каком-либо преступном сообществе, является ли его создателем или руководителем [25, с. 280], что позволяет правоохранительным органам избегать необходимости

доказывания его принадлежности к организации деятельности преступного сообщества. Таким образом, ст. 210.1 УК РФ выступает, своего рода, «запасным выходом» из ситуации невозможности применения ч. 4 ст. 210 УК РФ в силу недоказанности причастности лица к созданию и руководству преступным сообществом (преступной организацией).

Конкуренция норм ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ порождает логический парадокс, при котором выделяются некие лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии без созданного или контролируемого ими преступного сообщества (преступной организации), являющегося основой данной иерархии, выступающие своего рода «министрами без портфеля», руководителями без подчиненных. В теории криминальной субкультуры такие лица именовались «апельсины» («мандарины», «лаврушники»), они не имели влияния в преступных организациях (преступных сообществах), а приобретали данный статус в качестве «почетного звания», атрибута, визитки.

Интересной представляется санкция, предусмотренная законодателем за занятие высшего положения в преступной иерархии, предусматривающая возможность взыскания с лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, штрафа в размере заработной платы осужденного за период до пяти лет, учитывая то обстоятельство, что согласно нормам криминальной субкультуры «ворам в законе» (отождествляемым законодателем с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии) запрещается иметь официальное трудоустройство.

На сегодняшний день остается предметом дискуссии разграничение субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, что вызвано различными подходами к их определению. Дефект права, выразившийся в отсутствии легально закрепленной объективной стороны преступления в диспозиции ст. 210.1 УК РФ вынуждает научное сообщество к доктринальному восполнению данного пробела, а правоприменителя – к

использованию квазибланкетного способа восполнения пробела путем обращения не к нормам действующего законодательства, а к обычаям и традициям криминальной среды, которыми определяется соответствующее «высшее положение в преступной иерархии».

1. Морозов А.С., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья первая) // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 1(65) . С. 96-105
2. Царев Д.А., Павлов А.А. Правовая превенция пенитенциарной преступности на примере ст. 210.1 УК РФ // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Вологда, 2020.
3. Кутуков С.А., Моисеев Н.Д. Особенности применения ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в исправительных учреждениях // Правовая культура в современном обществе: сб. науч. ст. IV междунар. науч.-практ. конф. – Могилев, 2021.
4. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2.
5. Штаб О.Н. Проблемы применения части 4 статьи 210 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России.
6. Башкова П.С., Шиханов В.Н. К вопросу о квалификации преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы науч.-представительских мероприятий Всероссийской науч.-практ. конф. и Региональной науч.-практ. конф. – Орёл, 2020.
7. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3.
8. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica. 2020. № 10 (167).
9. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94).
10. Рязанов Н.С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38).
11. Максимова К.А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых: сб. ст., посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. – Барнаул: изд-во ААЭП, 2013.
12. Алфимова О.А. Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности по части 4 статьи 210 и статье 210.1 УК РФ, связанные с необходимостью определения некоторых понятий // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тезисов выступлений и докладов участников форума, приуроченного к проведению в 2021 году в Российской Федерации года науки и технологий: в 9 т. – Рязань, 2021.
13. Никитенко И.В., Якушева Т.В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5.
14. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4.

15. Агильдин В.В., Ловцевич, С.Е., Лохова А.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24 (262).

16. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7.

17. Кутуков С.А. Проблемы организации документирования по ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» в условиях исправительных учреждений // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития: материалы межвузовской науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора

А.И. Зубкова и Дню российской науки. – Рязань, 2021.

18. Пантюхина И.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) как состав преступления // Новеллы права, экономики и управления: сб. науч. тр. по материалам V междунар. науч.-практ. конф. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020.

19. Шишков А.А. Проблемы дефиниции занятия высшего положения в тюремной иерархии // *Ius publicum et privatum*. – Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологодский государственный университет, 2021.

20. Прокументов Л.М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ, обусловленные особенностями субъекта // Актуальные проблемы уголовного права: сб. науч. ст. – Барнаул, 2012.

21. Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Лапша В.Л. Криминальная субкультура и ее роль в определении высшего положения в преступной иерархии (вопросы квалификации статьи 210.1 УК РФ) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93).

22. Коротков А.В., Еремина Н.В. К вопросу целесообразности статьи 210.1 УК РФ и изменений статьи 210 УК РФ в действующем уголовном законодательстве // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской науч.-практ. конф., 2019.

23. Зарубина К.А. Трудности применения ст. 210.1 УК РФ на практике // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2021. № 2 (87).

24. Топильская Е.В. Об особенностях составов преступлений, предусмотренных статьями 210 и 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Криминалист. 2020. № 2 (31).

25. Бакиров Б.А., Бикеев И.И. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы и способы реализации ч. 4. ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты 2021: сб. науч. тр. – Казань, 2021.

Информация об авторах:

А.С. Морозов, доцент кафедры организации режима, кандидат юридических наук, доцент

А.Н. Сухаренко, директор, независимый антикоррупционный эксперт (свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации об аккредитации № 2740 от 24.05.2017)

About the authors:

A.S. Morozov, Associate Professor of the Department of Regime Organization, PhD of Law, Associate Professor

A.N. Sukhareenko, Director, independent anti-corruption expert (Certificate of the Ministry of Justice of the Russian Federation on accreditation No. 2740 dated 24.05.2017)

Статья поступила в редакцию 13.02.2023

СКИВТЕРИСТ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (Московская обл., Россия)

vipk@mvd.ru

СИСТЕМА ГАРАНТИЙ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что презумпция невиновности является реально действующим институтом российского законодательства, а соблюдение данного принципа является объективной необходимостью. Система гарантий реализации принципа презумпции невиновности является достаточно обширной и включает в себя систему положений, которые позволяют реализовать принцип презумпции невиновности эффективно. Гарантии призваны не только защитить невиновное лицо от незаконного осуждения, но и наполнены более глубоким смыслом – они призваны обеспечить справедливость и законность судебного разбирательства, не допустить нарушения норм материального и процессуального права, а также контролировать и организовывать процесс таким образом, чтобы все виновные лица в совершении преступлений понесли наказание, а невиновные лица не были привлечены необоснованно к уголовной ответственности.

Ключевые слова и словосочетания: принцип презумпции невиновности, права человека, обвиняемый, уголовное судопроизводство, система гарантий

Для цитирования: Скивтерист А. А. Система гарантий принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 121-125; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-121-125

SKIVTERIST ANDREY A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia
(Moscow region, Russia)

GUARANTEE SYSTEM PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The relevance of the topic is due to the fact that the presumption of innocence is a really functioning institution of Russian legislation, and compliance with this principle is an objective necessity. The system of guarantees for the implementation of the principle of the presumption of innocence is quite extensive and includes a system of provisions that allow the principle of the presumption of innocence to be effectively implemented. The guarantees are designed not only to protect an innocent person from unlawful conviction, but are also filled with a deeper meaning - they are designed to ensure the fairness and legality of the trial, to prevent violations of substantive and procedural law, as well as to control and organize the process in such a way that all persons guilty of committing crimes are punished, and innocent persons are not unreasonably brought to criminal liability.

Key words and word combinations: principle of presumption of innocence, human rights, accused, criminal proceedings, system of guarantees

For citation: Skivterist A. A. Guarantee system principle of presumption of innocence in criminal proceedings // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 121-125; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-121-125

Задачи уголовно-процессуального права заключаются в таком регулировании общественных отношений, образующихся в области возбуждения, расследования и разрешения уголовных дел, которое обеспечивало бы познание объективной истины, обнаружение и наказание виновных, реабилитацию невиновных в совершении противоправного деяния.

В этой связи условием в достижении указанных позиций является наличие системы гарантий уголовно-процессуального принципа, а именно принципа презумпции невиновности, который способствует всестороннему и полному рассмотрению всех обстоятельств совершенного преступного действия или бездействия.

По общему признанию и руководствуясь содержанием принципа презумпции невиновности, можно засвидетельствовать тот факт, что процессуальное решение о причастности лица к совершению общественно опасного деяния, то есть к преступлению, принять может только суд. Однако специфика процессуального действия указанного принципа такова, что лицо не может быть признано виновным в преступном действии или бездействии даже при условии обвинительного решения суда, а оно признается виновным в двух случаях: в рамках истечения срока апелляционных претензий (апелляционного обжалования) указанного решения суда сторонами уголовного процесса; в рамках вступления обвинительного решения (приговора) в законную силу.

Все изложенное позволяет сделать заключение о том, что весь период осуществления предварительного расследования и судебного разбирательства (со времени возбуждения уголовного дела и до момента вступления решения (приговора) в законную силу), лицо, обвиняемое в совершении противоправного деяния, не может быть признано виновным и имеет статус невиновного.

Опираясь на реально сложившуюся ситуацию, можно утверждать об определенных сложностях при реализации системы гарантий принципа презумпции невиновности.

Так, проблема реализации указанного принципа уголовного судопроизводства связана с применением мер процессуального принуждения, в частности мер пресечения, которые зачастую необоснованно строги, особенно когда речь идет о заключении под стражу.

Меры пресечения применяются исключительно в отношении подозреваемого и обвиняемого, целью их реализации является должная гарантированность надлежащего производства по уголовному делу [1, с. 563].

Соглашаясь с классификацией принудительных мер в уголовном судопроизводстве В.П. Божьева, можно засвидетельствовать разделение данных мер на группы в соответствии с целями применения [2, с. 81]:

группа мер, имеющих ограничительные позиции (например, заключение под стражу, домашний арест и др.);

группа мер, имеющих как ограничительные позиции, так и познавательные (например, обыск и др.).

Заключение под стражу как мера пресечения относится к виду мер активного вторжения в конституционные права и свободы граждан посредством принудительного воздействия, связанного с лишением либо с ограничением свободы, для обеспечения явки лица в следственные органы и суд, недопущения дальнейшего осуществления преступных намерений, а также воспрепятствования производству по делу и т.д. [3, с. 161].

Такая мера пресечения определяется самой жесткой мерой, поэтому возникает совсем несправедливый вопрос о целесообразности ее реализации.

Необходимо констатировать, что положения такой меры пресечения, как заключение под стражу, определены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации (ст. 108 УПК РФ), где указаны условия применения данной меры, а именно: реализуется только после принятия судебного решения в отношении лиц, имеющих статус подозреваемого либо обвиняемого в совершении общественно опасного деяния; применяется за совершенное противоправное действие либо бездействие, где

предусмотрен такой вид наказания, как лишение свободы сроком свыше трех лет; применяется в условиях отсутствия возможности применения более мягкой меры.

При этом в рассматриваемой статье УПК РФ указываются обстоятельства, при возникновении которых может быть применено заключение под стражу в отношении обвиняемого или подозреваемого в совершении преступления (наказание за его совершение предусматривает лишение свободы, не превышающее трех лет). К таким обстоятельствам законодатель относит следующие позиции:

- лицо, имеющее статус подозреваемого либо обвиняемого в совершении противоправного деяния, не обладает наличием постоянного места жительства на территории российского государства;
- лицо, имеющее статус подозреваемого либо обвиняемого в совершении противоправного деяния, нарушило избранную ранее меру пресечения;
- не определена в установленном порядке личность лица, имеющего статус подозреваемого либо обвиняемого в совершении общественно опасного деяния;
- лицо, имеющее статус подозреваемого либо обвиняемого в совершении противоправного деяния, скрывается от предварительного расследования либо суда.

Анализируя данное положение Уголовно-процессуального кодекса, можно отметить, что допускается применение меры пресечения в виде заключения под стражу обвиняемому или подозреваемому в совершении преступлений средней, а в исключительных случаях и небольшой тяжести.

Необходимо признать, что такое положение дел, как представляется, действенным образом противоречит уголовно-процессуальному принципу, а именно принципу презумпции невиновности.

Более того, условия пребывания лиц со статусом обвиняемого и подозреваемого в совершении противоправного деяния в государственных учреждениях, призванных реализовывать содержание под стражей (следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы, а также изоляторы временного содержания при территориальных органах внутренних дел или органах пограничной охраны), сопоставимы с условиями содержания осужденных в тюрьмах. Примером может служить ст. 32 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», которая определяет содержание данных лиц под стражей в общих или одиночных камерах.

Необходимо признать, что уголовно-процессуальный принцип презумпции невиновности оберегает, прежде всего, представителей органов расследования и суда, а также иных организаций и граждан [4, с. 124] от преждевременного процесса признания виновности в совершении противоправного деяния лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого.

Как представляется, при назначении судебного разбирательства суд не вправе делать какие-либо заблаговременные выводы о том, что в ходе предварительного расследования получен достаточно большой объем доказательственной базы о виновности и причастности лица к совершению общественно опасного деяния и данное обстоятельство позволяет суду ориентироваться на вынесение обвинительного решения (приговора). К этому можно добавить следующую ситуацию: определение допустимого объема доказательств для процесса рассмотрения дела в судебной инстанции входит в компетенцию надзирающего прокурора в рамках окончательного предварительного расследования и направления в суд обвинительного заключения по делу.

Действительно, возникает справедливый вопрос: обязан ли суд утверждать о виновности или невиновности лица, причастного к совершению общественно опасного деяния, на момент назначения судебного заседания?

По мнению М.С. Строговича, судебная инстанция до вынесения судебного решения (приговора) не может считать лицо, имеющего статус обвиняемого, виновным либо

невиновным в совершении общественно опасного деяния, при условии невиновности дело было бы прекращено [5, с. 328].

Общеизвестно, что уголовно-процессуальный принцип презумпции невиновности раскрывает себя в полном объеме в период осуществления важной стадии уголовного судопроизводства – стадии судебного разбирательства.

Как правило, процесс судебного следствия занимает большую часть судебного разбирательства, в ходе которого судебная инстанция в соответствии с установленными принципами уголовного судопроизводства (гласности, непосредственности, состязательности равноправных сторон и другими) в рамках общих условий судебного разбирательства тщательно изучает и анализирует собранную по делу доказательственную базу в следующих целях: во-первых, определения и установления всех фактических обстоятельств дела; во-вторых, установления виновности либо невиновности подсудимого; в-третьих, справедливого разрешения дела [6, с. 59].

На этапе судебного следствия суд исследует всю совокупность доказательств, которая была собрана стороной обвинения в ходе предварительного расследования.

Порядок исследования таких доказательств, по мнению ряда ученых-процессуалистов, должен определяться в зависимости от признания или непризнания вины подсудимым.

Однако с таким утверждением нельзя согласиться. Подсудимый может выбрать позицию отказа от дачи показаний вообще, или, согласно положениям уголовно-процессуального законодательства, может влиять на порядок исследования доказательств, в том числе давать показания (с разрешения председательствующего) в любой момент на стадии судебного следствия.

На этапе судебных прений принцип презумпции невиновности наиболее ярко выражен. Именно здесь на основании исследованных в ходе судебного следствия доказательств оцениваются аргументы стороны обвинения о виновности подсудимого.

Может ли прокурор, представляющий обвинение, на этой стадии руководствоваться принципом презумпции невиновности? С одной стороны, прокурор считает подсудимого виновным и осуществляет его обвинение, предоставляя этому доказательства. С другой стороны, пока подсудимый не признан виновным, обвинитель должен обращаться с ним как с лицом, не виновным в совершении преступления. Таким образом, говоря другими словами, внутренняя убежденность обвинителя в виновности подсудимого может не получить достаточной доказательственной базы в ходе судебного процесса. Именно поэтому, представляя обвинение в суде, прокурору следует сохранять объективность по делу.

В ситуации, когда в ходе судебного разбирательства обвинитель убеждается в отсутствии подтверждения виновности лица, имеющего статус подсудимого, в рамках представленных доказательств, его действия должны быть направлены на отказ от обвинения, изложение при этом мотивации данного процессуального действия (данное положение определено в ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

В таком случае прокурор фактически обосновывает суду необходимость оправдания и прекращения уголовного преследования подсудимого. Отказ прокурора от обвинения, с точки зрения презумпции невиновности, – это не что-то из ряда вон выходящее, а нормальная функция прокурора.

Основываясь на принципах презумпции невиновности и состязательности, суд определяет виновность лица только в том случае, если эту виновность доказывает сторона обвинения.

Подсудимый не виновен до тех пор, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке. Таким образом, у подсудимого отсутствует процессуальная обязанность по доказыванию своей невиновности. Для защитника подсудимого доказывание обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, также не процессуальная обязанность, а скорее реализация профессионального долга.

Такое процессуальное действие, как «последнее слово подсудимого», является составной частью судебного разбирательства, в пределах которого лицо, имеющее статус подсудимого, произносит речь (при условии, если подсудимый не отказался от выступления в качестве «последнего слова»). Данная законодательная позиция удостоверяет осуществление положений уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности.

В том случае, если обвинитель, защитник (участники прений сторон) или подсудимый в последнем слове сообщат о новых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, или заявят о необходимости предъявить суду для исследования новые доказательства, то суд может возобновить судебное следствие. По окончании возобновленного судебного следствия суд вновь открывает прения сторон и предоставляет подсудимому последнее слово (ст. 294 УПК РФ).

Регенерация судебного следствия как этапа судебного разбирательства является несомненной гарантией всестороннего, полного и объективного исследования всех ситуаций дела, позволяет выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства. Более того, такая процедура содействует объективности судебного решения, а также подтверждает наличие события общественно опасного деяния и вину лица, имеющего статус подсудимого.

Судебное решение (обвинительный либо оправдательный приговоры) является заключительным процессуальным актом, который после процесса вступления в законную силу предопределяет окончательный вывод о виновности либо невиновности лица, имеющего статус подсудимого. При этом данный вывод оглашается от лица государства.

Общеизвестно, что одним из положений уголовно-процессуального принципа презумпции невиновности в процессе вынесения судебного решения (приговора) является процессуальное условие о всесторонности, полноте и объективности исследования всех обстоятельств дела с целью определения виновности лица в совершении общественно опасного деяния.

Так, международный документ, а именно Всеобщая декларация прав человека определяет (статья 11) фундаментальным принципом судопроизводства именно принцип презумпции невиновности, который по своему статусу гарантирует объективность судебного разбирательства. Приверженность данного уголовно-процессуального принципа к нормативным правовым актам различного статуса, в том числе и международного, удостоверяет его наивысшую значимость.

Становление презумпции невиновности как конституционного принципа уголовного процесса и правосудия имеет важное юридическое и нравственное значение. Установление этого принципа в Конституции Российской Федерации имеет большое значение не только для практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, но и оказывает влияние на процесс обновления законодательства.

1. Зуев С.В., Сутягин К.И. Уголовный процесс. – Челябинск, 2016.
2. Уголовный процесс / под ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. – М., 2021.
3. Уголовный процесс / под ред. Б.Б. Булатова, А.М. Баранова. – М., 2020.
4. Каминская В.И. Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. – Л., 1948.
5. Строгович М.С. Обеспечение обвиняемому права на защиту и презумпции невиновности // Конституционные основы правосудия в СССР. – М., 1981.
6. Безлепкина Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. 5-е изд., перераб. и доп. – М., Проспект, 2017.

Информация об авторе:

А.А. Скивтерист,
начальник института

About the author:

A.A. Skivterist,
Chief Institute

ИЛЬИНЦЕВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ¹
iwa285@bk.ru

Научный руководитель:

КУСТОВ АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ²

^{1,2} Академия управления МВД России (Москва, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. В данной статье приводится актуальность рассматриваемой темы и ее значимость в современном мире. В статье описывается исторический процесс формирования методик расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Целью статьи является исследование генезиса, частных криминалистических методик расследования преступлений, в том числе экономических, в сфере жилищно-коммунального хозяйства. В ходе исследования были применены такие методы, как синтез, анализ, контент-анализ, сравнительно-правовой и метод правового толкования.

Ключевые слова и словосочетания: история, формирование, жилищно-коммунальное хозяйство, расследование, экономические преступления

Для цитирования: Ильинцев В.А. Исторические предпосылки формирования методики расследования экономических преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 126-132; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-126-132

ILYINTSEV VYACHESLAV A.¹

Scientific adviser: KUSTOV ANATOLY M.²

^{1,2} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF METHODS OF INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE FIELD OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Annotation. This article presents the relevance of the topic under consideration and its significance in the modern world. The article describes the historical process of formation of methods of investigation of economic crimes in the field of housing and communal services. The purpose of the article is to study the genesis, private forensic methods of investigating crimes, including economic ones in the field of housing and communal services. In the course of the study, such methods as synthesis, analysis, content analysis, comparative law and the method of legal interpretation were applied.

Key words and word combinations: history, formation, housing and communal services, investigation, economic crimes

For citation: Ilyintsev V.A. Historical prerequisites for the formation of methods of investigation of economic crimes in the field of housing and communal services // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 126-132; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-126-132

О деятельности по установлению обстоятельств различного рода деяний, раскрытию, расследованию преступлений и уголовному преследованию преступников известно с древних времен, о ней упоминается в древних источниках права (Законах двенадцати таблиц, Судебнике Хаммурапи, Русской Правде и др.), в религиозных текстах (Торе, Библии и Коране), она возникла одновременно с правом и государством и является неотъемлемой их частью. На протяжении этой многовековой истории в числе прочего в указанной сфере общественной деятельности происходило постепенное накопление разрозненного знания, что в конечном итоге привело к возникновению самостоятельной прикладной юридической науки криминалистики. Основоположителем этой науки считается Ганс Гросс, австрийский ученый с большим опытом следственной работы, который в 1888 году издал работу «Опыт следователя», содержащую рекомендации по производству расследований. Позднее в 1892 году, подводя итог своим научным поискам, Г. Гросс издал свой знаменитый труд «Руководство для судебных следователей как система криминалистики», в котором провозгласил рождение криминалистики как области знаний. Возникновение, формирование, а также практическое использование методических рекомендаций или методик расследования преступлений в нашем отечестве, как и в других странах, неразрывно связано с развитием уголовного процесса, которое наиболее ярко проявило себя в первой половине XIX века и было обусловлено практическим применением в российском уголовном судопроизводстве «Свода законов Российской империи» [1], введенного и вступившего в свою юридическую силу в 1835 году. Зародившись и сформировавшись на основе практических знаний и опыта непосредственных практиков-правоприменителей, они представляли собой описания реально имевших место практических ситуаций, обобщение личного опыта правоприменителя, выступавшего в качестве автора таких методических рекомендаций, и фактически содержали его размышления и рекомендации следователю по расследованию отдельных видов преступлений, основанные на Своде законов Российской империи. Примерами таковых являются: «Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду законов» Е. Колоколова [3]; «Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству» Я. Баршева [2]; «Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года» А. Квачевского и другие подобные криминалистические методики расследования преступлений. В указанном очерке Я.И. Баршева было отмечено, что установление предмета уголовного судопроизводства предполагает изучение не простых, не обыденных, а именно лучших актов уголовного судопроизводства и ознакомление со способом расследования и разрешения важнейших уголовных дел. В очерке описаны вопросы практики составления плана расследования, последовательности и содержания действий следователя при расследовании отдельных видов преступлений: убийств, разбоев, грабежей, краж, мошенничеств, подлогов и др. [2]. Уголовное судопроизводство по Своду состояло из трех стадий: следствие (предварительное и формальное), суд и исполнение. От стадии следствия требовалось достижение ясности и полноты в установлении всех обстоятельств расследуемого события, чтобы суд «не мог встретить ни малейшего затруднения для вынесения приговора», и, как отмечает Я.И. Баршев, «чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно (лицо, поставленное в состояние обвинения) рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания» [2]. Круг лиц и органов, производивших следствие, согласно Своду законов, был весьма обширен, в связи с чем уверенное овладение знанием указанных рекомендаций требовалось от соответствующих чиновников как при обучении, так и для сдачи экзаменов на соответствующую должность. Свод законов исключил пытку как средство получения признания обвиняемого и существенно развил систему доказательств (совершенные и несовершенные), которая была заимствована из немецкого розыскного процесса. Так, согласно Своду законов, совершенными

доказательствами считаются такие, которые «исключают всякую возможность доказать невиновность подсудимого», а несовершенновыми – те, которые «не исключают», то есть оставляют сомнение в виновности лица, попавшего в сферу внимания уголовного судопроизводства. Указанные изменения в законодательстве, преобразование системы доказательств повлекли за собой значительный рост интереса к разработке и применению при расследовании преступлений средств и методов их сбора и исследования, что, в свою очередь, вызвало возникновение и формирование отдельных методических рекомендаций по сбору и получению таких доказательств, которые являются очень ценными для науки криминалистики как первые методики расследования отдельных видов преступлений.

В начале XX века вследствие общественно-политических и социальных преобразований в нашей стране произошли значительные количественные и качественные изменения в преступности, что, в свою очередь, стало следующим толчком в решении задачи по созданию новых научных методов расследования преступлений. Следовательно, криминалистика как наука была призвана оснастить правоохранителей достаточным арсеналом криминалистических рекомендаций, которые стали основой для будущих частных криминалистических методов расследования отдельных видов преступлений. В первом десятилетии XX века в Российской империи видное место в процессе формирования методических и криминалистических рекомендаций занимали труды Е.Ф. Буринского. Именно он определил необходимость углубленного изучения, анализа и обобщения методов, приемов и средств совершения преступлений в целях активной выработки мер противодействия преступной деятельности. Он же обосновал необходимость активного прикладного использования достижений других наук в решении вопроса борьбы с преступностью. В этот же период издаются работы С.Н. Трегубова «Настольная книга криминалиста-практика», В.И. Лебедева «Искусство раскрытия преступлений», а в 1911 году под руководством С.Н. Трегубова в Александровской юридической академии создана первая в России кафедра уголовной техники. В этот же период создаются первые объективные предпосылки для выделения криминалистического знания из уголовно-процессуальной науки в самостоятельную научную область. В России эта новая область научных знаний, как упомянуто выше, первоначально называлась «уголовной техникой», в то время в трудах вышеупомянутого Г. Гросса и других западноевропейских ученых эта область знаний уже именовалась самостоятельной наукой «криминалистикой» [4].

Развитие и совершенствование науки криминалистики в первые годы советской власти остановились, поскольку правоохранные механизмы прежнего государственного аппарата, такие как полиция, прокуратура и суды, были разрушены. По мере становления новой правоохранительной системы криминалистика как область знания, призванная совершенствовать средства и методы расследования преступлений и борьбы с преступностью, стала возвращать себе прежние позиции, и 30-е годы XX столетия для российской криминалистики стали весьма плодотворными. Её развитие в эти годы связано с деятельностью В.И. Громова, С.А. Голуновского, П.С. Семеновского, С.М. Потапова, И.Н. Якимова и др. В этот период произошло обоснование факта существования методики расследования преступлений, вследствие чего в первом учебнике для высших учебных заведений методика расследования преступлений определена как один из трех самостоятельных разделов криминалистики наряду с уголовной техникой и уголовной тактикой. Именно в эти годы в Советской России «криминалистическая методика» выделилась и продолжила формироваться как самостоятельный раздел науки криминалистики. В процессе дальнейшего формирования и становления этот раздел стал одним из основных и практически ориентированных, которому по сегодняшний день уделяется значительное внимание.

40-е военные годы поставили перед отечественными криминалистами новые сложные задачи, особую актуальность приобрела разработка методик расследования

различных воинских преступлений. Становлению методики расследования преступлений как самостоятельного раздела отечественной криминалистики способствовал эмпирический материал – опыт расследования преступлений, так необходимый для проведения теоретических обобщений и выявления закономерностей в противоправной деятельности и в деятельности по организации и проведению расследования. Традиционно наибольшее внимание уделялось изучению и анализу именно процессам организации и ведения расследования преступлений, но анализ осуществлялся двусторонний. Кроме анализа деятельности правоохранителей, результатов применения тех или иных способов и методик в конкретной ситуации, большое внимание уделялось и самому преступлению. С этих позиций при разработке конкретной методики каждое преступление изучалось, анализировалось и прорабатывалась весьма подробно, определялась доскональная картина преступления, пристально исследовался механизм его совершения. Полагаем, что это наиболее верный подход, обеспечивающий всестороннее рассмотрение проблемы и являющийся эффективным для выявления, изучения криминалистических закономерностей и формирования на их основе криминалистических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений и в целом криминалистической методики.

На современном этапе развития криминалистической методики как наиболее практико-ориентированного раздела науки криминалистики происходит дальнейшее совершенствование системы научных положений, которое осуществляется путем изучения, обобщения, объяснения и систематизации накапливаемого эмпирического материала, выявления закономерностей и познания научных фактов, относящихся к сферам совершения и сокрытия преступлений, их выявления, раскрытия и расследования.

Обращаясь к истории сферы нашего научного интереса – сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее – ЖКХ), отметим, что в нашей Российской государственности её зарождению как сферы государственного регулирования мы обязаны Государю, Царю и Великому Князю всея Руси Алексею Михайловичу Романову, Тишайшему, который в апреле 1649 г. утвердил Наказ о государственном благочинии, коим повелевал: «Чтобы грязи не было – иметь на каждом дворе дворника», «ведать всякое дворовое дело, починки и прочие дела». В январе 1721 г. функции «общественного благочиния» (чинить благо обществу) Указом Государя Петра I Алексеевича Романова были возложены на созданную им же тремя годами ранее российскую полицию, которую Государь называл «душой гражданства и всех добрых порядков», отождествляя с ней такие понятия, как: «благосостояния населения», «учинения добрых домовладельцев», «запрещения излишеств в домовых расходах», «производства чистоты на улицах и в домах». Следующей существенной вехой в формировании жилищно-коммунального хозяйства нашего Отечества стало решение Императрицы Екатерина II построить в Москве водопровод, строительство окончено в 1804 году. Императором Всероссийским, Царем Польским, Великим Князем Финляндским Александром II Николаевичем Романовым в 1864 году утверждены «Положения о губернских и уездных земских учреждениях», а в 1870 году по итогам городской реформы в городах России были учреждены городские думы как органы самоуправления, которым поручены вопросы решения хозяйственных проблем, возникают привычные нам службы коммунального хозяйства. Первая в России станция водоочистки построена в 1888 году в Петербурге, а в 1889 в Москве сооружена первая канализация [5].

К 1917 году коммунальное хозяйство страны было представлено более чем двумя сотнями централизованных водопроводов, более двумя десятками централизованных канализаций, более тремя десятками трамвайных предприятий, более шестью сотнями общественных бань и более десятком прачечных. Съездом Советов формирующегося советского государства в составе НКВД создано Главное управление по делам местного хозяйства. В 1921 году создано Главное управление коммунального хозяйства (ГУКХ)

РСФСР,

а десятилетие спустя аппарат для централизованного управления коммунальным хозяйством РСФСР – Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР. Шел процесс централизации сферы ЖКХ, которым характеризуется Советский период нашей истории [5].

В годы Великой Отечественной войны ЖКХ страны подверглось существенным разрушениям. По окончании Великой Отечественной войны в 1946 году Наркомат коммунального хозяйства преобразован в Министерство коммунального хозяйства, а в 1954 году стартовало массовое жилищное строительство, которое продолжалось два последующих десятилетия. В это время возведена большая часть эксплуатируемых до сегодняшнего дня коммунальных инженерных сетей, «хрущевские» пятиэтажки заполнили страну, а сформированная в эти годы система ЖКХ сохранялась вплоть до последних дней существования Советского государства.

29 июня 1989 г. Советом министров РСФСР принято постановление № 235 «О переходе жилищно-коммунального хозяйства на хозрасчет и самофинансирование». Это решение было следствием существенных проблем в экономике страны, предвестником краха прежней системы и развала Советского Союза.

Закон «О приватизации жилищного фонда РФ» уже новой страны от 1991 года определил право жильцов получить квартиры в частную собственность, однако при этом забыли про обязанности по содержанию обретенной собственности. В 1997 году Б.Н. Ельцин подписал указ «О реформе ЖКХ», которая предполагала постепенно перекладывать бремя содержания жилья и связанных с этим услуг на граждан с одной трети в 1997 году до ста процентов в 2003 году. Государственной думой стопроцентная оплата была отложена до 2008 года, но уже в 2003 году принята новая редакция закона «Об основах федеральной жилищной политики», которая полностью исключила нормативное упоминание о сроке перехода на стопроцентную оплату. В конце 2004 года принят новый Жилищный кодекс, который ввел новую форму гражданско-правового договора – договор об управлении многоквартирным домом. Кодекс с 1 января 2007 г. предлагал отказаться от услуг государственных Дирекций единого заказчика и до конца 2007 года обязывал собственников жилья сделать выбор: договориться управлять домом самостоятельно, создав юридическое лицо, так называемое товарищество собственников жилья в отдельно взятом многоквартирном доме, или подписать договор со специализированной управляющей компанией, а не сделавшим выбор в 2008 году властным решением на конкурсной основе назначить управляющие организации. Этими решениями сформирована современная сфера ЖКХ, которая представляет собой совокупность инвестиционно-строительного и жилищно-коммунального комплексов. В структуре последнего также образовались относительно самостоятельные направления – жилищное, коммунальное и благоустройства [6, с. 74].

Активное преобразование сферы ЖКХ, привлечение в неё частных игроков, наряду с активным бюджетным финансированием, существенно криминализировали эту сферу, что привело к необходимости выделения такого вида (группы) преступлений, как преступления в сфере ЖКХ, и выработки научно обоснованных рекомендаций по борьбе с такими преступлениями. Основой формирования такой методики стали работы ученых-криминалистов: С.М. Астапкиной, Р.С. Белкина, И.А. Возгрина, В.К. Гавло, В.Д. Грабовского, С.А. Грачева, А.В. Дулова, С.Ю. Журавлёва, М.Г. Иванова, М.К. Каминского, А.М. Кустова, М.П. Лаврова, В.Д. Ларичева, И.М. Лузгина, В.А. Образцова, И.И. Рожкова, К.Ф. Скворцова, В.Г. Танасевича, Д.А. Турчина, А.Г. Филиппова, А.А. Хмырова, В.И. Шиканова, Н.П. Яблокова и др., которые подробно рассматривали вопросы расследования корыстно-хозяйственных преступлений в различных отраслях, ими были выработаны основные методические криминалистические положения и рекомендации, в том числе применимые к расследованию экономических преступлений в сфере ЖКХ. Однако фокусировка на отдельный вид (группу) преступлений – экономические преступления в сфере ЖКХ – не

осуществлялась. Несмотря на то, что вопросы расследования преступлений в сфере ЖКХ разрабатывались учеными-криминалистами, проведенное нами исследование показало необходимость дальнейшей разработки, формирования и актуализации методики расследования экономических преступлений в сфере ЖКХ.

Экономические преступления в сфере ЖКХ являются наиболее сложным для расследования видом противоправной деятельности. Их следует рассматривать в широком и узком смыслах. В широком – как преступления собственно экономической и коррупционной направленности, в совокупности, в узком – чисто экономической направленности, отделяя их от коррупционных и от преступлений общеуголовной направленности. К последним относятся распространённые «бытовые» преступления против жизни, здоровья (убийства, причинения телесных повреждений и др.) и собственности (кражи, грабежи и др.), произошедшие на объектах ЖКХ и/или с участием работников этой сферы, которые именно по этому формальному признаку относят к сфере ЖКХ. Например, хищение инструмента, принадлежащего ТСЖ или УК, обслуживающей многоквартирный дом, совершенное как работником такой организации, так и иными лицами.

Действующее законодательство к преступлениям в сфере ЖКХ, предварительное следствие по которым производится следователями органов внутренних дел России, относит преступления, предусмотренные статьями 159, 160, 165, 171, 172, 174, 174.1, 195, 196, 197, 201, 215.2, 330 УК РФ, если они связаны [7]: с нарушениями законодательства при распределении и расходовании денежных средств, предоставляемых из бюджетов различных уровней и государственных внебюджетных фондов на нужды ЖКХ (строительство, ремонт и модернизацию систем коммунальной инфраструктуры; переселение граждан из ветхого и аварийного жилья; проведение ремонтных работ или иного обслуживания жилых помещений и объектов, предназначенных для постоянного проживания граждан); незаконным расходованием денежных средств, поступивших от граждан в качестве оплаты за жилищно-коммунальные услуги; незаконным установлением тарифов, нормативов и других видов платы на услуги ЖКХ; криминальным банкротством предприятий указанной сферы; использованием общедомового имущества для получения финансовой выгоды, если при этом полученные денежные средства использовались управляющими компаниями не по назначению (обслуживание домов) или похищались и совершены руководителями и (или) сотрудниками:

- организаций, занимающихся систематическим обслуживанием и ремонтом жилищного фонда; ресурсоснабжающих, сбытовых и сетевых предприятий (в сфере тарифного и нормативного регулирования); управляющих организаций, ТСЖ, жилищных и жилищно-строительных кооперативов;

- подрядных и иных организаций, осуществляющих работу по ремонту и обслуживанию жилищного фонда, строительству и ремонту объектов инфраструктуры ЖКХ, а также должностными лицами органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных предприятий и организаций, в полномочия которых входит распределение финансовых ресурсов и контроль за надлежащим выполнением вышеуказанных работ.

Таким образом, сфера ЖКХ, как и криминалистическая методика расследования, имеют давние истоки в нашем государстве, в историческом процессе связаны и переплетены, непрерывно развиваются и усложняются. Несмотря на противодействие со стороны правоохранительных органов, криминальные схемы вывода активов, криминальные банкротства предприятий сферы жилищно-коммунального хозяйства, хищения имущества и денежных средств, в том числе дотируемых государством из бюджетов всех уровней на модернизацию и развитие этой отрасли, становятся все более изощренными, а сфера ЖКХ продолжает оставаться крайне криминализированной.

Необходимость дальнейшего совершенствования методики расследования экономических преступлений в сфере ЖКХ в целях обеспечения эффективного противодействия криминальным проявлениям в данной сфере является актуальным на современном этапе развития нашего общества и государства как с научной, так и с практической точек зрения.

1. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс] // URL: <https://civil.consultant.ru/code/?ysclid=Insou48gk1521049044> (дата обращения: 14.10.2023).
2. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству [Электронный ресурс] // Соч. орд. проф. уголов. и полиц. законов в Имп. С.-Петерб. ун-те, д-ра прав Я. Баршева. – Санкт-Петербург: тип. 2 отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1841 // URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01003560217?ysclid=Insp25k82u5269_77148 (дата обращения: 15.10.2023).
3. Правила и формы о производстве следствий, составленные по Своду законов надворным советником Е. Колоколовым. 5-е изд. [Намеч. с изд. 1854 г.]. – М.: Унив. тип., 1858 [Электронный ресурс] // URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003542308?ysclid=Inspcry9t5983295949> (дата обращения: 15.10.2023).
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. – М.: ИНФРА-М, Юридическая фирма «Контакт», 1997.
5. Исторические аспекты развития жилищно-коммунального хозяйства в России (XVII–XXI вв.) / Д.В. Макаров [и др.]. – Иваново: ФГБОУ ВО ИВГПУ: ЛИСТОС, 2015.
6. Весельская Н.Р. Основные направления жилищной политики // Жилищное право на современном этапе. – Караганда: Болашак-Баспа, 2013.
7. О едином учете преступлений [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 № 2 39/1070/1021/253/780/353/399 // Доступ из СТРАС «Юрист» (дата обращения: 25.09.2023).

Информация об авторах:

В.А. Ильинцев, адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений
А.М. Кустов, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, главный научный сотрудник НИЦ, доктор юридических наук, профессор, академик РАН

About the authors:

V.A. Ilyintsev, Adjunct of the Department of Management of Crime Investigation Bodies
A.M. Kustov, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies, Chief Researcher of the Scientific Research Center, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Статья поступила в редакцию 13.11. 2023

АНТОНЯН ЮРИЙ МИРАНОВИЧ¹

antonyaa@yandex.ru

МАРЕНИНОВА СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА²

^{1, 2} Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ПРОСТИТУЦИЕЙ И ПОРНОГРАФИЕЙ

Аннотация. Статья посвящена общим и специальным мерам предупреждения преступлений, связанных с проституцией и порнографией. Выделены предупредительные меры, связанные с негативным влиянием средств массовой информации, бедности, семейной дезорганизации, упущений в школьном воспитании. Подчеркивается важность выявления лиц, вовлекающих в проституцию и организующих проституцию, притонов разврата и всех мест, где возможна эксплуатация проституции. Предлагаются некоторые уточнения в законодательстве.

Ключевые слова и словосочетания: проституция, порнография, общесоциальные меры, специальные меры предупреждения

Для цитирования: Антонян Ю.М., Маренинова С.А. Предупреждение преступности, связанной с проституцией и порнографией // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 133-140; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-133-140

ANTONYAN YURI M.¹

MARENINOVA SOFIA A.²

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

PREVENTION OF CRIME RELATED TO PROSTITUTION AND PORNOGRAPHY

Annotation. The article is devoted to general and special measures for the prevention of crimes related to prostitution and pornography. There are such preventive measures that are associated with the negative influence of the media, poverty, family disorganization, omissions in school education. The importance of identifying persons involved in prostitution and organizing prostitution, brothels of debauchery and all places where the exploitation of prostitution is possible is emphasized. Some clarifications in the legislation are proposed.

Key words and word combinations: prostitution, pornography, general social measures, special preventive measures

For citation: Antonyan Yu.M., Mareninova S.A. Prevention of crime related to prostitution and pornography // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 133-140; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-133-140

Предупреждение преступности,
связанной с проституцией и порнографией,

должно включать в себя два уровня:
общесоциальный и индивидуальный, причем
следует подчеркнуть важность каждого из
них.

Прежде всего следует обратиться к профилактике проституции, без которой этот вид преступности трудно себе представить. Ведущая роль в профилактической деятельности должна принадлежать общесоциальной профилактике, тем более что само явление проституции имеет общечеловеческое значение и является актуальным для всех слоев общества. В этом плане значимо повышение общего культурного уровня населения и развитие потенциалов несовершеннолетних в социально полезном направлении, а также совершенствование процесса нравственного, эстетического, медицинского и полового воспитания и просвещения молодежи.

Эти общесоциальные профилактические направления можно конкретизировать в следующих мерах:

- воспитательные меры в семье и школе, других учебных заведениях, организация досуга подростков, вовлечение их в занятия спортом, художественной самодеятельностью, волонтерские движения и т.д.;

- оказание материальной поддержки и помощи молодым людям в устройстве на работу и получении жилья, особенно несовершеннолетним, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

- оказание помощи в устройстве на работу и получении жилья лицам, освободившимся из мест лишения свободы;

- установление попечительского надзора за лицами, занимающимися проституцией, со стороны общественных организаций, возможно с участием сотрудников полиции;

- выявление среди лиц, занимающихся проституцией, заболеваний, в том числе венерических, и оказание им врачебной помощи;

- отслеживание и привлечение к уголовной ответственности лиц, которые организуют занятие проституцией, содержат притоны разврата, занимаются сводничеством. Такая же работа должна осуществляться в отношении тех, кто занимается изготовлением и оборотом порнографических предметов и материалов.

Особое внимание должно уделяться средствам массовой информации и связи, современные технические возможности которых позволяют передавать сведения, способные спровоцировать занятие проституцией, создавать наилучшие условия для организации этого промысла.

Все названные выше профилактические меры могут оказаться малоэффективными, если в стране будет очень много бедных, если молодые люди не увидят перспектив в своей жизни, если им не будут предоставлены возможности заработка вполне моральным путем, если значительные массы населения будут прозябать в нищете и невежестве. Богатым обществом является не то, где есть богатые и сверхбогатые люди, а где нет или очень мало бедных и сверхбедных. Но никогда не нужно забывать о том, что совершают преступления, нищенствуют и занимаются проституцией не только бедные. Недостатки процесса формирования личности, порицаемые биологические особенности, не погашенные воспитанием, расстройства психической деятельности, соматические болезни и т.д. могут определить становление на антиобщественный путь.

Необходимо, чтобы в полиции был всеобъемлющий учет проституток, что необходимо не только для успешной борьбы с проституцией, но и со многими иными преступлениями, с которыми она так часто бывает связана. Помимо полиции в профилактике проституции должны принимать участие общественные организации (возможна их специализация на проблемах борьбы с проституцией) и церковь. Роль последней весьма значима, принимая во внимание то важное обстоятельство, что среди женщин религиозность выше, чем среди мужчин. В России уж давно, начиная с дореволюционных времен, имеется заслуживающий уважения опыт работы православной церкви среди проституток.

В юридической литературе неоднократно выдвигались предложения о легализации проституции, а также об уголовной ответственности за занятие этим промыслом. Полагаем, что ни одно из этих предложений не может быть принято по нравственным соображениям. К тому же, что очень важно, совсем не гуманно наказывать в уголовно-правовом порядке людей, которые попали в тяжкую жизненную ситуацию и в виде заработка продают себя, принося клиенту удовольствие, а не вред. Однако законодательные решения необходимы, прежде всего запреты на любую пропаганду проституции, фирм, специализирующихся на проституции. Особенно важно сделать так, чтобы развращающая информация стала недоступной для несовершеннолетних.

Проституция может быть весьма успешной в том случае, если для занятия ею имеются необходимые условия, проще говоря, если есть притоны, которыми могут быть:

- бани, сауны;
- частные спортивные заведения, чаще водного спорта;
- гостиницы;
- квартиры и подсобные помещения, в том числе клиентов и самих проституток;
- подпольные публичные дома;
- иные.

Притоны маскируются, попасть в них, как правило, могут доверенные лица или некто по их рекомендации. Тем не менее все подобного рода помещения должны быть в поле зрения (оперативного внимания в особенности) полиции. Это сложная работа, особенно если притон находится в руках организованной преступной группы, которая не только содержит его, но еще вовлекает новых лиц в занятие проституцией или насильно заставляет продавать себя. Содержатели притонов поощряют процессы миграции, поскольку это дает им возможность находить новых проституток среди мигрантов, а кроме того, затрудняет разоблачение их преступной деятельности, поскольку они в любое время могут покинуть данный населенный пункт.

В работе по профилактике проституции важно учитывать миграцию проституток как внутри страны, так и через ее границы. Оба эти вида миграции достаточно латентны, даже выезды за пределы России, которые обычно маскируются под трудовую миграцию, причем такими переездами обычно командуют организованные преступные группы. Переправлять через государственную границу могут и тех женщин, которые не подозревали, какого рода работу им предстоит выполнять за рубежом. У многих выезжающих за рубеж проституток на границе обнаруживаются поддельные или чужие документы. Представляется, что пограничные службы о таких фактах должны информировать полицию.

Уголовный закон России считает преступлением вовлечение в занятие проституцией, совершенное с перемещением потерпевшего через государственную границу Российской Федерации и незаконным удержанием его за границей. В последнем случае наступление или ненаступление уголовной ответственности должно решаться в соответствии с законодательством той

страны, где удержание имеет место. Оно может осуществляться насильно или в случае применения силы.

Ст. 241 может быть дополнена следующими квалифицирующими признаками:

- группой лиц по предварительному сговору;
- с перемещением потерпевшего (потерпевшей) через государственную границу РФ;
- с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность потерпевшего (потерпевшей);
- повлекшие заражение потерпевшего (потерпевшей) венерическими заболеваниями;
- с использованием для занятия проституцией лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, либо в материальной или иной зависимости от виновного, либо страдающего психической болезнью, о чем было известно виновному;
- с использованием телекоммуникационных сетей общего доступа [1, с. 9].

Законодатели практически всех цивилизованных стран предусматривают уголовные наказания за преступления, связанные с проституцией и порнографией. Конкретные нормы законов обусловлены культурными, социальными и религиозными факторами. Российский Уголовный кодекс достаточно полно охватывает главные признаки исследуемых преступлений, но и как всякий закон способен порождать потребность в дальнейшем совершенствовании. Итак, в этой части есть достаточно эффективный закон, но необходимы более продуктивные действия для того, чтобы виновные в этих уголовно наказуемых деяниях понесли заслуженное наказание по этому закону.

Вместе с тем следует обратить внимание правоохранительных учреждений на важность использования в борьбе с этим видом преступности положений российского уголовного закона о рабстве и торговле людьми. Смирнов Ю.П. обоснованно полагает, что наиболее жестокой формой сексуальной эксплуатации является сексуальное рабство, т.е. когда человека, находящегося на положении раба, принуждают систематически заниматься проституцией в пользу лица, который фактически обладает им как собственник. Сексуальный

раб или рабыня не получают никакого эквивалента за использование их сексуальности, им лишь перепадает минимум еды и одежды. Такого рода услуги содержат признаки преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 127² УК. Однако специфика действий, анализ которых проводится нами в рамках объекта исследования, состоит в том, что человека, находящегося на положении раба, фактически принуждают заниматься проституцией. В этом случае требуется дополнительная квалификация по ст. 240 УК. Речь идет, по нашему мнению, о наихудшей форме физического и морального принуждения.

Смирнов Ю.П. предлагает выделить в ст. 127² УК такой квалифицирующий признак, как рабство в форме сексуальной эксплуатации, в том числе и занятие проституцией в пользу другого лица. Это необходимо, на наш взгляд, в виду особого дополнительного непосредственного объекта. Такое предложение поддерживают 64% опрошенных респондентов.

Наряду с этим следует предусмотреть примечание к данной статье, где необходимо дать определение рабства и рабского труда через форму эксплуатации, а также предложить понятие сексуального рабства, в том числе и путем занятия проституцией (выделив ответственность за него в квалифицированном составе). По поводу сексуального рабства особых трудностей не будет, речь идет о сексуальной эксплуатации в форме принуждения лица, находящегося на положении раба, к занятию проституцией с другими лицами в пользу субъекта, осуществляющего права собственности на этого раба. Деяние, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 127², отнесено к преступлениям средней тяжести, что, по мнению Ю.П. Смирнова, не соответствует опасности преступления. Необходимо данное деяние перевести в разряд тяжких преступлений.

Речь идет о сексуальном рабстве в форме проституции. Возникает вопрос о том, как оценить действия «рабовладельца», который заставляет не только невольников заниматься проституцией в свою пользу, но и вступать с ним в сексуальные отношения. Смирнов Ю.П. справедливо считает, что подобные действия следует расценивать как изнасилование или насильственные действия сексуального характера, так как в

этом случае раб находится в беспомощном состоянии [2, с. 21-22].

В профилактике проституции особо значимо индивидуальное воздействие на продающих себя лиц для сексуальных услуг. Во-первых, такие лица не являются преступниками и поэтому не видят в сотрудниках полиции, представителях общественных организаций и других помогающих им угрозу уголовного наказания, а поэтому склонны доверять им. Доверие же в индивидуальной работе весьма ценно, особенно когда обсуждается вопрос об изменении образа жизни и поведения самым коренным образом, преследуя цель восстановления человеческого достоинства. Во-вторых, индивидуальное воздействие в подавляющем большинстве случаев осуществляется в отношении женщин, а они более склонны с благодарностью принимать чужую помощь. Она же, оказываемая родственником, может расцениваться как выполнение им своего долга, что, конечно, не значит, что он не должен помогать. «Чужая» помощь ценится обычно выше.

При проведении индивидуальной воспитательной работы с проститутками необходимо всегда иметь в виду, что их промысел связан с самыми интимными сторонами человеческой жизни. Это предполагает необходимость осторожного и тактического обращения с ними, помня, что в их повседневности это редкость, а поэтому может особо ими цениться.

Непосредственному общению с лицом, которое занимается проституцией, должно предшествовать ознакомление и оценка всех жизненных обстоятельств такого человека, в том числе сведений о семейном положении, родителях и детях, полученном образовании и трудовой квалификации, материальном положении и наличии жилья, увлечениях и интересах, круге знакомств и т.д.

Индивидуальная профилактика проституции представляет собой большую сложность, поскольку речь идет именно о человеке, носителе индивидуально неповторимого. Его особенно можно выявить и понять только в случае скрупулезного изучения личности с применением адекватных психологических методик и психологической интерпретации полученных результатов. Можно утверждать, что в некоторых случаях будут необходимы и психиатрические подходы.

К числу причин проституции можно отнести социальное происхождение из

низших слоев общества с их хронической бедностью, низким уровнем образования и трудовой квалификацией людей, ранним вступлением в сексуальную жизнь, общей атмосферой допущения моральных поступков для решения жизненных проблем, открытостью интимных связей и грубостью нравов. Все эти явления носят бытийный характер, отражают актуальные потребности людей, глубинные и интимные основы их жизни, причем в таком статусе они не осознаются, не рефлексированы их причины. Понять людей, ставших на путь проституции, можно только в том случае, если проникнуть в их внутренний мир, в то, что составляет основу их бытия и мироощущения. Такое проникновение может обеспечить только применение научных методов познания, помня при этом, что проституция и порнография связаны с интимными тайнами человека.

Не следует думать, что человек, начавший заниматься проституцией и продолжающий так делать, тем самым утверждает себя в жизни и собственных глазах. Это не тот род деятельности, которым можно гордиться, и проститутки прекрасно знают, что их ремесло позорно. Их вовлек в себя пестрый хоровод лиц и обстоятельств, в котором можно отказаться от ответственности за что-либо, не особенно задумываясь о завтрашнем дне, часто отклоняться от повседневных забот, не подчиняться обычным правилам. Ведь их несет поток, который они далеко не всегда избирают сознательно, но он захватил их и не отпускает.

Нахождение проституток вне общества и даже вне преступников вовсе не означает, что они лишены человеческих чувств и привязанностей. Проститутка вполне может любить кого-то, например своего постоянного любовника, которым может быть и сутенер. Она любит его, так сказать, личностью, а то, что торгует своим телом, в этом не видит ничего противоречащего чувствам к нему: ведь она любит не телом. Поэтому проститутка вполне способна быть правдивой, когда утверждает, что любит и верна любимому. Не должны вызывать особого удивления и случаи, когда жена с полного согласия мужа занимается проституцией, и он даже помогает ей в этом.

В индивидуальной работе с лицами, занимающимися проституцией, в первую очередь необходимо выяснить, что представляет собой их личность. Что стало субъективной причиной становления на путь проституции, а оказание конкретной

помощи зависит от результатов изучения конкретного человека. Изучение должен осуществлять тот, кто имеет некоторые психологические знания, владеет методами познания личности и сможет адекватно оценить итоги своей работы. Знание личности является необходимой основой понимания того, почему данный человек стал продавать себя. Иначе говоря, мотив такого поведения не должен ему приписываться на основе общих знаний о проститутках, мотив необходимо извлекать из их психологии. При этом вполне возможно, что сам человек о нем ничего не знает или в лучшем случае только догадывается, причем очень смутно.

Нельзя исходить только из представлений, которые высказывают и сами проститутки, что панельное ремесло вызывается лишь бедностью и необходимостью приобретения материальных средств. В них нуждаются все, но продают себя единицы, вот почему этим единицам следует разъяснять, что торговля своим телом сродни лопате в руках рабочего и, что самое главное, они находятся вне нормального человеческого общения, они как бы вычеркнуты из общества. Поэтому задача таких людей состоит в том, чтобы они стали работать и изменили свой образ жизни.

Разумеется, все сказанное в основном может быть отнесено к тем, которые промышляют на улице, т.е. относятся к самому низшему, хотя и к самому многочисленному слою проституток. Они проще и простодушнее, часто уже измотаны жизнью. Тех же, кто живет на содержание или занимаются эскортом, вряд ли можно изменить нравоучениями. Ведь они хорошо обеспечены, появляются в престижных местах и не променяют свое пусть и позорное существование на что-нибудь другое, самое моральное и честное, но не столь хлебное. Такие проститутки сами практически не совершают преступления и их очень трудно эксплуатировать организованным преступным группам. Их связь с криминальным миром минимальна.

В борьбе с преступностью, связанной с проституцией и порнографией, первостепенное значение имеет выявление и изобличение лиц, которые вовлекают в проституцию, организуют ее, изготавливают и сбывают порнографические предметы и материалы. В каждом конкретном случае необходимо выявлять условия, которые способствовали таким действиям, и

устранять их. В частности, очень важно выявлять притоны, используемые для проституции, а также помещения, используемые для изготовления порнографии.

Во всей этой работе особое внимание следует уделить несовершеннолетним, которые стали или могут стать жертвами названных преступлений. Поэтому необходим оперативный надзор за неформальными группами подростков и выявление тех, которые ведут бездомное существование. Могут быть криминогенно значимыми даже отдельные факты оказания сексуальных услуг за вознаграждение несовершеннолетними, употребления ими спиртных напитков или психотропных веществ, проживания в неблагополучных семьях, в семьях с низким уровнем материального достатка, постоянного общения с ранее судимыми лицами, алкоголиками, наркоманами.

Ведущая роль в выявлении и разоблачении преступных групп, которые эксплуатируют проституцию и пускают в оборот порнографическую продукцию, принадлежит оперативным аппаратам полиции. Но их деятельность не может быть эффективной без постоянного взаимодействия с общественными организациями, которые могут оказать помощь в профилактике проституции, выявлении притонов, сутенеров и сводников. Особенно важна их помощь в выявлении тех притонов, которые располагаются в жилых домах, а также лиц, занятых распространением порнографической продукции. Представители общественных организаций могут иметь информацию и о тех, кто занимается проституцией, а также о тех молодых людях, которые оказались в трудной жизненной ситуации.

Особое место в профилактике проституции имеют церковь и специально созданные для этого общественные организации. Они имеются в России и за рубежом, имелись и в России до переворота 1917 г. [3, с. 23-26].

Вся деятельность по предупреждению проституции и порнографии должна исходить из признания особого блага половой неприкосновенности и половой свободы человека. Они составляют особо интимную часть его жизни, а поэтому нуждаются в постоянной охране, в том числе с помощью уголовного закона, который обязан преследовать всех тех, кто вовлекает в проституцию и организует ее, кто изготавливает и распространяет

порнографическую продукцию. Следует усовершенствовать уголовный закон, в связи с чем заслуживает одобрения предложение И.С. Алихаджиевой об установлении уголовной ответственности за содержание и систематическое предоставление помещения (места) для занятия проституцией.

В криминологии имеется несколько терминов для обозначения противодействия преступности: борьба, предупреждение, пресечение, профилактика, предотвращение и т.д. Применительно к преодолению преступлений, связанных с проституцией и порнографией, мы будем пользоваться всеми вышеперечисленными понятиями как примерно равнозначными. Однако применительно именно к преступной секс-индустрии наиболее подходящими являются борьба и предупреждение, эффективность которых будет во многом зависеть от успешности профилактики проституции и тесно примыкающей к ней порнографии, если иметь в виду прежде всего изготовление порнографической продукции.

Поскольку секс-индустрия является частью сексуальной преступности, успешная борьба с ней имеет огромное значение для нравственного состояния общества. При этом надо особо выделить проституцию, которая лишь частью входит в секс-индустрию, однако именно она в основном питает ее. Иными словами, предупреждение проституции важно и для преодоления секс-индустрии, и для оздоровления общественной нравственности. Разумеется, нельзя ставить перед собой нерешаемую задачу искоренения проституции, порнографии и питающую ими секс-индустрию. Наверное, никто не сомневается в том, что это вечные явления.

Борьба с преступным бизнесом, который питается проституцией и порнографией, должна включать в себя три направления: противодействие такому бизнесу, предупреждение проституции и порнографии. В центре этой триады находится проституция, а поэтому именно ей нами уделено много внимания в данной работе, ведь не зная ее причины, природу и проявления, бороться с ней бесполезно. Чтобы понять значимость последней, следует обратить внимание на некоторые страны мира, где она процветает, а такие страны справедливо именуются большими публичными домами. Там продажа себя стала простым и обыденным способом

заработка, принятого значительным большинством людей. Конечно, это ремесло влечет за собой большие неприятности, например заражение венерической болезнью, но ведь у каждого занятия есть свои риски и нежелательные последствия. Конечно, России по понятным причинам такое не грозит, но, учитывая масштабы обеднения людей, можно предположить, что проституция способна охватить еще большее, чем сейчас, число граждан.

Характерной особенностью отечественных исследований проституции является, с одной стороны, признание негативного значения этого занятия, а с другой – утверждение, что оно способствует поддержанию и жизнеспособности моногамных и брачных отношений. Наряду с этим современные исследователи отмечают, что проституцию сейчас необходимо рассматривать в рамках концепции общества потребления. Так, М. Русакова и К. Ерицян считают, что в наш век сексуальные отношения следует оценивать в качестве одной из множества услуг, предлагаемых на рынке. В современном обществе покупка такой услуги может быть связана не только и не столько с удовлетворением конкретной физиологической потребности, сколько с удовлетворением иных потребностей, конструированием социальной идентичности, престижным потреблением [4, с. 233-234].

Приведенные актуальные соображения требуют комментариев и уточнений. Во-первых, далеко не все сексуальные отношения предлагаются на рынке и никогда все (!) не поступят в продажу, в чем нет никаких сомнений. Во-вторых, проституцию не случайно называют самой древней профессией. Проститутки продавались даже в храмах, служа богам. Иными словами, монетизированный характер проституции за всю историю человечества не изменился ни на йоту.

Многие ученые-обществоведы полагают, что наблюдаемые ими общественные явления совершенно уникальны, что до этого все было иначе. Но это не так, и следует напомнить о неизменности таких человеческих явлений, как выражающиеся в мотивах потребности отношения любви и дружбы, стремление улучшить свою жизнь и т.д. И в древности тоже старались купить себе красивую женщину, да еще с такими талантами, как умение петь и танцевать, которые можно демонстрировать.

При всем понимании того, что проституция неискоренима, следует возразить тем, кто считает полезным в борьбе с этим злом открыть в России публичные дома или каким-то иным способом легализовать проституцию. Бордели – позор страны. Выдача лицензий на занятие проституцией представляет собой ее поощрение, во всяком случае так ее могут воспринимать многие. Как одобрение этого позорного явления может выглядеть разрешение частным или юридическим лицам на создание организаций по оказанию платных сексуальных услуг. По существу, это было бы секс-индустрией под государственной крышей, сейчас мы такое определяем как преступную секс-индустрию. Неужели только уплата государству налога отделяет преступное от неприступного?

Самое главное в борьбе с преступной секс-индустрией и проституцией заключается в реализации мер воспитания и образования:

- в семье;
- в школе;
- в неформальной среде.

Преимущественно относится это к молодым людям, прежде всего к подросткам, поскольку проституция начинает произрастать из их массива. Не менее важна профилактика безнадзорности и беспризорности среди детей и подростков, приобщение их к общественно полезной деятельности, организация их досуга. В стране не должно быть регионов, даже небольших, где люди живут очень бедно и мечтают вырваться из таких мест. Вообще борьба с бедностью является одним из важных направлений профилактики проституции и некоторых других общественно опасных процессов. Можно было бы обсудить идею милосердного благотворительного бесплатного или за минимальную плату обеспечения детей и подростков из малоимущих семей престижной одеждой, обувью и некоторыми другими предметами того же рода. Конечно, это должно делаться так, чтобы не унижать их человеческого достоинства, чтобы они не становились предметом насмешек сверстников.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что секс-индустрия включает в себя широкий круг услуг и товаров, направленных на удовлетворение сексуальных потребностей человека, которые он получает за обозначенную плату. Таким образом, в секс-индустрии

выделяется несколько основных групп услуг (товаров):

- проституция;
- порнографическая продукция;
- эротические формы деятельности, непосредственно не связанные с оказанием сексуальных услуг: стриптиз, эротический массаж, «секс по телефону» или с использованием сети Интернет, различные эротические шоу и т.д.

Таким образом, секс-индустрия представляет собой вид коммерческой, по большей части преступной деятельности, включающий в себя производство и реализацию услуг и товаров, направленных на реализацию сексуальных потребностей, целью которой является получение прибыли. То есть секс-индустрия по своей сути выступает одним из преступных сегментов теневой экономики.

С развитием сети Интернет и возможностей ее свободного использования секс-индустрия плотно заняла в ней свое место, чему способствовал ряд факторов, таких как:

- 1) анонимность при обращении к секс-услугам;
- 2) удобство, так как нет необходимости личных встреч и контактов;
- 3) эпидемия новой коронавирусной инфекции и т.д.

Секс-индустрия в сети Интернет за последние годы приобретает колоссальные масштабы, при этом наиболее распространенными видами услуг здесь являются обмен текстовыми сообщениями эротического или открытого сексуального характера, фото- или видеоизображениями, видеочат, в ходе которого потребитель заказывает за материальное вознаграждение определенные действия сексуального характера.

Сексологи отмечают, что получение услуг сексуального характера посредством сети Интернет будет увеличиваться, что повлияет в целом на изменение характера секс-индустрии. Такой вид реализации сексуальных потребностей, а именно удовлетворение сексуальных потребностей за материальное вознаграждение с использованием цифровых интернет-ресурсов, получил название цифросексуализма [5, с. 335].

1. Примерно такие же предложения внесены В.Ю. Савиным. Уголовно-правовые проблемы ответственности за организацию занятия проституцией в теории, законодательстве и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.

2. Смирнов Ю.П. Уголовная ответственность за сексуальную эксплуатацию других лиц в форме занятия ими проституцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

3. Невский С.А. Российское общество женщин. Международное уголовное право и международная юстиция. – М., 2019.

4. Русакова М., Ерицян К. Специфика потребления секс-услуг в обществе потребления // Девиантность в обществе потребления. – СПб, 2012.

5. Neil McArthur & Markie L.C. Twist the rise of digisexuality: therapeutic challenges and possibilities// Sexual and Relationship Therapy. 2017. Vol. 32. Iss. 3-4: Special Issue on Sex and Technology.

Информация об авторах:

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции центра по исследованию проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализа и прогнозирования преступности, социологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, изучения общественного мнения о полиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный работник МВД, почетный работник высшего профессионального образования

С.А. Маренинова,

научный сотрудник 1-го отдела НИЦ № 1

About the authors:

Yu. M. Antonyan,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of the Ministry of the Interior, Honorary Worker of Higher Professional Education, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of Sociological Support of the Activities of the Internal Affairs Bodies, Study of Public Opinion about the Police of the Center for the Study of the Problems of Criminological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies, Analysis and Forecasting of Crime, Sociological Support of the Activities of the Bodies police investigating police

S.A. Mareninova,

Researcher, 1st Department, Research Center No. 1

Статья поступила в редакцию 20.11.2023

КРИВОШЕЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Московский университет им. С.Ю. Витте (Москва, Россия)

9262625339@mail.ru

КИРИЛЛОВ СТАНИСЛАВ ИВАНОВИЧ

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Москва, Россия)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию вопросов предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в условиях мест содержания под стражей, специально-криминологическими мерами. Предлагаются и обосновываются конкретные мероприятия, направленные на недопущение данных негативных явлений в рассматриваемых условиях. Исследование проводилось автором в период с 2003 по 2022 год в городе Москва, Республике Калмыкия, Московской, Мурманской, Рязанской, Смоленской областях. Целью исследования является выработка конкретных мер, направленных на предупреждение совершения насильственных преступлений в условиях следственного изолятора.

Ключевые слова и словосочетания: заключение под стражу, насилие, предупреждение, преступление, следственный изолятор

Для цитирования: Кривошеев С.В., Кириллов С.И. Актуальные проблемы применения специально-криминологических мер предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в следственных изоляторах // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 141-145; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-141-145

KRIVOSHEEV SERGEY V.

Moscow University named after S.Yu. Witte (Moscow, Russia)

KIRILLOV STANISLAV I.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after. V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

**ACTUAL PROBLEMS OF THE APPLICATION OF SPECIAL CRIMINOLOGICAL
MEASURES TO PREVENT VIOLENT CRIMES COMMITTED IN PRE-TRIAL
DETENTION FACILITIES**

Annotation. This work is devoted to the study of the prevention of the commission of violent crimes in places of detention, by special criminological measures. Specific measures aimed at preventing these negative phenomena in the conditions under consideration are proposed and justified. The study was conducted by the author in the period from 2003 to 2022 in Moscow, the republic of Kalmykia, Moscow, Murmansk, Ryazan, Smolensk regions. The purpose of the study is to develop specific measures aimed at preventing the commission of violent crimes in a pre-trial detention facility.

Key words and word combinations: detention, violence, prevention, crime, remand prison.

For citation: Krivosheev S.V., Kirillov S.I. *Actual problems of the application of special criminological measures to prevent violent crimes committed in pre-trial detention facilities // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia.* – 2023. – № 4(68). – P. 141-145; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-141-145

Изоляция человека в местах содержания под стражей прежде всего направлена на недопущение совершения новых преступлений. Однако, как показывает практика, лицо может совершить преступление и совершает его уже будучи изолированным от общества, в частности в следственном изоляторе. Предупреждение преступлений в соответствии с п. 2 ст. 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» является одной из главных задач органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Кстати, еще И.Я. Фойницкий отмечал, что «высокая и весьма реальная опасность рецидива обязывает тюрьмы по преимуществу обратить внимание на предупреждение со стороны заключенных преступных деяний во время заключения» [4, с. 299].

Анализ показывает, что чаще всего в следственных изоляторах совершаются насильственные преступления. Предупреждение таких деяний, без всякого сомнения, имеет свои яркие особенности. Представляется, что в арсенале субъектов предупредительного воздействия в условиях СИЗО должны быть узконаправленные правовые, организационные и иные меры, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительной системы, а также иными лицами в целях недопущения насильственных посягательств.

Эти меры своим острием направлены на достаточно широкий круг лиц, взаимодействующих с данным учреждением (сотрудники уголовно-исполнительной системы, гражданский персонал, адвокаты, нотариусы, работники других правоохранительных органов). Однако, в первую очередь, это лица, содержащиеся под стражей или отбывающие уголовное наказание в виде

лишения свободы в следственном изоляторе. Это самая многочисленная группа и наиболее криминогенная.

Исследования показали, что основной мерой, направленной на нейтрализацию криминогенных детерминантов, как полагают респонденты (33%), является соблюдение внутреннего распорядка следственного изолятора, его выполнение подозреваемыми, обвиняемыми. На надлежащую организацию режима и надзора сотрудниками учреждения указали 28% респондентов, на совершенствование инженерно-технических средств надзора – 18%, на качественное несение службы и выполнение должностных обязанностей – 21% опрошенных.

Одним из эффективных мер по недопущению насилия в СИЗО является перемещение подозреваемого, обвиняемого, осужденного в другую камеру. Оно бывает различным: это перевод в карцер (в случае нарушения режима содержания) до 15 суток (несовершеннолетние – до 7 суток); перемещение в одиночную камеру (в случае

заболевания инфекционной болезнью или в случае, если жизни и здоровью лица угрожает опасность и др.); перемещение в общую камеру, где содержатся другие подозреваемые, обвиняемые. Все движения спецконтингента внутри следственного изолятора должны соответствовать требованиям федерального законодательства и ведомственных нормативных правовых актов. Вместе с тем в практической деятельности это не всегда соблюдается. Часто такие нарушения выявляются сотрудниками органов прокуратуры, а также УФСИН, ГУФСИН субъектов РФ, центральным аппаратом ФСИН России при осуществлении внутриведомственного контроля.

Своевременное перемещение лиц, содержащихся в следственных изоляторах, из одной камеры в другую позволяет предотвращать групповые насильственные преступления с длительной подготовкой и тяжкими последствиями. Так, например, в 1992 году неудачной попытке побега из СИЗО-1 «Кресты» Санкт-Петербурга, которая закончилась захватом заложников и причинением смерти одному из сотрудников, предшествовала длительная подготовка группой лиц, содержащихся в одной камере. Разрывая длительное общение одних и тех же лиц данная мера нейтрализует конфликты, вызванные привыканием друг к другу, личной неприязнью, национальной враждой, вероисповеданием и т.д.

Таким образом, перемещение из камеры в камеру является весьма успешной мерой предупреждения насильственных преступлений, при соблюдении необходимых условий. Так, п. 255 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов¹ (далее – ПВР СИЗО) указывает на то, что «в течение всего срока нахождения в СИЗО подозреваемые, обвиняемые и осужденные к лишению свободы содержатся в одной и той же камере». При этом сразу же делается исключение, указанное в следующем пункте данных Правил. Думается, это является не совсем корректным. В связи с этим предлагаем убрать п. 255 ПВР СИЗО. Тем самым исключается правовое основание постоянного содержания в одной камере одних и тех же лиц, исключается и возможность подготовки и вынашивания планов на совершение групповых насильственных преступлений, о чем говорилось выше.

Пункт 256 ПВР СИЗО предоставляет перечень оснований перемещения подозреваемых, обвиняемых, осужденных из одной камеры в другую, в качестве исключения, в пределах одного СИЗО. Данный пункт, по нашему мнению, нуждается в уточнении. Предлагаем в п. 256 включить подпункт 5, изложив его в следующей редакции: «В случае оперативной необходимости, по решению оперативного работника». Такая мера позволит более эффективно осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в столь специфических условиях, улучшит как возможности по внедрению конфидентов, их вербовке и обеспечению личной безопасности, так, соответственно, и качество предоставляемой информации, в целом повысит эффективность проводимых профилактических мероприятий, направленных на предупреждение насильственных преступлений.

В настоящее время в некоторых субъектах Российской Федерации существует весьма серьезная проблема перенасыщения мест содержания под стражей. В результате этого нарушается закон, а именно ст. 23 ФЗ «О содержании под стражей

---

¹ *Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]: приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 // URL: https://base.garant.ru/404953247/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/#block_119 (дата обращения: 01.12.2022).*

подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», предусматривающая предоставление не менее 4 кв. метров на одного человека в камере.

Кстати, на это обстоятельство указывают и представители общественных организаций. Так, председатель ОНК г. Москвы А. Мельников описал эту ситуацию 8 октября 2022 г.: «В настоящий момент в местах принудительного содержания УФСИН России по городу Москве содержится 11 096 человек при лимите в 8 999 мест, то есть 2 097 человек содержится сверхлимита. Ситуация по-прежнему катастрофическая. Физически не хватает мест, чтобы все соответствовало норме в 4 кв. м на человека» [1].

Вполне понятно, что улучшение ситуации в данном направлении будет способствовать эффективности предупредительных мероприятий, направленных на нейтрализацию насилия в СИЗО.

Одним из вариантов решения данной проблемы, как мы полагаем, является применение иных уголовно-процессуальных мер, таких как залог и домашний арест. К сожалению, они реализуются не так часто, как этого хотелось бы. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судами общей юрисдикции первой инстанции за 2022 год общее количество удовлетворенных ходатайств о домашнем аресте составило около 7,4 тыс., о применении залога – 71, а ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу было удовлетворено 87,3 тыс. раз [2].

На данный факт указал и Председатель Верховного Суда РФ при оценке деятельности судебной системы за 2021 год. «Суды не в полной мере реализуют возможности по избранию мер пресечения, не связанных с заключением под стражу. В 2021 году судами были рассмотрены уголовные дела в отношении 16 тысяч лиц, содержащихся под стражей и обвиняемых в совершении тяжких преступлений в сфере экономики, не связанных с применением насилия. Четыре тысячи четыреста обвиняемых имели постоянное место жительства и не имели судимостей. Из них полтора тысячам лицам (это почти каждый третий) суды назначили наказания, не связанные с лишением свободы», – сказал В. Лебедев в ходе пленарного заседания Совета судей РФ [3].

Другой эффективной мерой для предупреждения насилия должно стать внедрение современных технических средств обнаружения предметов, запрещенных к хранению и доставке в следственный изолятор, так как они, как показывает практика, зачастую являются катализатором противоправного, агрессивного поведения. Это применение в учреждениях сканеров человека, позволяющих выявлять проносимые на себе или в себе запрещенные предметы, которые подозреваемый, обвиняемый, осужденный может получить от иных лиц за пределами СИЗО и доставить их непосредственно в камеру. В частности, получить запрещенные предметы можно от адвоката, следователя, нотариуса и иных лиц, у которых есть право для контактного свидания непосредственно в следственном изоляторе.

При этом стоит отметить высокую эффективность аппаратуры при сканировании личных вещей, а для обнаружения запрещенных предметов требуется личный обыск спецконтингента. Но при этом нужно учитывать, что эта мера бесполезна, если нарушитель спрятал запрещенные предметы в скрытых естественных полостях организма или же их проглотил.

Думается, что значительно уменьшают эффективность применения специально-криминологических мер не совсем жесткие ограничения в средствах дисциплинарного воздействия к нарушителям режима, содержащимся под стражей. В отношении таких лиц применяется только выговор или помещение в карцер.

Предлагаем установить в следственном изоляторе строгие условия содержания, в которые будут переводиться подозреваемый, обвиняемый, осужденный, допускающие

нарушения режима. При этом, в отличие от содержания в карцере, для этого следует выделять камерное помещение, в котором могут содержаться несколько человек, но с определенными ограничениями. Срок содержания в строгих условиях следует определить до 15 суток, а нарушителей, уже подвергавшихся данному дисциплинарному воздействию, необходимо направлять в карцер.

В связи с этим предлагаем внести соответствующие изменения в ФЗ РФ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а именно изложить ст. 38 следующим образом: «За невыполнение установленных обязанностей к подозреваемым и обвиняемым могут применяться меры взыскания: выговор, **перевод в строгие условия содержания на срок до 15 суток**, водворение в карцер...», п. 1 ст. 40: «Подозреваемые и обвиняемые могут быть водворены в **строгие условия содержания**, одиночную камеру или карцер за:...», п. 2 ст. 40: «Наказание в виде **перевода в строгие условия** применяется также к подозреваемым и обвиняемым, к которым ранее были применены два и более дисциплинарных взыскания в виде выговора, в виде водворения в карцер применяется к лицам ранее содержавшимся в строгих условиях содержания», п. 3 ст. 40: «Водворение **в строгие условия содержания**, карцер осуществляется на основании постановления начальника места содержания под стражей и заключения медицинского работника о возможности нахождения подозреваемого или обвиняемого в строгих условиях, карцере», п. 4 ст. 40: «Содержание подозреваемых и обвиняемых в карцере одиночное, **в строгих условиях – групповое. На лиц, содержащихся в строгих условиях, распространяются все ограничения, что и на лиц, содержащихся в карцере**».

Важным моментом в предупреждении насильственных преступлений в процессе исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу является своевременное привлечение нарушителей режима к ответственности. Есть надежда, что предложенные в данной работе меры, их практическая реализация будут способствовать дальнейшему сокращению насильственных преступлений, совершаемых в условиях следственного изолятора.

1. Киселев М. Перелимит в московских СИЗО составляет более 2 тыс. человек [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/15994897> (дата обращения: 02.09.2023).
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf (дата обращения: 02.11.2023).
3. Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/31145/ (дата обращения: 01.12.2022).
4. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием: лекция. – М., 2000.

Информация об авторах:

С.В. Кривошеев, доцент кафедры уголовного права и процесса

С.И. Кириллов, профессор кафедры криминологии, доктор юридических наук, профессор

About the authors:

S.V. Krivosheev, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure

S.I. Kirillov, Professor of Criminology Department, Doctor of Law, Professor

КАШКИНА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА¹

000049@bk.ru

ORCID.ORG/0000-0001-5045-2054

ХАСАНОВА СВЕТЛАНА КУЗЬМИНИЧНА²

xsk2008@yandex.ru

---

^{1, 2} Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России
(Москва, Россия)

Роль участковых уполномоченных ПОЛИЦИИ В ПРИМЕНЕНИИ ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. В работе, опираясь на основные элементы цели института probation, авторы проводят анализ понятия «социальное поведение», на основе которого обосновывается вывод об отсутствии у участкового уполномоченного полиции обязанности в проведении воспитательной и коррекционной работы с лицами, в отношении которых применяется probation. Основываясь на анализе федерального законодательства, авторы утверждают, что в компетенцию участкового уполномоченного не входит содействие в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации указанной категории лиц. Принимая во внимание, что одной из задач участковых уполномоченных полиции является предупреждение преступлений и административных правонарушений, выносится на обсуждение положение о допустимости действий участковых уполномоченных с лицами, в отношении которых применяется probation, в рамках проведения общей профилактики.

Ключевые слова и словосочетания: постпениitenciарная probation, участковый уполномоченный полиции, социальное поведение, социальная адаптация, ресоциализация, социальная адаптация, предупреждение преступлений

Для цитирования: Кашкина Е.В., Хасанова С.К. Роль участковых уполномоченных полиции в применении постпениitenciарной probation в отношении лиц, освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 146-151; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-146-151

KASHKINA EKATERINA V.¹
KHASANOVA SVETLANA K. ²

^{1, 2} Research Institute of the Federal Penitentiary Service (Moscow, Russia)

THE ROLE OF DISTRICT POLICE COMMISSIONERS IN THE APPLICATION OF POST-PENITENTIARY PROBATION IN RELATION TO PERSONS RELEASED FROM INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. In the work, based on the main elements of the purpose of the institute of probation, the authors analyze the concept of "social behavior", on the basis of which the conclusion is substantiated that the district police commissioner has no obligation to conduct educational and correctional work with persons in respect of whom probation is applied. Based on the analysis of federal legislation, the authors argue that the competence of the district commissioner does not include assistance in the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of this category of persons. Taking into account that one of the tasks of the precinct police commissioners is the prevention of crimes and administrative offenses, the provision on the admissibility of the actions of the precinct commissioners with persons in respect of whom probation is applied, within the framework of general prevention, is put up for discussion.

Key words and word combinations: post-penitentiary probation, district police commissioner, social behavior, social adaptation, resocialization, social adaptation, crime prevention

For citation: Kashkina E.V., Khasanova S.K. *The role of district police commissioners in the application of post-penitentiary probation in relation to persons released from institutions of the penal system // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia.* – 2023. – No. 4(68). – P. 146-151; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-146-151

С 1 января 2024 г. вступают в законную силу некоторые положения Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О пробации»), основная цель которого наиболее емко отражена в ч. 1 ст. 4 указанного федерального закона, а именно: коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений. Исходя из поставленной цели, учитывая виды задействованных в реализации данного федерального закона субъектов, упомянутых в ч. 1 ст. 6 ФЗ «О пробации», попытаемся выяснить, какова роль участкового уполномоченного полиции в столь новом для российской правовой системы институте при применении постпенитенциарной probation в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В работе авторы неслучайно взяли за объект исследования участковых уполномоченных полиции (далее – УУП). Ведь, как известно, именно УУП является тем сотрудником полиции, который наиболее часто и тесно общается с населением и реализует наиболее широкий спектр задач, находящихся в ведении органов внутренних дел. В то же время Федеральный закон «О пробации» одним из субъектов probation в пп. 1 ч. 1 ст. 6 называет федеральные органы исполнительной власти, к которым и относятся органы внутренних дел в целом, и участковые уполномоченные полиции в частности. Соответственно, возникает вопрос: какова роль участковых уполномоченных полиции в применении одного из видов probation – постпенитенциарной?

Возвращаясь к рассмотрению цели probation, следует более детально изучить составляющие ее компоненты. Итак, в отличие от определений «ресоциализация», «социальная адаптация» и «социальная реабилитация», получившим свое нормативное закрепление в ч. 1 ст. 5 ФЗ «О probation», «коррекция социального поведения» лишена законодательного закреплённого понятия. Обращаясь к словарю Ушакова, мы можем встретить определение «поведение», заключающееся в совокупности поступков и действий, образа жизни [1]. Большая российская энциклопедия даёт следующее видение «поведения» – система взаимосвязанных действий, осуществляемая субъектами с целью реализации определенной функции и требующих его взаимодействия со средой [2]. Проведенный анализ определений «поведение», содержащихся в различных словарях и энциклопедиях¹, позволяет нам утверждать, что сущность «поведения» заключается во взаимосвязи человека с окружающей средой, осуществляемое посредством реализации определенных действий человека, основанное на внутренних побудителях. Обращает на себя внимание тот факт, что в ФЗ «О probation» речь идет о социальном поведении, что в случае отсутствия нормативного закрепления отсылает нас к научным исследованиям, предположительно в сферу социологии, по аналогии с разновидностью рассматриваемого вида поведения (в ином случае речь бы шла о правовом поведении). Подобный отсыл чреват неточностью, принимаемой за основу исследования понятия в силу имеющегося на сегодняшний день достаточно большого числа научных работ в области изучения сущности социального поведения. Данной проблематике посвятили свои научные труды М. Вебер, Н.Ф. Наумова, Т.И. Заславская, М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова, В.А. Ядов, В.Б. Ольшанский, Э.В. Клопов, Г.И. Зимерев, Н.Ф. Кузьменко, В.Я. Турьянский и многие другие. К примеру, анализируя научные работы российских ученых-социологов и их иностранных коллег, С.А. Митрюшин пришел к выводу, что «социальное поведение – это осознанное мотивированное действие индивидов или социальных групп, возникающее для удовлетворения определенных потребностей и достижения поставленной цели» [3, с. 23]. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном контексте социальное поведение не является тождественным правовому поведению, в части отсутствия нормативного регламентирования, то есть не предусмотрено нормами позитивного права и не подконтрольно государству, что не предусматривает, в случае его нарушения, определенные юридические последствия [4, с. 13], а также «девиантному», как социальному поведению, отклоняющемуся от принятого, социально приемлемого поведения в определенном обществе [5, с. 86].

Таким образом, на наш взгляд, социальное поведение есть ничто иное, как осознанное волевое как действие, так и бездействие субъекта во взаимодействии с окружающим миром (социумом), регулируемое общественными нормами поведения, принятыми в конкретном обществе. Учитывая, что рассматриваемое нами поведение лежит не в плоскости правового поля, соответственно его корректировкой, в первую очередь, занимаются социальные работники, психологи и педагоги. Тем не менее речь идет о лицах, освобожденных из учреждений пенитенциарной системы, в отношении

---

¹ Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Институт философии Российской академии наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет: В.С. Степин [и др.]. – М.: Мысль, 2000-2001; Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учебных заведений МВД, адъюнктов, докторантов, научных сотрудников и практических работников органов внутренних дел / Р.С. Белкин. 2-е изд., доп. – М.: Мегатрон-XXI, 2000; Педагогический словарь: для студентов высших и средних педагогических учебных заведений / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. 2-е изд., стер. – М.: Academia, 2005.

которых применялись меры уголовно-правового характера, находящиеся под контролем сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Принимая во внимание ч. 2 ст. 9 УИК РФ, отметим, что одним из основных средств исправления осужденного является воспитательная работа, которая продолжается и после освобождения из учреждений УИС до полного погашения или снятия судимости лица, что также находит свое отражение в п. 1 ч. 1 ст. 28 ФЗ «О пробации», где законодатель вменяет проведение воспитательной работы с лицами, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в обязанности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ).

Теперь обратим внимание на Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»), в котором ни в назначении полиции (ст. 1), ни в направлениях ее деятельности (ст. 2), ни в обязанности (ст. 12) не входит проведение ни воспитательной, ни коррекционной работы с какими-либо категориями лиц.

В то же время, являясь субъектом профилактики согласно Федеральному закону от 26 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О профилактике»), сотрудники полиции, в том числе и участковые уполномоченные, в рамках проведения профилактической работы обязаны проводить профилактические беседы (ст. 19). При этом цель проведения подобного рода бесед участковым уполномоченным полиции раскрывается в пп. 35.2 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция) [6] – предупреждение преступлений, что перекликается с одним из элементов целей пробации. Однако проведение такой формы профилактической работы имеет свои определенные нюансы, о которых мы скажем далее.

Работой не преследуется цель сравнительного анализа понятийного аппарата ФЗ «О пробации» и ФЗ «О профилактике», в котором в ч. 1 ст. 17 такие элементы цели пробации, как ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация дублируются в качестве форм профилактического воздействия, поэтому сосредоточимся на категориальном аппарате изучаемого нами федерального закона и укажем на то, что социальная адаптация, определяемая как комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, в отношении которых применяется пробация, содействия в трудовом и бытовом устройстве, в первую очередь относится к сотрудникам УИС, учитывая, что оказание помощи осужденным в социальной адаптации есть основная задача уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 1 УИК РФ). В то же время, на наш взгляд, в качестве субъекта социальной работы уголовно-исполнительные инспекции занимают второстепенное место в социальной адаптации лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, что в настоящей работе не является объектом доказывания, а было изучено в иных научных трудах [7, с. 40]. Если же рассматривать упомянутые нормативные акты в сфере регламентирования деятельности органов внутренних дел, то оказание содействия в трудовом и бытовом устройстве рассматриваемой категории лиц не входит в обязанности участкового уполномоченного полиции.

Аналогичная ситуация складывается вокруг реализации участковым уполномоченным полиции ресоциализации и социальной реабилитации (ч. 1 ст. 5 ФЗ «О пробации»). Более того, при детальном изучении Федерального закона «О профилактике» становится ясно, что законодатель не наделил органы внутренних дел правом осуществлять такие формы профилактического воздействия, как социальная адаптация, ресоциализация и социальная реабилитация (ч. 2 ст. 17), о чем также не упоминается в главе 6 ФЗ «О пробации».

Таким образом, остается последний элемент в поставленной перед институтом пробации цели – предупреждение совершения новых преступлений лицами, в отношении которых применяется пробация.

Известно, что предупреждению преступлений посвящено большое количество научных работ, в частности фундаментальных, таких ученых, как Ю.Ф. Гладырь (2005), А.Г. Ермаков (2011), А.В. Равнюшкин (2015), О.С. Ефремова (2017), В.В. Кипюхин (2017), А.Г. Бачурин и А.И. Щеглов (2017). Отдельный вклад в разработку методологий предупреждения правонарушений участковыми уполномоченными полиции, имеющими особое прикладное значение, внесли М.В. Костенников, И.А. Адмиралова [8], а также коллектив кафедры подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Анализируя труды как теоретической, так и практической значимости, отметим, что в их основе лежит незыблемый постулат – предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, который является одним из направлений деятельности полиции (ч. 1 ст. 2 ФЗ «О полиции»), при осуществлении которого участковый уполномоченный полиции реализует одну из задач – предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений (п. 9 Инструкции).

Следует согласиться с Е.В. Поликарповой, утверждающей, что «профилактика не может осуществляться сама по себе, здесь должны быть определены четкие критерии постановки лиц на профилактический учет» [9, с. 307]. Иными словами, применение постпенитенциарной пробации не является основанием для постановки лица на профилактический учет, что прямо указано в п. 33 Инструкции. Следовательно, отсутствие факта постановки на профилактический учет исключает проведение профилактической работы с рассматриваемой категорией лиц. В то же время участковый уполномоченный полиции ведет списочный учет лиц, освободившихся из мест лишения свободы, что, в свою очередь, не предусматривает проведение индивидуальной профилактической работы с лицами, в отношении которых применяется пробация. Однако не следует забывать об общей профилактике, охватывающей все население административного участка и осуществление которой входит в обязанности участкового уполномоченного. Помимо прочего, не стоит забывать, что в категорию лиц, в отношении которых применяется пробация, входят лица, освободившиеся (освобожденные) из мест лишения свободы, в отношении которых установлен административный надзор (ч. 3 ст. 19 ФЗ «О пробации») [10], что подразумевает проведение индивидуальной профилактической работы со стороны УУП как с категорией, состоящей на профилактическом учете (п. 33.1 Инструкции).

Любопытным является тот факт, что профилактика правонарушений входит в понятие ресоциализации в рамках постпенитенциарной пробации, где последняя, исходя из определения (п. 4 ч. 1 ст. 5 ФЗ «О пробации»), не ставит перед собой данную цель и не определяет подобное в качестве одного из своих направлений (ч. 2 ст. 19 ФЗ «О пробации»). Однако мы будем исходить из общей цели пробации и примем во внимание, что участковый уполномоченный полиции выполняет свои функции в части профилактики совершения противоправных деяний со стороны населения административного участка. Ведь как справедливо указал Н.В. Ольховик, «перед уголовно-исполнительными инспекциями и органами внутренних дел стоят хоть и разноуровневые, но все-таки общие задачи, связанные с профилактикой преступлений и правонарушений» [11, с. 41].

В то же время необходимо отметить такой формат сотрудничества между участковым уполномоченным полиции и сотрудниками УИС, как информационное взаимодействие, когда сотрудники уголовно-исполнительных инспекций наделены правом запрашивать

и получать информацию, необходимую для реализации постпенитенциарной probation, а государственные органы, в свою очередь, обязаны в тридцатидневный срок предоставить запрашиваемый ответ (п. 1 ч. 2 ст. 28 ФЗ «О probation»). Например, в рамках оказания содействия осужденным, освобождающимся из исправительных центров или мест лишения свободы, в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве администрация исправительного центра / исправительного учреждения вправе направлять запросы в органы внутренних дел по выбранному осужденным месту жительства о возможности проживания и регистрации по данному месту жительства.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что для обеспечения взаимодействия органов внутренних дел с уголовно-исполнительными инспекциями по вопросам применения исполнительной и постпенитенциарной probation (основываясь на ч. 3 ст. 7 ФЗ «О probation»), необходимо проработать вопрос четкого взаимодействия указанных субъектов на основе грамотного распределения ролей² каждого из субъектов probation. На данный аспект в своих научных трудах акцентировал внимание П.В. Голодов, полагая, что в целях создания полноценной службы probation вопросы организации взаимодействия ее субъектов, а также иных субъектов профилактики правонарушений и ресоциализации осужденных и лиц, отбывших наказания, требуют тщательной регламентации [12, с. 200], что возможно только в том случае, когда будет установлена четкая, конкретная роль каждого из субъектов probation, одним из которых, в частности, является участковый уполномоченный полиции.

1. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. – М.: Дом Славянской кн., 2008.

2. Большая Российская энциклопедия // пред. науч. ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред.

С.Л. Кравец. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006.

3. Митрюшин С.А. Понятие социального поведения в социальной науке // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. Т. 14.

4. Пьянов Н.А. Правовое поведение: понятие и виды // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4.

5. Линевиц Т.И., Полевая Н.М. Социальная коррекция как технология социальной работы с несовершеннолетними с девиантным поведением // Вестник АмГУ. 2021. Вып. 94.

6. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приложение

№ 1 к приказу МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134/?ysclid=lnnog2rgud879895290> (дата обращения: 12.10.2023).

7. Кашкина Е.Е., Широкова А.А. Роль уголовно-исполнительных инспекций в социальной адаптации в рамках постпенитенциарной probation // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 2 (16).

---

²В настоящее время действует совместный приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 190 Министерства внутренних дел Российской Федерации № 912 от 4 октября 2012 г. «Об утверждении регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на профилактическом учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений», в рамках которого может быть построена работа УУП по взаимодействию с УИИ в ходе применения исполнительной probation.

8. Костенников М.В., Адмиралова И.А., Кашкина Е.В. Организационно-правовые основы профилактики правонарушений органами внутренних дел: учеб. пособие. – М., 2021.

9. Поликарпова Е.В. Актуальные проблемы в определении критериев постановки на профилактический учет некоторых категорий граждан участковым уполномоченным полиции // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3.

10. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32939> (дата обращения: 12.10.2023).

11. Ольховик Н.В. Взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций и органов внутренних дел по предупреждению совершения правонарушений и преступлений осужденными без изоляции от общества // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1 (80).

12. Голодов П.В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2022. № 2.

Информация об авторах:

Е.В. Кашкина, ведущий научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент
С.К. Хасанова,
научный сотрудник

About the authors:

E.V. Kashkina, Leading Researcher,
PhD, Associate Professor
S.K. Khasanova,
Researcher

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

ДЕРЕШКО БОГДАН ЮЛЬЕВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России
(Москва, Россия)

МЕШАЛКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России¹,
Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России² (Москва, Россия)

Ser14106442

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ Ю.М. АНТОНЯНА ДЛЯ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

Аннотация. Научная статья раскрывает роль трудов профессора Антоняна Юрия Мирановича для теории оперативно-розыскной деятельности в рамках противодействия террористическим и экстремистским проявлениям на территории Российской Федерации, а также указывает на важное значение исследований данного автора для осуществления правоохранительных процессов выявления, раскрытия, пресечения и предупреждения преступлений, относящихся к террористической деятельности.

В работе рассматриваются положения оперативно-розыскной характеристики преступлений, где имеет место сравнительный анализ позиций в данном направлении профессора

Антоняна Юрия Мирановича и других исследователей в области противодействия террористической деятельности.

В статье анализируются элементы типологии личности террориста с учетом российских криминологических традиций и современного подхода к трансформации личности преступника.

Ключевые слова и словосочетания: научные труды профессора Антоняна Юрия Мирановича, теория оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскная характеристика, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений террористического характера и экстремистской направленности, типология личности террориста, трансформация личности преступника

Для цитирования: Дерешко Б.Ю., Мешалкин С.Н. Роль и значение научных трудов Ю.М. Антоняна для теории оперативно-розыскной деятельности России // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 152-155; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-152-155

DERESHKO BOGDAN Yu.

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

MESHALKIN SERGEY N.

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)¹

Advanced Training Institute of the MIA of Russia²

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF YU.M. ANTONYAN'S SCIENTIFIC WORKS FOR THE THEORY OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY IN RUSSIA

Annotation. The scientific article reveals the role of the works of Professor Antonyan Yuri Miranovich for the theory of operational investigative activities in the framework of countering terrorist and extremist manifestations on the territory of the Russian Federation, and also indicates the importance of this author's research for the implementation of law enforcement processes for the identification, disclosure, suppression and prevention of crimes related to terrorist activities.

The paper examines the provisions of the operational investigative characteristics of crimes, where there is a comparative analysis of the positions in this direction of Professor Antonyan Yuri Miranovich and other researchers in the field of countering terrorist activities.

The article analyzes the elements of the typology of the terrorist's personality, taking into account Russian criminological traditions and the modern approach to the transformation of the criminal's personality.

Key words and word combinations: scientific works of Professor Antonyan Yuri Miranovich, theory of operational investigative activities, operational investigative characteristics, identification, prevention, suppression and disclosure of crimes of a terrorist nature and extremist orientation, typology of the personality of a terrorist, transformation of the personality of a criminal

For citation: Dereshko B.Yu., Meshalkin S.N. The role and significance of Yu.M. Antonyan's scientific works for the theory of operational investigative activity in Russia // *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. – 2023. – No. 4(68). – P. 152-155; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-152-155

Труды профессора Ю.М. Антоняна являются важной составляющей для оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в области противодействия террористическим и экстремистским проявлениям и имеют существенное значение в рамках процессов выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия противоправных деяний террористического толка.

Работы Юрия Мирановича Антоняна отличаются существенной научной новизной, где на основе проведенных исследований, а также эмпирического материала предлагаются прогнозы террористических и экстремистских проявлений и основные направления антитеррористической деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.

В книге «Этнорелигиозный терроризм» Ю.М. Антонян обозначил некоторые проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия террористическим и экстремистским проявлениям, обосновал важность типологии терроризма, определил ее теоретические аспекты и выделил методические принципы. Данное исследование послужило основанием для дальнейшего изучения правоохранительной практики правоохранительных органов России в целях эффективного противодействия террористическим угрозам.

В работе автором определены теоретические компоненты организованного терроризма, предметом которого, по утверждению Ю.М. Антоняна, являются причинность, закономерность процессов зарождения, реформации и современное функционирование террористической деятельности, а также взаимосвязь терроризма с другими радикальными явлениями общества.

Действительно, организованный терроризм – это важное понятие в теории оперативно-розыскной деятельности, включающее в себя ряд положений, одно из которых определяется характерными чертами современного терроризма. По утверждению Ю.М. Антоняна, такой чертой

является исключительная общественная опасность такого вида преступлений, относящегося к террористической деятельности, как террористический акт. Данное утверждение не может быть подвержено сомнениям, однако, рассматривая уголовное наказание как критерий общественной опасности, можно констатировать, что законодатель не в полной мере указывает на повышенную степень общественной опасности противоправного деяния, предусмотренного статьей 205 Уголовного кодекса Российской Федерации «Террористический акт». Изучая и анализируя различные правовые источники, представляется, что уголовно-правовая категория «степень общественной опасности» может быть выражена следующими параментальными элементами, а именно: размерностью предполагаемых уголовно-правовых последствий; степенью выраженности вины лица, совершившего общественно опасное деяние; конкретные способы преступного посягательства и т.д., на основании которых определяются не только объективные и субъективные признаки преступления, но и вид уголовного наказания. Общеизвестно, что степень общественной опасности такого преступления, как террористический акт, сопоставима с умышленным причинением смерти другому человеку (часть 2 статьи 105 УК РФ «Убийство»). В этой связи сопоставимы должны быть и виды уголовного наказания указанных общественно опасных деяний.

Антонян Ю.М. выделяет такой элемент оперативно-розыскной характеристики преступлений террористической направленности, как личность террориста, который имеет важное значение для процесса противодействия террористическим проявлениям.

Действительно, за многие годы накоплена значительная информация о личности террориста, которую можно использовать в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности в целях предупреждения, выявления, раскрытия и пресечения общественно опасных деяний, относящихся к

террористической деятельности. Однако в изучении личности террориста, как указывает Ю.М. Антонян, не прослеживается системность всесторонних исследований, более того данные изыскания основываются в большинстве своем не на эмпирических показателях, а на общих представлениях исследователей в области противодействия террористическим проявлениям.

Авторские позиции о личности террориста имеют несомненный интерес, так как вносят дополнения в уже имеющуюся информацию о данном виде преступников. Однако указанные авторские позиции не подкрепляются сведениями о количестве испытуемых, об источниках информации, а также о методах получения результатов.

В этой связи можно констатировать, что изучение личности террориста должно проводиться с учетом многоаспектного предмета исследования, опираясь при этом на механизм формирования процесса сравнительного анализа признаков, присущих личности террориста, и общих признаков личности преступника. Данные позиции позволяют правоохранным органам более качественно проводить как оперативно-розыскные мероприятия, так и следственные действия, при этом ориентируясь на раннюю профилактику террористической преступности, особенно когда речь идет о выявлении лиц, склонных к осуществлению террористической деятельности.

Важность учения Ю.М. Антоняна о личности террориста заключается в том, что он смог вычленил поведенческие особенности лица на стадиях совершения преступления (приготовление к совершению преступления, покушение на преступление и окончательное общественно опасное деяние, относящиеся к террористической деятельности).

Более того, несомненным вкладом в определение признаков личности террориста является сопоставление среднестатистических данных осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в различных видах учреждений системы Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации, с демографическими, криминологическими данными, относящимися к личности террориста. Критерием отбора для исследования личности террориста являлось наличие судимости у исследуемого лица именно за преступление террористического характера.

Необходимо констатировать, что сами по себе демографические свойства личности не относятся к криминальным,

однако они увязаны с образованием (формированием) личностных позиций, жизнедеятельности лица, его мотивированием, определением социальных ролей и т.д. В этой связи демографические свойства представляют собой важный компонент собирательного образа о личности преступника, в том числе и террориста. Данные свойства играют важную роль не только для определения эффективных профилактических мер в сфере противодействия террористическим проявлениям, но и при осуществлении борьбы с данным видом преступности в рамках выявления, предупреждения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний, относящихся к террористической деятельности.

Рассматривая в целом информационные ресурсы в отношении личности террориста, можно констатировать, что глубокие познания в данном направлении позволят не только эффективно противодействовать рассматриваемому негативному явлению общества, но и вырабатывать решения различного характера на международном уровне по недопущению распространения террористических проявлений.

Антонян Ю.М. определяет типологию терроризма. В частности, акцентирует внимание на этнорелигиозном терроризме. Понимание данного типа терроризма дается в книге «Природа этнорелигиозного терроризма», где под этнорелигиозным терроризмом понимается совершение преступлений, относящихся к террористической деятельности, по мотивам национальной и религиозной нетерпимости.

Так, посредством совершения преступлений террористического характера террористы пытаются разрешить затруднительное положение межнациональных конфликтов в следующих направлениях, а именно:

устремление к перераспределению жизненно важных ресурсов и природных запасов;

устремление к корректировке территориальных границ на основе национальных, религиозных претензий;

устремление к созданию мононационального или монорелигиозного государства;

устремление к ущемлению прав наций на самоопределение;

устремление к захвату государственной власти путем суверенизации;

устремление к нарушению конституционных прав личности;

устремление к препятствованию принятия необходимых мер для экономического и духовного развития представителей определенной нации (этноса);

устремление к демонстрации превосходства одной нации над другой.

Более того, терроризм как этнорелигиозное проявление имеет свои исключительные особенности, позволяющие отграничить данное негативное явление от других видов насилия и создающие определенную видовую самостоятельность.

Этими исключительными особенностями терроризма, наряду с устрашением и насилием, является этнорелигиозная составляющая, которая определяется:

в повышенной конспиративной деятельности, позволяющей в некоторых случаях успешно формировать новые, а также контролировать существование имеющихся террористических образований и их членов;

направленности на совершение противоправных деяний (преступлений) с повышенной степенью общественной опасности.

Данные позиции позволяют правоохранным органам ориентироваться в криминогенной ситуации при осуществлении оперативно-розыскной, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной деятельности на указанные направления террористических воззрений в целях предотвращения причин и условий, способствующих процессам приготовления к преступлению и покушения на преступление, относящиеся к террористической деятельности.

Некоторые аспекты учения Ю.М. Антоняна обращены не только к выявлению особенностей терроризма как общественно опасного деяния, но и к элементам российской антитеррористической системы, которая, как представляется, может эффективно работать в современных условиях. Необходимо констатировать, что эффективность данной работы зависит во многом от продуктивности взаимодействия субъектов антитеррористической деятельности на ведомственном, межведомственном и международном уровнях.

В работах Ю.М. Антоняна прослеживаются утверждения о важности процессов взаимодействия внешнего и внутреннего характера, которые направлены на выполнение следующих задач:

исследование, анализ, использование оперативной значимой информации о состоянии и тенденциях возникновения и развития террористической деятельности;

прогнозирование криминогенной ситуации, относящееся к определению степени террористической активности, – как информация для разработки и планирования профилактических мер, а также правоохранных действий по недопущению активизации террористического процесса;

координация правоохранный работы субъектов антитеррористической деятельности в рамках правового, организационного и ресурсного обеспечения;

совершенствование нормативно-правовой базы процесса противодействия террористическим угрозам, цель которой определяется лучшими условиями взаимодействия субъектов антитеррористической деятельности;

интегрирование в отечественный процесс противодействия террористическим проявлениям зарубежного опыта борьбы с терроризмом.

Данные задачи не являются окончательными и при изменении оперативной обстановки могут изменяться и дополняться.

Изучая труды Ю.М. Антоняна, можно однозначно констатировать не только особую значимость данного учения о противодействии терроризму, но и правоприменительную возможность использования данных научных воззрений в области оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

В этой связи можно с уверенностью свидетельствовать о том, что принимаемые правоохранными органами меры по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, относящихся к террористической деятельности, являются достаточно эффективными, а субъекты антитеррористической деятельности на современном этапе борьбы с преступностью наращивают оперативно-розыскной потенциал, укрепляют позиции взаимодействия на ведомственном, межведомственном и международном уровнях, активно используя при этом научные труды Юрия Мирановича Антоняна.

Информация об авторах:

Б.Ю. Дерешко, заместитель начальника
ВНИИ МВД России по научной работе
кандидат юридических наук, доцент

С.Н. Мешалкин, начальник НИЦ № 2¹,
профессор кафедры противодействия
терроризму и экстремизму²,
доктор юридических наук, профессор

About the authors:

B.Y. Dereshko,
Deputy Head of the Research Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia for
Scientific Work,
PhD of Law, Associate Professor

S.N. Meshalkin,
head of SIC No. 2¹, Professor of the Department
of Counteraction to Terrorism and Extremism²,
Doctor of Law, Professor

Статья поступила в редакцию 10.12.2023

МЕШАЛКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России¹,
Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России² (Москва, Россия)

Ser14106442

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОЦЕССА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННЫМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРОЯВЛЕНИЯМ В СТРАНАХ СНГ

Аннотация. Научная статья посвящена специфике правового регулирования процесса противодействия современным террористическим проявлениям на территории государств-участников СНГ. Определяется актуальность международного сотрудничества правоохранительных органов стран СНГ в сфере противодействия террористическим проявлениям. В научной статье раскрываются элементы международной антитеррористической системы общемирового и евразийского уровней. Рассматриваются как антитеррористические позиции Организации Объединенных Наций, так и активные позиции Российской Федерации как члена ООН в формировании антитеррористических структур международного уровня. Указывается на необходимость существования Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ и рассматриваются основные направления данной международной структуры.

Ключевые слова и словосочетания: правовое регулирование процесса противодействия современным террористическим проявлениям на территории государств-участников СНГ, Совет министров внутренних дел государств-участников СНГ, Российская Федерация – член ООН

Для цитирования: Мешалкин С.Н. Особенности правовой регламентации процесса противодействия современным террористическим проявлениям в странах СНГ // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 156-160; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-156-160

MESHALKIN SERGEY N.

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)¹
Advanced Training Institute of the MIA of Russia²

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE PROCESS OF COUNTERING MODERN TERRORIST MANIFESTATIONS IN THE CIS COUNTRIES

Annotation. The scientific article is devoted to the specifics of the legal regulation of the process of countering modern terrorist manifestations on the territory of the CIS member states. The relevance of international cooperation of law enforcement agencies of the CIS countries in the field of countering terrorist manifestations is determined. The scientific article reveals the elements of the international anti-terrorist system at the global and Eurasian levels. The anti-terrorist positions of the United Nations are being considered. The active positions of the Russian Federation as a member of the United Nations in the formation of anti-terrorist structures at the international level are considered. The necessity of the existence of the Council of Ministries of Internal Affairs of the CIS member states is pointed out and the main directions of this international structure are considered.

Key words and word combinations: legal regulation of the process of countering modern terrorist manifestations on the territory of the CIS member States, Council of Ministries of Internal Affairs of the CIS member States, the Russian Federation, a member of the United Nations

For citation: Meshalkin S.N. Features of the legal regulation of the process of countering modern terrorist manifestations in the CIS countries // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – No. 4(68). – P. 156-160; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-156-160

Национальное законодательство государств-участников СНГ предусматривает режим правового регулирования процесса противодействия современным террористическим угрозам, которое, как представляется, имеет важное значение для обеспечения общественной безопасности государств. Действительно, современные мировые реалии указывают на негативные тенденции, связанные с глобальным распространением терроризма в различных его видах в рамках всего международного сообщества, особенно когда речь идет о террористических воззрениях и массовом их распространении. Более того, террористические проявления носят, как правило, транснациональный характер. Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что процесс противодействия терроризму может быть эффективным только при условии международного сотрудничества правоохранительных органов в большинстве своем в рамках государств-участников СНГ, в том числе Совета министров внутренних дел указанной международной структуры, при значительном охвате направлений правоохранительной деятельности от профилактики общественно опасных деяний, относящихся к террористической деятельности, до выявления, раскрытия, пресечения и расследования преступлений террористического характера. В этой связи хотелось бы привести некоторую аргументацию по поводу необходимости осуществления эффективного взаимодействия министерств внутренних дел государств-участников СНГ в рамках противодействия террористическим угрозам.

Первое основание реализации международного сотрудничества в рассматриваемом направлении состоит в существенном увеличении фактов совершения общественно опасных деяний, относящихся как к террористической, так и экстремистской деятельности. К сожалению, провести сравнительный анализ количества преступлений, совершаемых на территориях государств-участников СНГ, не представляется возможным ввиду отличительных позиций законодательных инициатив по отношению к составам террористических преступлений.

Вторым основанием являются обстоятельства, указывающие на осуществление террористических устремлений международными организациями террористического толка, которые тесно связаны со странами СНГ. В данном случае речь уже давно идет не о завоевании части территорий, а целого государства.

К третьему основанию реализации международного сотрудничества можно отнести имеющуюся у международных террористических образований систему распространения идеологии террористической направленности. Данная система состоит из многочисленных (медиа)холдингов мирового масштаба, которые выпускают все виды (медиа)продукции, распространяют идеологию терроризма на всех языках мира.

К четвертому основанию можно отнести разрушение ориентиров на разрекламированную западную систему безопасности, нацеленную, прежде всего, на военную организацию «НАТО».

Данные факты убедительно подтверждают необходимость в международном сотрудничестве в сфере противодействия террористическим проявлениям правоохранительных структур государств-участников СНГ, в том числе министерств внутренних дел с обязательной координацией усилий в данном направлении на национальном уровне.

Необходимо признать, что на мировом уровне существует достаточное количество международных организаций, координирующих процесс противодействия террористическим устремлениям, который, как правило, определяется такими направлениями, как профилактика террористических проявлений и борьба с террористической преступностью. Одной из таких структур является Организация Объединенных Наций.

Данное международное образование придает важное значение указанному процессу. Однако, анализируя принятые решения Советом Безопасности ООН, можно сделать вывод об отсутствии конкретики в данном направлении. Так, во многих резолюциях

Совета Безопасности ООН обозначаются только общие позиции такого негативного явления, как терроризм (например, существенную опасность для мирового сообщества несут террористические проявления, которые имеют статус преступных, любые проявления терроризма независимо от намерений не могут быть оправданы и т.д.). При этом выделяются общеизвестные, не отличающиеся существенной новизной направления деятельности в рассматриваемой сфере, ориентирующиеся только на стратегические аспекты противодействия распространению идеологии терроризма, имеющие в своем арсенале правовые и правоохранительные меры, партнерское сотрудничество государства с частным сектором.

В более выгодной позиции находится Российская Федерация как член Организации Объединенных Наций, которая не только предлагает новаторские решения проблемы противодействия террористическим проявлениям, но и реально создает условия для эффективной социальной, правовой и правоохранительной работы в рассматриваемом направлении.

Необходимо констатировать, что Национальным антитеррористическим комитетом Российской Федерации создан Международный банк данных в сфере противодействия террористическим угрозам, информацией которого пользуются многие страны мира.

Данная информационная структура является многофункциональной, имеющей данные не только о террористах, террористических организациях, их местонахождении, но и о способах совершения общественно опасных деяний, относящихся к террористической деятельности, современных направлениях идеологии терроризма, инструментарии контрпропаганды.

Важной составляющей данной информационной структуры является возможность пользоваться данными банка представителями правоохранительных органов различных государств при условии заключения соглашений с Национальным антитеррористическим комитетом Российской Федерации. Более того, данной информацией могут пользоваться научные организации, в том числе и системы органов внутренних дел, в целях разработки новых методик по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений, относящихся к террористической деятельности.

Рассматривая структуру Международного банка данных в сфере противодействия террористическим угрозам, необходимо отметить, что в данной информационной структуре имеется открытый сектор, который может использоваться правоохранительными, научными, образовательными и общественными организациями.

Данный сектор содержит следующие направления:

информационный сегмент в сфере противодействия идеологическим основам терроризма;

информационный сегмент в сфере информационной безопасности мирового пространства;

информационный сегмент в сфере профилактики современных террористических угроз;

информационный сегмент в сфере координации правоохранительной деятельности по противодействию террористическим угрозам.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о важности международного сотрудничества в рассматриваемой области на мировом уровне, где вопросы профилактики терроризма, борьбы с террористической преступностью должны находить разрешения в реальных международных документах, согласованных с большинством стран и способных коренным образом изменить ситуацию в рамках противодействия террористическим угрозам.

Необходимо констатировать, что на евразийском пространстве существует действенная антитеррористическая система, субъектами которой являются и министерства внутренних дел государств-участников СНГ.

Данная правоохранительная система позволяет эффективно осуществлять антитеррористическую деятельность в рамках международного взаимодействия (сотрудничества) в сфере противодействия современным террористическим угрозам.

Координирующей структурой в данном правоохранительном направлении является Совет министров внутренних дел государств-участников СНГ (далее – СМВД), где функциями рабочего аппарата наделено Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ (далее – БКБОП).

На основании пункта 2.1. «Совершенствование национального законодательства» Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы одной из задач СМВД является конструктивный анализ национального законодательства государств-участников СНГ в области противодействия организованным формам преступности, который проводится в целях подготовки методических рекомендаций по сближению национального законодательства с модельными законами.

В частности, анализ нормативно-правового регулирования правоохранительной деятельности министерств внутренних дел государств-участников СНГ в сфере противодействия современным террористическим проявлениям указывает на определенное несоответствие норм национального законодательства указанных стран с нормами модельных законов, что, несомненно, отрицательно влияет на результаты работы по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, относящихся к террористической деятельности.

Например, сравнительный анализ норм уголовного закона государств-участников СНГ дает возможность сделать вывод о различных подходах к определению общественной опасности деяний, элементам состава преступления, особенно к их объективным признакам, а в некоторых случаях – об отсутствии уголовно-правового понятия экстремистского преступления.

Такое положение в уголовно-правовом поле государств-участников СНГ создает определенные трудности в рамках уголовного преследования лица, совершившего общественно опасное деяние террористического характера.

Поэтому важно в данной ситуации ориентироваться на основные международные документы, в частности на Модельный закон «О противодействии терроризму», который включил в себя все составляющие антитеррористической деятельности – от основных дефиниций до определения субъектов антитеррористической деятельности и направлений международного сотрудничества.

Направленность данного модельного закона состоит в выработке эффективных мер противодействия современным террористическим угрозам на территории государств-участников СНГ, опираясь при этом на нормы международного права и международные документы, в частности Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Подтверждение данной позиции определяется наличием ст. 35 «Правовая основа международного сотрудничества в области противодействия терроризму» Модельного закона «О противодействии терроризму», которая указывает на ориентацию национального законодательства в антитеррористической сфере, а также модельных законов на решения международных организаций, например Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Показательным в этом отношении должны быть состоятельные документы указанной международной организации, которые могли бы определять основные направления в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной составляющей всемирного правового поля, и данные положения могли бы применяться в национальных законодательствах большинства стран мира.

Интересным с точки зрения правового регулирования процесса противодействия террористической деятельности является положение Модельного закона «О противодействии терроризму», указывающее на недопустимость практики

употребления двойных стандартов в указанном направлении правоохранительной деятельности. Действительно, данное положение позволяет эффективно осуществлять антитеррористическую работу, в том числе на международной основе, в виде сотрудничества (взаимодействия) правоохранительных структур.

Однако существуют международные документы, имеющие двойные стандарты, которые, безусловно, затрудняют уголовное преследование лиц, совершивших общественно опасные деяния, относящиеся к террористической деятельности, особенно в условиях процесса экстрадиции.

Общеизвестно, что процедура расследования террористических преступлений по экстрадиционным делам имеет свою особенность и предполагает специфичное правовое регулирование в рамках объявления террористов, скрывающихся на территории других государств, в международный розыск, применение к ним мер пресечения и передачи государству-инициатору экстрадиции. Данный правовой институт в современных реалиях требует как детального изучения и научного осмысления международной многоотраслевой нормативно-правовой регламентации, устанавливающей правила выдачи террористов, так и формирование научно-практических рекомендаций по применению экстрадиции.

Детальное изучение положений Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. указывает на некоторые позиции двойных стандартов, которые определяются, прежде всего, в ограничении выдачи террористов при условии уголовного преследования на основании его расы, религии, национальности либо политических взглядов. Перечисленные позиции Конвенции в большинстве своем побуждают государства ориентироваться на мотивацию отказа в экстрадиции лиц, причастных к террористической деятельности, при том, что состав террористического преступления подтвержден, а такой элемент субъективной стороны, как вина, доказан. Мотивация отказа в экстрадиции определенным образом осложняет осуществление данного уголовно-процессуального действия, ущемляет стремление к достижению объективной истины, не способствует реализации принципа неотвратимости наказания за совершенное общественно опасное деяние, относящееся к террористической деятельности.

Рассмотренные международные позиции требуют тщательного исследования, а также объединения мнений министерств внутренних дел государств-участников СНГ, на основании которых должны быть внесены изменения и уточнения в международные правовые акты в целях продвижения безопасности, надежности и целостности государств.

Информация об авторах:

*С.Н. Мешалкин, начальник НИЦ № 2¹,
профессор кафедры противодействия
терроризму и экстремизму²,
доктор юридических наук, профессор*

About the authors:

*S.N. Meshalkin,
head of SIC No. 2¹, Professor of the Department
of Counteraction to Terrorism and Extremism²,
Doctor of Law, Professor*

Статья поступила в редакцию 10.12.2023

КОБЕЦ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России (Москва, Россия)

pkobets37@rambler.ru

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МВД РОССИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Актуальность проведенного исследования вызвана тем, что проблематика, связанная с искусственным интеллектом и развитием цифровых технологий, чрезвычайно важна для современного мира. В процессе исследования автором отмечается, что в условиях середины 20-х гг. XXI столетия современные информационные технологии в правовой среде способствуют принятию новых технических решений, которые основаны с учетом наработок в сфере искусственного интеллекта и способны решать сложнейшие юридические задачи, в том числе оказывающие позитивное воздействие на борьбу с преступностью. В процессе исследования, учитывая пристальное внимание руководства страны к проблеме внедрения рассматриваемых технологий в различные сферы жизнедеятельности российского общества, автор рассмотрел возможные аспекты использования данной технологии в системе МВД России. В то же время он предпринял попытки выявить положительные стороны использования данных технологий в случае их эффективного внедрения в рассматриваемую деятельность. В результате автором акцентировано внимание на том, что преимущества применения рассматриваемых технологий в правоохранительной сфере в первую очередь создают реальные возможности для сотрудников органов внутренних дел постепенно избавляться их от монотонной, однообразной деятельности и высвободившиеся силы и средства применять в более серьезной деятельности, для которой робототехника не приспособлена. В процессе исследования автором убедительно доказано, что применение данных технологий вне всякого сомнения оказывает положительное воздействие на эффективность профессиональной деятельности сотрудников МВД России. С позиции противодействия преступным проявлениям технологии, работающие на основе искусственного интеллекта, обладают огромными возможностями. Рассматриваемый интеллект уже вполне востребован для работы с большими массивами данных, в частности статистической информацией, подготовкой докладов, справок, информационных материалов. Кроме того, эти технологии возможно и необходимо применять в оперативно-розыскной деятельности, уголовных расследованиях, борьбе с различными видами преступных проявлений. В то же время автором специально подчеркивается, что для сохранения эффективности деятельности МВД России очень важно, чтобы накопленный положительный опыт в сфере использования новых технологий и слаженность действий не только ставились во главу угла, но и получали дальнейшее развитие.

Ключевые слова и словосочетания: МВД России, правоохранительные органы, искусственный интеллект, робототехника, правовое регулирование, положительный опыт, борьба с преступностью, расследование преступлений, правопорядок, профилактика преступлений, законность, борьба с преступностью

Для цитирования: Кобец П.Н. Внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в деятельность МВД России: опыт и проблемы // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 161-168; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-161-168

KOBETS PETER N.

National Research Institute
of the Ministry of Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia)

IMPLEMENTATION OF TECHNOLOGIES USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE MIA OF RUSSIA: EXPERIENCE AND PROBLEMS

Annotation. The relevance of the study is due to the fact that the problems associated with artificial intelligence and the development of digital technologies are extremely important for the modern world. In the process of research, the author notes that in the conditions of the mid-20s. In the 21st century, modern information technologies in the legal environment contribute to the adoption of new technical solutions, which are based on developments in the field of artificial intelligence, and are capable of solving complex legal problems, including those that have a positive impact on the fight against crime. In the process of research, taking into account the close attention of the country's leadership to the problem of introducing the technologies under consideration into various spheres of life of Russian society, the author examined possible aspects of the use of this technology in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. At the same time, he made attempts to identify both the positive aspects of using these technologies and the possibility of negative consequences with their widespread implementation. As a result, the author focuses on the fact that the advantages of using the technologies under consideration in the law enforcement sphere, first of all, create real opportunities for police officers to gradually get rid of monotonous, monotonous activities, and use the released forces and means in more serious activities, for which robotics is not suitable for. In the process of research, the author convincingly proved that the use of these technologies beyond any doubt has a positive impact on the effectiveness of the professional activities of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. From the standpoint of countering criminal manifestations, technologies based on artificial intelligence have enormous potential. The intelligence in question is already in high demand for working with large amounts of data, in particular statistical information, preparing reports, certificates, and information materials. In addition, these technologies can and should be used in operational search activities, criminal investigations, and the fight against various types of criminal manifestations. At the same time, the author specifically emphasizes that in order to maintain the effectiveness of the activities of the Russian Ministry of Internal Affairs, it is very important that the accumulated positive experience in the use of new technologies and coherence of actions are not only placed at the forefront, but also receive further development.

Key words and word combinations: Ministry of Internal Affairs of Russia, law enforcement agencies, artificial intelligence, robotics, legal regulation, positive experience, fight against crime, crime investigation, law and order, crime prevention, legality, fight against crime

For citation: Kobets P.N. Implementation of technologies using artificial intelligence in the activities of the MIA of Russia: experience and problems // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – No. 4 (68). – P. 161-168; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-161-168

Анализируя тему искусственного интеллекта, становится очевидно, что численность исследователей данной совокупности проблем в разы превышает общее количество ученых, которые преследуют цель создания механизма по производству, эксплуатации, контролю систем на основе искусственного интеллекта. Опять же, как бы там ни было, при любых обстоятельствах и условиях для всех представителей научного сообщества камнем преткновения являются исследования важнейшей проблемы XXI столетия, связанной с результативным внедрением искусственного интеллекта, и это от радно.

Совершенно очевидно, что технологии, использующие искусственный интеллект, могут применяться в разнообразных областях жизнедеятельности человека. Они могут быть использованы при создании и реализации ранее неизвестных перспективных человеческих возможностей, которые будут способствовать его освобождению от

однообразной и будничной рутины посредством автоматизации этой деятельности, поддерживая его в принятии решений и развитии коммуникативной деятельности на более высоком и совершенном уровне [1, с. 590].

Президент Российской Федерации
В.В. Путин выступил на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» (AI Journey) 23-24 ноября 2022 г., которая проходила в Центре международной торговли в г. Москве, отметив, что «значение прорывов в сфере искусственного интеллекта колоссально, соперничество между государствами идет ожесточенное. От того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны, наши возможности на качественно новом уровне решать задачи экономического, промышленного, социального развития, создавать широкие условия для самореализации граждан, для запуска общественных инициатив» [2].

По информации заместителя Председателя Правительства России Дмитрия Чернышенко, высказанной на конференции «Цифровая индустрия промышленной России», которая прошла в г. Нижнем Новгороде в мае 2023 г., кабинетом министров проводится активная работа, направленная на корректировку стратегии развития искусственного интеллекта. Им, в частности, было отмечено, что за последние три года российский рынок данных технологий вырос почти вдвое, а процент внедрения в отдельных отраслях доходит до 20%. Он также указал на то, что, по ожиданиям Правительства, к 2025 году более половины всех отечественных предприятий будут применять решения искусственного интеллекта в своей деятельности [3].

Как отмечают отечественные специалисты, использование технологий на основе искусственного интеллекта будет способствовать ускорению цифровизации экономической сферы, при этом мотивируя совершенствование информационной и телекоммуникационной государственной и общественной инфраструктуры [4, с. 35]. В том числе сегодня не является секретом, что эти технологии также разрабатываются и для использования в правоохранительной деятельности, в частности в работе органов внутренних дел (далее – ОВД) [5, с. 266].

Поскольку в настоящее время происходит активное развитие научно-технического прогресса, вопросы внедрения технологий, использующих искусственный интеллект в правоохранительной практике, начинает приобретать особую актуальность для ОВД. По большей части такое положение дел вызвано тем, что криминальный мир уже не скрывает своего профессионального интереса к технологиям, использующим искусственный интеллект, для совершения противоправной деятельности. Поэтому правоохранители во всем мире, работая на опережение, стремятся к самому широкому использованию технологий искусственного интеллекта в сфере борьбы с преступностью. И, как отмечают отечественные эксперты, обеспечение необходимых уровней безопасности является приоритетным по функционированию государства в целом. Поэтому использование технологий, функционирующих на основе искусственного интеллекта, который способствует быстрому собиранию, отслеживанию и анализу различных информационных потоков и данных с целью противодействия преступным проявлениям, является чрезвычайно эффективным [6, с. 109].

В условиях первой четверти XXI столетия преступность начинает приобретать именно те специфические черты, которые свойственны современным этапам цифровизации общества, поэтому современные преступные посягательства развиваются динамично вместе с обществом. Данное обстоятельство красноречиво свидетельствует о том, что с развитием преступности одновременно происходит изменение ее видов и методов совершения противоправных деяний. Поэтому преступления в эпоху цифровизации с каждым годом становятся все более разнообразными, латентными, при этом их все труднее выявлять и, соответственно, раскрывать. В этой связи, выбирая оптимальные способы противодействия современным преступным посягательствам, сотрудникам ОВД необходимо стремиться к развитию гибкости, изобретательности и способности не только прогнозировать преступность, но и использования новых технологий.

В современном мире информтехнологии активно развиваются и внедряются в рабочие процессы правоохранителей в качестве вспомогательных элементов в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. На территории нашей страны эти процессы также динамично развиваются. Причем они с каждым годом только актуализируются, начиная с того момента, как появились новые технологии, использующие искусственный интеллект. Однако данные технологии находят свое использование и в мире преступности. Поэтому в противовес преступным проявлениям сотрудникам ОВД следует еще более активнее противопоставлять применение новых технологических процессов.

Между тем курс активного внедрения в профессиональную деятельность системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России, Министерство) технологий, работающих на основе искусственного интеллекта, уже задействован. В частности, для МВД России была разработана Федеральная информационная система биометрических учетов (далее – ФИСБУ), которая уже начинает постепенно внедряться в деятельности Министерства. Она предназначена для поиска лиц, которые подозреваются в совершении преступных посягательств при помощи камер видеонаблюдения. В том числе проводятся исследования о возможности применения данных технологий не только для сбора, но и обработки информации, полученной в результате работы ФИСБУ [7]. Эти данные позволяют распознавать людей не только по изображению их лиц, но и сравнивать голос, радужную оболочку глаз, татуировки, а также иные имеющиеся у людей идентифицирующие признаки.

Также важно отметить, что данные информационные системы, как правило, базируются на типовых моделях преступных посягательств, которые выделяются по различным криминалистическим основаниям, при этом позволяя искусственному интеллекту очень быстро освоить действующие и разработать собственные методические подходы по расследованию ряда преступлений [8, с. 10]. В то же время важно отметить, что в правоохранительной деятельности среди первостепенных задач, возлагаемых на технологии, использующие в своей работе искусственный интеллект, отводят анализу больших объемов информации для оказания содействия сотрудникам ОВД по выявлению данных, используемых в процессе раскрытия и расследования преступной деятельности.

Поэтому на сегодняшний день главным условием эффективности применения рассматриваемых технологий правоохранителями является наличие необходимых информационных баз, располагающих большим объемом информационных данных.

В этой связи также важно отметить, что еще в ноябре 2019 г. стратегическая сессия Правительства Российской Федерации утвердила для МВД России проект внедрения искусственного интеллекта для совершенствования деятельности по выявлению серийных преступлений и поиска преступников [9]. Также запланировано в 2024 году приступить к опытно-конструкторским работам, связанным с созданием специальных компьютерных программ по поиску лиц, совершающих серийные преступления, а также программного обеспечения, помогающего определять индивидуальные анатомические признаки человека, полученные из биоматериала, взятого в местах совершенных преступлений [10].

С позиций противодействия преступным проявлениям технологии, работающие на основе искусственного интеллекта, обладают огромными возможностями. В частности, при помощи оборудования, работающего с использованием технологий искусственного интеллекта, возможно: проводить идентификацию лиц, которые находятся в розыске; поиск похищенного транспорта; распознавание подозрительного поведения отдельных лиц; заниматься прогнозированием криминогенных тенденций; а также «вести работу по оптимизации ресурсов правоохранительных служб; выявлять факты мошенничества в финансовой сфере, борьбе с коррупцией и финансированием терроризма; отслеживать в телекоммуникационных сетях распространение и использование запрещенного контента» [11, с. 285].

Соответственно, как отмечают эксперты, сегодня новые технологии используются в ОВД для проведения различных мероприятий и следственных действий. Также их активно применяют в мероприятиях для противодействия преступности, в частности: для

составления психологических и иных характеристик преступников (в том числе портретных), когда для этого имеется достаточное количество данных; создания фотороботов в процессе розыска преступников; выявления поддельной документации; при отслеживании и трассировке интернет-трафика подозреваемых лиц в телекоммуникационных сетях; для расшифровки сложных шифров и кодов, которые используются злоумышленниками [12, с. 10].

В настоящее время происходит активное внедрение достижений информтехнологий, в том числе в процессе расследования преступных посягательств, что позволяет практическим работникам обладать колоссальными возможностями по использованию технологий, функционирующих на основе искусственного интеллекта, для борьбы с преступностью [13, с. 43]. Как правило, деятельность следователя в процессе расследования уголовных дел является чрезвычайно кропотливой и многогранной, направленной в первую очередь на установление всех обстоятельств совершенных общественно опасных деяний и достижение истины по расследуемому им делу.

В качестве основного инструментария в данном виде деятельности выступает разработанный учеными-криминалистами комплекс технических средств, а также тактических и методических приемов по расследованию противоправных деяний. И, как отмечают отечественные эксперты, современную криминалистику отличает высокая восприимчивость к технологиям, которые могут являться полезными для выявления и раскрытия различных преступных проявлений. В этой связи совершенно очевидно, что изучение возможностей перспективного применения анализируемых технологий в рассматриваемой деятельности в дальнейшей перспективе представляет большой интерес [41, с. 47].

При этом для сохранения эффективности правоохранительной деятельности очень важно, чтобы накопленный положительный опыт в сфере использования новых технологий в деятельности ОВД и слаженность действий не только ставились во главу угла, но и получали дальнейшее развитие. В случае неправильных подходов работа по использованию новых технологий в процессе обеспечения правоохранителей необходимыми информационными данными может претерпеть неблагоприятные изменения. И, как полагают отечественные эксперты, потенциалы данных технологий вне всякого сомнения должны применяться таким образом, чтобы это позволило наиболее эффективно реализовывать возложенный на правоохранителей функционал, но не в противовес имеющейся системе [15, с. 32].

Кроме того, стоит отдельно отметить, что развитие действующих сегодня и разработка более новых технологий сможет оказать только положительное воздействие на работу сотрудников МВД России, которым приходится постоянно находить новые методы раскрытия и расследования преступлений, а также в целом противодействовать преступным проявлениям в постоянно изменяющихся условиях внешней агрессивной среды. В том числе анализируемые технологии вне всякого сомнения в дальнейшем позволят отечественным правоохранителям более эффективно оценивать исходные информационные данные по уголовным делам в процессе выдвижения различных следственных версий, а также определять основные направления для их проверки.

Немаловажным в рассматриваемых вопросах также является учет позиции отечественных экспертов, по мнению которых «при совершенствовании системы информационного обеспечения МВД России чрезвычайно актуальным является развитие и внедрение не только технологий искусственного интеллекта, но также: сетей по передаче данных, кабельных и радиоканалов; аппаратного обеспечения для различных уровней руководства, управления и исполнителей, усовершенствованных полицейских робототехнических систем; информационно-аналитических систем по поддержке принятия решений сотрудниками МВД России; навигационного и геоинформационного обеспечения подразделений МВД России» [16, с. 15].

Отдельно хотелось остановиться и на проблемных вопросах внедрения рассматриваемых технологий в деятельность МВД России. Так, в частности, экспертами отмечаются следующие сложности, связанные с использованием рассматриваемых технологий, среди которых в первую

очередь следует отметить: «вопросы программирования искусственного интеллекта (просчеты программистов и ошибки в составлении алгоритмов; вопросы результатов и выводов, полученных искусственным интеллектом (интерпретация результатов в условиях, когда затруднен или невозможен перевод на язык, понятный человеку, глубинных процессов аналитики; вопросы действия людей, принимающих решения на основе информации искусственного интеллекта, а также автоматизированных робототехнических устройств, управляемых искусственным интеллектом» [17, с. 21].

При этом, как справедливо отмечают отечественные эксперты, наиболее выраженными проблемами по внедрению искусственного интеллекта являются «не только отсутствие информационной и технологической инфраструктуры, нехватка квалифицированных кадров, а также проблемы в законодательстве, которые следует разделить на проблемы формы (выражающиеся в отсутствии логически четкой и понятно выстроенной системы законодательных и подзаконных правовых актов в указанной теме, которая предусматривала бы в основе правового регулирования минимальное количество базовых законов с последующим развитием в подзаконных актах) и проблемы содержания, связанные с отдельными направлениями применения данных технологий в государственном управлении в целом и в частности в правоохранительных органах, требующих правовой конкретики и четкой регламентации» [18, с. 183], в том числе характеристика данной технологии как субъекта права, определение ее правового статуса и важность использования искусственного интеллекта в сфере госуправления.

Автор также полностью солидарен с отечественными специалистами, которые полагают, что использование технологий по искусственному интеллекту не позволит полностью заменять сотрудников МВД России, робототехника не составит конкуренцию людям, лишь только облегчит их деятельность в каких-то областях. Деятельность сотрудников МВД России во многом построена на межличностных взаимоотношениях, тогда как робототехника обладает способностью гибкого мышления и индивидуального подхода к решению различных вопросов, она функционирует строго по заданным алгоритмам действий. Применять робототехнику в деятельности МВД России возможно, осуществляя работу по правовому контролю, при проведении различного рода экспертных оценок и экспертиз, в тех сферах, где можно задать определенную программу, и робототехника ее успешно выполнит [19, с. 29].

В дальнейшем необходимо активизировать работу по обмену знаниями, технологиями и эффективными методами противодействия преступности и укреплять международное сотрудничество в рассматриваемом направлении. Так, например, в Объединенных Арабских Эмиратах в г. Дубае с 2017 года исполняет служебные обязанности сотрудник полиции робот. По мнению специалистов, к 2030 году порядка 25% штатной численности полицейских в этой стране будет из роботов-полицейских. В частности, по прогнозам властей к этому времени могут даже открыть участок полиции, который полностью будет состоять из роботов-полицейских [20].

В китайском городе г. Ханьдань к служебным обязанностям приступили роботы-полицейские, оснащенные технологиями с использованием искусственного интеллекта. Каждый из роботов имеет свою специализацию: патрулирование улиц, работа при возникновении ПДД, предоставление необходимых информационных данных сотрудникам полиции. Роботы-патрульные, оснащенные автоматическими навигационными системами, смогут осуществлять деятельность по идентификации номерных знаков автомобильного транспорта, контролю во время перехода гражданами проезжих частей в неположенном месте, предупреждая их об этом. Кроме того, роботы способны предоставлять информацию о ПДД, их оснащают базами данных, помогающих определять, находятся ли проверяемые лица в розыске. Они также могут оказывать помощь полицейским в случаях оказания сопротивления правонарушителями [21]. В настоящее время существует уже немало подобных примеров использования робототехники на службе полицейских структур.

Между тем ряд законодательных пробелов в нашей стране не позволяет в настоящее время приступить к использованию роботов в качестве патрулирования территории, как

это уже происходит за рубежом вместо сотрудников полиции [22, с. 115]. Сложными также представляются вопросы развития и внедрения анализируемых технологий в МВД России, связанные с «совершенствованием аппаратно-программного комплекса средств информационно-аналитического обеспечения» [23, с. 15].

Также следует согласиться с отечественными экспертами, утверждающими, что в настоящее время, располагая огромными базами данных с различной информацией, которая находится на серверном оборудовании МВД России, совершенно не эффективно использование электронных баз данных в пассивном режиме – делая запросы и получая ответы. Электронные системы с введенными в них информационными данными должны не только их обобщать, но и анализировать. Кроме того, как полагают специалисты, следует мониторить информацию, поступающую с веб-камер, которые установлены в любом месте страны [24, с. 124]. К примеру, браузер компании Яндекс пользуется нейронными сетями, чтобы обучать собственные поисковые системы, которые научились адаптироваться под конкретных пользователей и, используя их предпочтение, могут выдавать релевантные результаты. К активному использованию нейросетей также стремится ведущая компания, внедряющая новейшие технологии, – Google. Используя специальные алгоритмы и нейронные сети, в этой компании смогли сделать мгновенный переводчик текстов, работающий в онлайн-режиме. При помощи нейросети происходит обработка каждого знака, а затем системой они мгновенно превращаются в слова и предложения.

Рассмотрение примеров внедрения технологий по искусственному интеллекту в МВД позволяет сделать вывод о том, что за 50-летнюю историю технологии искусственного интеллекта превратились из концептуальной научной теории в практическую возможность принятия техническими устройствами интеллектуальных, обдуманных и независимых решений. При этом важно отметить, что рассматриваемые технологии являются технологиями, имеющими совершенно новый уровень, и объединяют в себе не только технические составляющие, но также и когнитивные, которые позволяют им приблизиться к имитации человеческого разума. В то же время при определенных условиях новые технологии вполне могут целиком прийти на помощь сотрудникам ОВД.

Сегодня уже происходит активное внедрение правоохранителями данных технологий в целях мгновенного распознавания лиц, которые находятся в розыске или подозреваются в совершении преступлений, посредством идентификации внешности людей, номеров автомобилей, мониторинга соцсетей. Рассматриваемый интеллект также востребован для работы с большими массивами данных, в частности статистической информацией, подготовкой докладов, справок, информационных материалов. Кроме того, эти технологии возможно и необходимо применять в оперативно-розыскной деятельности, уголовных расследованиях, борьбе с терроризмом и др. Также немаловажно стремиться к тому, чтобы инновационные технологии не внедрялись с большими опозданиями, а в целом инновационная деятельность в МВД России соответствовала бы общемировым тенденциям и динамике. В этой связи важно отметить, что «в Законе "О полиции" специально отмечено, что полиции своей работе в обязательном порядке следует использовать достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру» [25].

Таким образом, в настоящее время подразделениями МВД России реализуются многочисленные задачи, решать которые вполне вероятно можно было бы при помощи более широкого внедрения и дальнейшего использования рассматриваемых систем и технологий, причем немаловажно, чтобы данная работа носила системный характер. Применение данных технологий вне всякого сомнения оказывает положительное воздействие на эффективность профессиональной деятельности сотрудников МВД России. Поэтому в дальнейшем также существует острая необходимость прогрессивного исследования более широкого внедрения информтехнологий в сферу борьбы с преступностью.

1. Минько Н.С. Проблемы правовой регламентации использования искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни // Бизнес. Образование. Экономика: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1-2 апреля 2021 г. / редколлегия: В.В. Манкевич [и др.]. – Минск: Государственное учреждение образования «Институт бизнеса Белорусского государственного университета», 2021.
2. Конференция по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 21.11.2023).
3. Россия и Белоруссия могут создать совместную стратегию развития искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // URL: <https://ai.gov.ru/mediacenter/rossiya-i-belorussiya-mogut-sozdat-sovmestnuyu-strategiyu-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta/?ysclid=lov51mh6k4480303152> (дата обращения: 21.11.2023).
4. Кобец П.Н. Национальная стратегия искусственного интеллекта на период до 2030 года – отправная точка в сфере правового регулирования данных процессов в Российской Федерации // Правовое и этическое регулирование роботизации и внедрения искусственного интеллекта (ИИ): материалы науч.-практ. конф. с международным участием, Владимир, 18 марта 2022 г. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2022.
5. Маслов Н.В. Современный подход в применении специальных знаний в уголовном процессе при производстве судебных экспертиз // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сб. науч. тр. IX ежегодной всероссийской конф. / под ред. О.В. Химичевой, 2020.
6. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. № 3.
7. Информационная система биометрических учетов (ФИСБУ) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 21.11.2023).
8. Вехов В.Б. Автоматизированные методики расследования преступлений как новое направление в криминалистической технике // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2.
9. МВД внедрит нейросети для поиска серийных убийц и создания «фотороботов» [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/11/2020/5fae6ad49a79470ca94aff66 (дата обращения: 21.11.2023).
10. МВД планирует использовать искусственный интеллект для поиска преступников и составления «фоторобота» по ДНК [Электронный ресурс] // URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/413837-mvd-planiruet-ispolzovat-iskusstvennyy-intellekt-dlya-poiska-prestupnikov> (дата обращения: 21.11.2023).
11. Тингаева Н.В. К вопросу о необходимости использования сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в образовательных организациях, осуществляющих подготовку специалистов для оперативных подразделений органов внутренних дел // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – М., 23 октября 2020 г. / под общ. ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020.
12. Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2.
13. Скобелин С.Ю. Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Рос. следователь. 2020. № 4. DOI 10.18572/1812-3783-2020-4-42-44.
14. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2 (104).
15. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3(38).

16. Тепляков С. В. Перспективные инновации в МВД России // Актуальные исследования. 2021. № 4 (31).

17. Агеев В.В. Большие данные и искусственный интеллект на службе полиции // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 30 октября 2019 г. / отв. за выпуск В.О. Лапин. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019.

18. Волкова И.С. Правовые основы использования искусственного интеллекта и его применение в правовых подразделениях системы МВД России // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23 октября 2020 г. / под общ. ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020.

19. Бецков А.В., Лукашов В.Н. О разработке проекта концепции использования технологий искусственного интеллекта в системе МВД России // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 23 октября 2020 г. / под общ. ред. И.Г. Чистобородова, А.Л. Ситковского, В.О. Лапина. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020.

20. Робокон на службе [Электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2017/05/24/nasluzhbu-v-policiu-dubai-zastupili-robokopy.html?ysclid=kzcg05nvi1> (дата обращения: 21.11.2023).

21. В Китае запустили роботов-полицейских [Электронный ресурс] // URL: <https://hightech.fm/2019/08/09/police> (дата обращения: 21.11.2023).

22. Кобец П.Н. Совершенствование правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2023. № 3 (106).

23. Павличенко Н.В. Правовое и организационное обеспечение внедрения технологий искусственного интеллекта в систему МВД России // Искусственный интеллект на службе полиции: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27 мая 2021 г. – М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021.

24. Гордеев А.Ю. Перспективы развития и использования искусственного интеллекта и нейросетей для противодействия преступности в России (на основе зарубежного опыта) // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53).

25. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе:

*П.Н. Кобец, главный научный сотрудник
центра организационного обеспечения
научной деятельности,
доктор юридических наук, профессор*

About the author:

*P.N. Kobets, Chief Researcher of the center for
organizational support of scientific activities,
doctor of law, professor*

Статья поступила в редакцию 16.11.2023

Научная статья

УДК 343.98

doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-169-174

СТАРОСТИН КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ

Экспертно-криминалистический центр МВД России
(Москва, Россия)

ПРАКТИКА ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ МАЛОЙ МОЩНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена практике производства взрывотехнических экспертиз, объектами которых являются различные взрывные устройства малой мощности. В статье рассматривается проблематика отнесения такого типа объектов к категории взрывных устройств, установления наличия у них взрывчатых свойств. Рассмотрены правовые основы отнесения объектов малой мощности к взрывным устройствам либо имитационно-пиротехническим средствам, за оборот которых не предусмотрена уголовная ответственность. Статья подготовлена на основании анализа экспертной практики по наиболее часто встречающимся типам взрывных устройств малой мощности, полученной из 10 ЭКП территориальных органов МВД России. Указаны основные этапы исследования взрывных устройств малой мощности, получаемая в результате их проведения криминалистически значимая информация, а также результаты экспертизы в форме выводов. Рассмотрены основные вопросы, ставящиеся на разрешение взрывотехнической экспертизы по указанным объектам с целью установления их общественной опасности и поражающих свойств. Выявлена проблематика, возникающая при техническом исследовании взрывных устройств малой мощности с целью инициирования их взрывчатого превращения и фиксации результатов взрыва, а также сложность и неопределенность в формулировании выводов взрывотехнической экспертизы. Обозначена проблема отсутствия единообразия экспертного исследования взрывных устройств малой мощности.

Ключевые слова и словосочетания: взрывное устройство, взрывотехническая экспертиза, взрыв, поражающее действие

Для цитирования: Старостин К.Д. Практика экспертного исследования взрывных устройств малой мощности // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 169-174; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-169-174

STAROSTIN KONSTANTIN D.

Expert and Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia)

PRACTICE OF EXPERT RESEARCH OF LOW POWER EXPLOSIVE DEVICES

Annotation. The article is devoted to the practice of conducting explosive technical examinations, the objects of which are various low-power explosive devices. The article discusses the problems of classifying this type of object as an explosive device and establishing whether it has explosive properties. The legal basis for classifying low-power objects as explosive devices or imitation pyrotechnic means, the circulation of which does not provide for criminal liability, is considered. The article was prepared based on an analysis of expert practice on the most common types of low-power explosive devices, obtained from 10 forensic departments of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The main stages of the study of low-power explosive devices, the forensically significant information obtained as a result of their implementation, as well as the results of the

examination in the form of conclusions are indicated. The main issues raised for the resolution of explosives examination of these objects are considered in order to establish their social danger and damaging properties. The problems that arise during the technical study of low-power explosive devices with the aim of initiating their explosive transformation and recording the results of the explosion, as well as the complexity and uncertainty in formulating the conclusions of explosive testing, have been identified. The problem of lack of uniformity in expert research on low-power explosive devices is identified

Key words and word combinations: explosive device, explosives examination, explosion, lethal effect

For citation: Starostin K.D. Practice of expert research of low power explosive devices // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – No. 4 (68). – P. 169-174; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-169-174

Энергия взрыва используется для совершения различных преступлений, в том числе против государства и общества, против жизни и здоровья человека. С помощью взрывных устройств (далее – ВУ) и взрывчатых веществ (далее – ВВ) совершаются террористические акты, убийства, наносится тяжкий вред здоровью, повреждается и уничтожается имущество. При этом поражающее действие данного типа объектов в подавляющем большинстве случаев ненаправленное, приводящее к нанесению ущерба заведомо неопределенному кругу лиц, не причастных к объекту преступного посягательства. Неосторожное обращение с ВВ и ВУ, нарушение правил их производства, хранения, транспортировки влекут за собой несанкционированные взрывы с указанными выше последствиями. В связи с этим оборот ВВ и ВУ жестко регламентируется и контролируется, а незаконный оборот предусматривает, в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, ответственность по следующим статьям:

- незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222.1 УК РФ);
- незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств (ст. 223.1 УК РФ).

При этом ни в самом кодексе, ни в иных нормативных документах не вводится градация по поражающему действию данных объектов, суммарному количеству ВУ и/или массе ВВ, подобно градации на значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных препаратов (используемый для целей ст. 228.1, 229, 229.1 УК РФ). Однако указанные количественные характеристики напрямую влияют на степень опасности, возникающей при несанкционированном применении (взрыве) и/или угрозе применения (террористической угрозе) ВУ и ВВ.

ВУ по результатам проведения взрывотехнической экспертизы в системе МВД России признаются изделия, предназначенные и способные к взрыву при определенных условиях. Необходимым признаком ВУ является наличие в его составе ВВ. Достаточными признаками являются такие, которые определяют способность устройства к преднамеренному взрыву в конкретных условиях. При этом «определенные условия» для инициирования взрыва ВУ специально не оговорены и не обозначены, а подбираются экспериментальным путем, на основании анализа специализированной литературы и применения экспертного опыта.

Объекты, обладающие невысоким поражающим действием, в том числе малые количества ВВ, инициирование взрыва которых представляет существенные трудности даже в специальных условиях испытания в рамках производства взрывотехнической экспертизы, представляют меньшую угрозу для жизни и здоровья человека, что учитывается участниками судебного процесса в ходе вынесения обвинительного приговора. Для установления количественных характеристик объектов взрывотехнической экспертизы инициатором экспертизы обычно ставятся вопросы следующего содержания:

- какова масса взрывчатого вещества?

- каково поражающее действие представленных объектов?
- какова область применения/целевое назначение представленного взрывчатого вещества/взрывного устройства?

Практика экспертно-криминалистических подразделений в 10 регионах Российской Федерации, проанализированная на основании 116 заключений взрывотехнической экспертизы, показала, что при исследовании объектов малой мощности вопрос о массе ВВ ставится в 13% случаев. Но даже, если данный вопрос не поставлен напрямую, эксперты приводят ее в выводах самостоятельно, избегая последующих допросов либо назначения им дополнительных экспертиз, целью которых является только указание массы ВВ.

Прямой вопрос о характере поражающего действия ставится реже, только в 5% случаев. Однако в экспертной практике сложился подход к формулированию достаточно подробных выводов при ответе на стандартный вопрос: «Если представленный объект является взрывчатым веществом/взрывным устройством, то каким именно?». В ответах указывается не только тип, модель, марка вещества или изделия, но и краткая характеристика области применения/целевого назначения объекта (напрямую подобные вопросы были заданы в 10% постановлений о назначении экспертизы), предназначенности его для поражения целей (живой силы, техники) либо для другого применения: для имитации разрыва гранаты, тренировки личного состава, проведения спортивных военно-тактических игр.

Таким образом, вопрос о поражающем действии объекта взрывотехнической экспертизы ставится, в явном или неявном виде, при назначении взрывотехнической экспертизы.

Взрывные устройства малой мощности. Среди объектов взрывотехнической экспертизы имеется группа ВУ военного назначения, предназначенная для имитации разрыва различных боеприпасов при обучении личного состава. Объекты, имитирующие разрыв ручных гранат и иных подобных объектов (например, взрывпакеты), содержат в своем составе дымный порох, который взрывается в режиме высокоскоростного горения, но не в режиме детонации, а поэтому не обладают бризантным и существенным осколочным действием (наблюдается только разлет фрагментов бумажного корпуса).

рис. 1. Цилиндрический взрывпакет

Законодатель стремится снять ответственность за оборот указанного типа объектов, указав в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», что «имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к взрывчатым веществам и взрывным устройствам».

Данная рекомендация не обращена на прямую к экспертам, поэтому в заключении экспертизы данные объекты классифицируются как ВУ, содержащие в своем составе ВВ. Кроме того, указанное постановление Пленума не определяет само понятие «имитационно-пиротехническое средство» и не дает ссылки на иные нормативные или технические документы, в которых оно было бы указано, оставляя свободу для его трактовки экспертом и участниками судебного процесса.

рис. 2. Высотные пиротехнические шары

Среди объектов взрывотехнической экспертизы также встречаются пиротехнические изделия гражданского оборота, используемые в развлекательных целях (петарды, высотные шары и пиротехнические звезды небольшого размера), которые также содержат в своем составе ВВ, обладают фугасным и термическим поражающими действиями, т.е. имеют очевидное сходство с указанными выше имитационно-пиротехническими средствами, однако находятся в свободном обороте.

К другому типу ВУ малой мощности относятся средства для спортивных военно-тактических игр («страйкбол», «пейнтбол»), представляющие собой муляжи ручных гранат, гранат для подствольного гранатомета и т.п., которые предназначены для обучения личного состава навыкам обращения с данным типом боеприпасов, имитируют их срабатывание и «обозначают» поражение цели. Изделия содержат в своем составе пиротехнические составы (которые относятся к соответствующему классу ВВ), срабатывают со звуковым эффектом, дроблением корпуса (обычно изготовленного из полимерного материала) и разлетом его фрагментов. Такие изделия сертифицируются и допускаются к применению на специально отведенных площадках, при использовании соответствующего защитного снаряжения.

рис. 3. Страйбольная граната типа «Ф-1»

рис. 4. Страйбольная граната типа «RGD-5»

до экспериментального подрыва (слева) и после него (справа)

Анализ экспертной практики. Анализ экспертной практики показал, что исследование объектов малой мощности проводится в соответствии с типовыми методиками «Исследование изъятого предмета (изделия) в целях установления принадлежности (непринадлежности) к взрывным устройствам» и «Исследование изъятого объекта на предмет принадлежности (непринадлежности) к взрывчатым веществам».

Вначале анализируются внешний вид и конструкция объекта, материал корпуса и составных частей, массогабаритные характеристики объектов, наличие на их поверхности маркировочных обозначений. Производится их сопоставление с данными, содержащимися в технической либо справочной документации, в некоторых случаях – с образцами натуральных коллекций.

На втором этапе проводится химическое исследование вещества снаряжения объектов и устанавливается их принадлежность к ВВ. Данные исследования проводятся стандартными методами, с использованием имеющегося в распоряжении практически всех экспертно-криминалистических подразделений аналитического оборудования, и не вызывают существенных затруднений.

Завершающим этапом экспертного исследования является установление пригодности объектов к производству взрыва путем проведения экспериментального подрыва. Анализ заключений показал, что его осуществляют только в половине случаев. При этом условия проведения экспериментального подрыва, как правило, не позволяют

выявить и зафиксировать качественные и количественные характеристики поражающего действия ВУ, ограничивая эксперта только в установлении непосредственно факта взрыва (звукового эффекта, разрушения корпуса ВУ с разлетом его осколков и пр.).

Взрывотехнический эксперимент не проводится либо в связи с отсутствием соответствующих условий для проведения взрывных работ, либо в связи с уверенностью эксперта в том, что иных проведенных исследований достаточно для формулирования вывода.

Анализ выводов показал использование различных формулировок по отношению к объектам малой мощности, например:

- взрывное устройство;
- взрывное устройство малой мощности;
- взрывное устройство с низким поражающим действием;
- взрывное устройство фугасного действия;
- взрывное устройство, срабатывающее с эффектом взрыва;
- взрывное устройство, не предназначенное для поражения целей;
- имитационно-пиротехническое средство.

Таким образом, наблюдается значительное разнообразие в описании экспертами поражающего действия и/или опасности данных объектов, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к нему. Еще больше данную проблему иллюстрирует тот факт, что по одному и тому же типу объектов различными экспертами (даже работающими в одном территориальном подразделении в различные годы) могут быть даны различные выводы. Также возникает вопрос о возможности использования словосочетания «эффект взрыва» в целях указания на незначительное поражающее действие объекта, отсутствие у него взрывчатых свойств, позволяющих классифицировать объект как ВУ или ВВ. Такое определение отсутствует среди терминов и определений, применяемых при производстве взрывотехнической экспертизы, и не рекомендуется к употреблению, однако используется экспертами в тех случаях, когда они вполне обоснованно сомневаются в наличии такого поражающего действия, которое может привести к травмам/гибели лиц, повреждению или разрушению имущества.

Вывод. Анализ экспертной практики по исследованию объектов малой мощности показал наличие проблемы в отсутствии единого подхода к отнесению их к категории «взрывные устройства» либо «имитационно-пиротехнические средства», к указанию в выводах эксперта их поражающего действия. Выявленные различия в выводах приводят к ситуациям, в которых одни и те же объекты разными экспертами относятся к либо к категории объектов, незаконный оборот которых преследуется ст. 222.1 и 223.1 УК РФ, либо к объектам, которые срабатывают с «эффектом взрыва» и ВУ не являются. При этом различие в выводах экспертов связано с отсутствием как в правовых документах, так и в методическом обеспечении взрывотехнической экспертизы единого подхода к определению количественных характеристик взрывчатого превращения и поражающего действия объектов исследования. Данная проблема требует теоретической проработки и проведения практических исследований с целью формирования единого подхода к исследованию объектов малой мощности при производстве взрывотехнических экспертиз.

Библиографический список.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023).
2. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2005 № 5 (ред. от 11.06.2019).

3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / под ред. А.Ю. Семенова; общ. ред. канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2012.

4. Словарь основных терминов взрывотехнической экспертизы / Прозоров А.А., Стецкевич А.Д., Мартынов В.В. [и др.]. – М.: ЭКЦ МВД России, 1998.

Информация об авторе:

К.Д. Старостин,
старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований

About the author:

K.D. Starostin,
Senior Researcher, Department of Scientific Research for Special Types of Expertise and Expert-Forensic Support for Combating Drug Crimes, Directorate of Scientific Research

Статья поступила в редакцию 15.11.2023

АБДУРАХМАНОВ АЛЕКСАНДР АМАНГЕЛЬДЫЕВИЧ

Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)

5680310@mail.ru

АДМИРАЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России¹,

Государственный университет управления² (Москва, Россия)

irina_adm@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУПП, СФОРМИРОВАННЫХ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

Аннотация. Статья посвящена криминалистическим проблемам расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами, сформированными на этнической основе. Анализируются причины и особенности кризисного состояния сферы общественных отношений, связанных с деятельностью организованной этнической преступности. Исследуются особенности расследования данной категории преступлений. Обосновывается особая значимость преодоления противодействия расследованию со стороны этнических организованных преступных формирований. Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию методики расследования преступлений, совершаемых организованными этническими формированиями.

Ключевые слова и словосочетания: криминалистическая методика, расследование преступлений, этническая преступность, организованные преступные группы, миграция

Для цитирования: Абдурахманов А.А., Адмиралова И.А. Некоторые проблемы расследования преступлений организованных преступных групп, сформированных на этнической основе // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 175-180; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-175-180

ABDURAHMANOV ALEKSANDR A.

Belarusian state university (Minsk, Belarus)

ADMIRALOVA IRINA A.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia¹, State University of Management²
(Moscow, Russia)

SOME PROBLEMS OF INVESTIGATING CRIMES, ORGANIZED CRIMINAL GROUPS FORMED ON AN ETHNIC BASIS

Annotation. The article is devoted to the criminalistic problems of investigating crimes committed by organized criminal groups formed on an ethnic basis. The causes and features of the crisis in the sphere of public relations related to the activities of organized ethnic crime are analyzed. The features of the investigation of this category of crimes are investigated. The special importance of overcoming the opposition to the investigation by ethnic organized criminal groups is substantiated. Conclusions and suggestions on improving the investigation of crimes committed by organized ethnic groups are formulated.

Key words and word combinations: criminalistic methodology, crime investigation, ethnic crime, organized criminal groups, migration

Современный период развития российского общества и государства характеризуется комплексом явлений, которые по сути представляют собой проекции тех или иных событий административно-политической и социально-экономической турбулентности в современном мире. Одним из кризисных направлений в развитии отечественных государственно-общественных институтов на сегодняшний день уверенно можно назвать проблематику, связанную с неконтролируемыми миграционными потоками в Российскую Федерацию граждан государств Центрально-Азиатского региона и непосредственно связанным с ними всплеском преступлений, как правило, тяжких, в том числе совершаемых организованными этническими криминальными формированиями [1, с. 13].

Непоследовательная миграционная политика, отсутствие принципиальной и жёсткой позиции в вопросах соблюдения даже тех минимальных требований, которые предъявляются к мигрантам на территории России, непринятие по-настоящему действенных мер к лицам, помогающим мигрантам обойти законодательно установленные цензы, – вот лишь немногие из причин, обусловивших не только формирование на территории Российской Федерации повышенного уровня преступности иностранных граждан из числа так называемых трудовых мигрантов, но активное создание организованных преступных групп, сформированных на этнической основе.

Отдельно в архитектонике причинно-следственного комплекса формирования организованной этнической преступности следует отметить многочисленные факты придания субъектности национальным диаспорам, имеющим в Российской Федерации различные организационно-правовые формы, которые регулярно привлекаются отдельными представителями российских властных структур в качестве посредников в разрешении конфликтов, связанных с преступным поведением мигрантов соответствующей национальной или государственной принадлежности. Тем самым детерминируется роль диаспор в

качестве центра притяжения этнического криминала.

Проблематика расследования преступной деятельности формирований, организованных на этнической основе, представляет собой систему взаимосвязанных практических вопросов, актуальность которых возрастает с каждым годом. Преступления на этнической основе могут иметь разрушительные последствия для отдельных лиц, семей, сообществ и самой структуры общества. Для многих государств, в том числе Российской Федерации, преступная деятельность криминальных этнических формирований – организованных преступных групп и сообществ – превратилась в серьёзную проблему, зачастую угрожающую самим основам государственного и общественного устройства в силу проникновения этнического криминала в структуры государственной власти.

В ряде государств, в частности в Республике Беларусь, проявления криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ пока не носят настолько опасного и всеобъемлющего характера. Вместе с тем существующие в мире тенденции широкого развития этнического криминала и укрепление им своих позиций в общемировом масштабе закономерно обуславливают необходимость превентивного усовершенствования методики расследования преступной деятельности. Можно констатировать, что эффективное расследование криминальной деятельности преступных организованных групп и сообществ, сформированных по этническому принципу, не только обусловлено политической волей государственно-общественных институтов, но и прямо пропорционально зависит от степени разработанности и адаптивного потенциала методики расследования криминальных проявлений подобных групп.

Очевидно, что перманентное совершенствование такой методики невозможно без научно-практической составляющей, обеспечивающей не только сводный функционал относительно накопленного в данной сфере общественных отношений правоохранительного опыта, но и

синтезирующей на его основе и на базе достижений теории криминалистики качественно новые подходы к решению указанных выше проблем.

Следует также отметить, что актуальность синергетического подхода к исследованию проблем этно-криминальной деятельности предопределяется тем фактом, что формирование устойчивых этнических организованных преступных групп и сообществ характерно для этносов с сохраняющейся внутренней родоплеменной архитектурой. Это неизбежно влечёт за собой повышенное значение родственных связей, этнической принадлежности, общности языка, культуры, что, в свою очередь, создаёт объективные трудности в реализации следственных и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступных деяний, совершаемых группами, сформированными и объединёнными по этническому принципу.

Актуальность проблемы определяется недостаточностью специализированных исследований проблем расследования преступлений иностранных граждан, которая сочетается со значительными трудностями выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых как отдельными иностранцами, так и членами этнических преступных формирований. При расследовании данной группы преступлений правоохранным органам приходится преодолевать специфические защитные механизмы, основанные на консолидирующих факторах, детерминированных этнокультурными, этнопсихологическими, языковыми, религиозными основами. Указанными обстоятельствами обусловлена потребность органов уголовного преследования в использовании специальных познаний о закономерностях противодействия подобным негативным механизмам и разработке научно обоснованных криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений, совершаемых криминальными этноформированиями в современных условиях.

Изучение проблем, связанных с понятием и криминалистической характеристикой организованных этнических криминальных формирований и их преступной деятельности, закономерно предполагает опору на

научные и практико-ориентированные исследования специфики данной сферы общественных отношений [5]. Это позволяет спроецировать перспективные теоретические наработки и имеющийся опыт эмпирического изучения криминальных этноформирований на методическое сопровождение расследования преступлений, совершаемых членами этнических преступных организованных групп и сообществ на территории Российской Федерации и Республики Беларусь в современный период даже с учётом существенных различий. При этом для обеспечения нужного коэффициента полезного действия правоохранным органам необходимо уверенное владение знаниями об особенностях взаимоотношений внутри конкретной этноконфессиональной группы, представители которой организовали преступную группу или сообщество.

Фойгель Е.И. справедливо полагает, что изучение информации о межэтнических отношениях в механизме преступной деятельности, выявление закономерностей её формирования и проявления позволяют осуществить разработку приёмов по организации и осуществлению следственных действий и тактических комбинаций с участием представителей отдельных этносов [5].

При этом необходимо чётко понимать, что конечный продукт данной научной деятельности – практический инструментальный правоприменитель по использованию этнической информации в расследовании преступлений, связанных с деятельностью представителей отдельных этносов, а не выявление возможных гипотетических связей между этнической принадлежностью и уровнем криминализации конкретных этносов и этнических групп.

Исследование проблем расследования преступлений, совершаемых организованными этническими группами криминальной направленности, позволяет сделать вывод о том, что это одна из частных криминалистических методик, в основе которых лежит принцип организации групп по этническим, а не уголовно-правовым основаниям. В этом случае особое место занимает личность преступника, его отношение к тем или иным этногруппам, но при этом участники этнических преступных групп могут быть как гражданами Республики Беларусь, так

и лицами без гражданства и иностранными гражданами.

При выявлении и последующем расследовании преступлений, совершённых рассматриваемой категорией криминальных групп и сообществ, перед правоохранительными органами возникают сложности, выражающиеся в предпринимаемых действиях со стороны данных формирований, влияющие на изменения следственных ситуаций [4, с. 289]. Сказанное в полной мере справедливо и для Республики Беларусь.

Существенным с научно-прикладной точки зрения является вопрос о криминалистической характеристике этнической организованной преступной деятельности. По мнению В.Г. Рубцова, криминалистическая характеристика деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, представлена следующими элементами: состав и структура формирования – этнический состав, внутренние элементы формирования и связи между ними; особенности личности участников – социально-демографические особенности и этнические стереотипы поведения; направленность преступной деятельности – структура преступности, типы базовых и виды сопутствующих преступлений, их способы, объекты посягательств, средства совершения; типы преступной деятельности – территория действия, уровень организованности, мобильность; внешние связи формирования – криминальные (в том числе коррупционные), некриминальные (родственные, земляческие) связи [3, с. 154].

Вместе с тем анализ базисных аспектов криминалистической характеристики этнической организованной преступной деятельности позволяет судить о следующей её архитектонике: характерные черты деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ; структура этнических организованных преступных групп и сообществ, функции и типологические свойства участников; способы организованной преступной деятельности, специфика противодействия расследованию; обстановка осуществления этнической организованной преступной деятельности; условия, способствовавшие созданию этнических организованных преступных

групп и сообществ и совершению ими преступлений.

Изучение проблем противодействия расследованию криминальной деятельности этнической организованной преступной группы и сообщества даёт основание полагать, что это деятельность её членов и аффилированных с ними лиц, имеющая целью препятствование выявлению их преступной деятельности и производству предварительного расследования. Бирюков С.Ю. и Алексеева А.П. отмечают, что интенсивность попыток противодействия процессу раскрытия и расследования преступлений, совершённых преступными сообществами, в определённой степени обусловлена степенью организованности данных формирований. Другими словами, чем выше степень организации преступного сообщества, тем более эффективными, продуманными, упорядоченными и, следовательно, более опасными выглядят используемые им способы противодействия органам предварительного расследования [2, с. 116].

Преступное сообщество является подсистемой организованной преступности, занимающей наиболее высокое место в иерархии групповой преступности. Организация деятельности преступного сообщества зависит от широкого спектра обстоятельств. Для современных форм групповой преступности главной тенденцией выступает уход от общеизвестных принципов «воровского закона» в пользу криминальной идеологии, где во главу угла поставлены принципы накопления денег и власти.

В этнической организованной преступной деятельности применяются общие способы противодействия установлению истины и типичные для деятельности именно этнических организованных преступных групп и сообществ.

Противодействие расследованию выражается в давлении на свидетелей и обвиняемых, давших правдивые показания, в целях их изменения. Недопущение этого, защита указанных лиц от угроз, прямых посягательств на жизнь и имущество таких лиц, а также их близких – задача следователя, в производстве которого находится соответствующее дело.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о сущности противодействия расследованию в качестве правовой категории синергетического типа. Уяснить содержательную сторону такого

противодействия помогает криминалистическая характеристика организованной преступной деятельности, которая являет собой систему типовых сведений, раскрывающую закономерности и процессы совершения преступлений в форме этой деятельности. Структура противодействия расследованию объединяет комплекс элементов: субъект противодействия расследованию; цель, мотив противодействия расследованию; объект противодействия расследованию; время, место, обстановка противодействия расследованию; способ противодействия расследованию, его отражение в следах; результат оказанного противодействия.

Анализ научной литературы и обобщение правоохранительной практики позволяют сделать вывод, что противодействие как элемент этнической организованной преступной деятельности имеет свой способ осуществления, который включает все необходимые действия, каждое из которых складывается из множества операций.

В связи с этим можно констатировать, что расследование деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ невозможно без осуществления управленческой функции планирования, которая должна опираться на концептуальные принципы государственного управления и сочетаться с функциями прогнозирования.

Анализ проблем расследования преступлений, совершаемых организованными криминальными этноформированиями, даёт основание для вывода о том, что перспективы деятельности по выявлению, предупреждению, расследованию, раскрытию преступлений этнических организованных преступных групп и сообществ неразрывно связаны со следующими факторами: разработка научного аппарата; формирование организационных основ расследования преступлений этнических организованных преступных групп и сообществ; разработка тактики следственных действий; создание методик конкретных видов и групп преступлений этнических организованных преступных групп и сообществ; совершенствование методологии деятельности правоохранительных органов; проведение совместных научно-практических конференций и практико-ориентированных научных исследований по совершенствованию методов противодействия этнической преступности

и её отдельным формам; совершенствование методологии научных исследований в сфере противодействия преступности; внедрение современных знаний по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию этнических преступлений в учебный курс криминалистики.

Исследование научно-практических аспектов организованной преступной деятельности криминальных этноформирований, современных трендов и проблем криминалистической методики расследования данного вида преступлений позволило сделать следующие выводы:

1. В настоящее время этнические организованные преступные группы – это криминальные объединения, которые либо создаются на этнической основе (состоят из лиц одной или нескольких близких по происхождению национальностей), либо этнические организованные формирования, создающиеся и функционирующие за счёт лидерства и превалирования представителей того или иного этноса.

2. Сфера объективации организованной криминальной деятельности представляет собой сектор государственно-общественной жизнедеятельности, в которой этнические организованные преступные группы и сообщества реализуют противоправные действия. Узлом деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ является место систематической реализации базовых компонентов криминальной деятельности этноформирования, которое одновременно является местом концентрации криминалистически значимой информации о формально-содержательной стороне его противоправных действий. Выявление и раскрытие системы подобных узлов позволяет определить операционно-организационный центр этнических организованных преступных групп и сообществ. Проведение аналитической работы создаёт необходимый базис для комплексного применения совокупности следственных и оперативно-розыскных мероприятий на основе государственно-управленческих решений с целью осуществления предупредительно-пресекающей функции правоохранительной системы с учётом научно обоснованных криминалистических рекомендаций, а также позволяет обеспечить возможности документирования и доказывания фактов

криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ.

3. Противодействие расследованию криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ характеризуется вариативным сочетанием способов, составляющих систему традиционных или общекриминальных методик с приёмами, составляющими сугубый арсенал именно этнических объединений.

4. В систему компонентов, составляющих архитектуру криминалистической характеристики препятствования расследованию этнических организованных преступных групп и сообществ, входят: субъект, цель, мотив, объект, время, место, обстановка, способ и его отражение в следах, а также результат оказанного противодействия.

5. Противодействие расследованию криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ в рамках подготовительной, реализационной и маскировочной стадий носит дискретный характер. В связи с этим средства и методы нейтрализации противодействия имеют индивидуальное наполнение, обусловленное качественными характеристиками текущей следственной ситуации с индивидуальным набором специфических целей и задач, исполнителей, системой методов и приёмов.

6. Признаками криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ, принимаемыми в расчёт при возбуждении или объединении дел, являются: обнаружение в процессе осмотра места происшествия следов нескольких преступников; факты, указывающие на тщательное планирование преступления, высокий уровень технической и оружейной оснащённости; детальное распределение ролей в процессе совершения преступления; наблюдение за потерпевшим; нетривиальные каналы реализации полученных в ходе преступления ценностей, а также легализации денежных средств; сведения о наличии общих материальных средств, единой конфессиональной либо этнической принадлежности; мононациональный или моноконфессиональный состав руководства криминального формирования, межрегиональный либо транснациональный характер

деятельности преступной группы или сообщества; наличие информации о тесных контактах этнических организованных преступных групп и сообществ в СМИ и телеграм-каналах, осуществление различного рода провокаций в отношении органов предварительного расследования и их должностных лиц и др.

7. Особенности планирования расследования криминальной деятельности этнического характера обусловлены факторами содержания сведений, являющихся основой построения следственных версий, а также производства следственных действий; целесообразностью той или иной разновидности планирования; потребностью межгосударственных контактов в правоохранительной сфере; характеристиками места производства расследования криминальной деятельности этнических организованных преступных групп и сообществ.

1. Абдурахманов А.А. Правовые и организационные проблемы миграционной политики современной России // Современная трансформация молодежного экстремизма, идеологии терроризма и других информационных угроз: проблемы противодействия: сб. науч. тр.: междунар. науч.-практ. конф. (Домодедово, 19 октября 2022 г.). – Домодедово: ВИПК МВД России, 2022.

2. Бирюков С.Ю., Алексеева А.П. Криминалистические методы преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступным сообществом // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 4 (51).

3. Рубцов В.Г. Противодействие расследованию деятельности преступных формирований, организованных на этнической основе, и криминалистические методы его преодоления: монография / под ред. В.П. Лаврова. – М.: Юрлитинформ, 2011.

4. Смирнова О.Н. Некоторые аспекты следственных ситуаций и проблемы их разрешения при расследовании преступлений, совершаемых этническими группами // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2009. № 10.

5. Фойгель Е.И. Концептуальные основы криминалистического изучения этнических характеристик личности и практика их реализации в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2022.

Информация об авторах:

А.А. Абдурахманов, доцент кафедры криминалистики юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент

И.А. Адмиралова, профессор кафедры подготовки сотрудников полиции по охране общественного порядка и подразделений по вопросам миграции центра подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка¹, профессор кафедры частного права², доктор юридических наук, доцент

About the authors:

A.A. Abdurahmanov, faculty of law, associate professor of the department of criminalistics, PhD of law, sociate professor

I.A. Admiralova, professor of chair of migration service staff training of the police training center for public order protection¹, professor of the department of private law of the state university of management², doctor of law, associate professor

Статья поступила в редакцию 12.12.2023

КУЗОВЛЕВ ВЛАДИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России
(Московская обл., Россия)

forbreak@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО АППАРАТА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НЕЗАКОННАЯ НАРКОЛАБОРАТОРИЯ»

Аннотация. Статья посвящена проблемам этимологии криминалистической категории «незаконная нарколаборатория». Рассмотрены подходы к формулированию определения данной категории, принятые представителями научного сообщества Российской Федерации. Приводится критика отдельных, по мнению автора, неконструктивных подходов к формулированию данного определения. Представлены некоторые статистические данные о количестве выявленных на территории Российской Федерации органами внутренних дел лабораторий, в которых производились психоактивные вещества. Приводится анализ историографических аспектов данной криминалистической категории, в частности анализ нормативных правовых актов России и иных источников права XIX-XX вв. На основе выведенных закономерностей предлагается авторское определение данной категории.

Ключевые слова и словосочетания: химико-технологический процесс, химико-технологическая экспертиза, незаконная нарколаборатория, производство наркотиков, организованная преступная деятельность, наркопроизводство, оперативно-розыскная деятельность, следственные действия, психоактивные вещества, наркотические средства, психотропные вещества, предмет доказывания, установление обстоятельств производства психоактивных веществ

Для цитирования: Кузовлев В.Ю. К вопросу о формировании понятийно-терминологического криминалистического аппарата семантического поля «незаконная нарколаборатория» // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 181-191; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-181-191

KUZOVLEV VLADISLAV Yu.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE CONCEPTUAL-TERMINOLOGICAL FORMINAL APPARATUS OF THE SEMANTIC FIELD «ILLEGAL DRUG LABORATORY»

Annotation. The article is devoted to the problems of etymology of the forensic category “illegal drug laboratory”. The approaches to formulating the definition of this category, adopted by representatives of the scientific community of the Russian Federation, are considered. Criticism of certain, in the author's opinion, unconstructive approaches to the formulation of this definition is provided. Some statistical data are provided on the number of laboratories identified on the territory of the Russian Federation by the internal affairs bodies in which psychoactive substances were produced. An analysis of the historiographical aspects of this forensic category is provided, in particular, an analysis of regulatory legal acts of Russia and other sources of law of the 19th-20th centuries. Based on the derived patterns, the author's definition of this category is proposed.

Key words and word combinations: chemical-technological process, chemical technological process, illegal drug laboratory, drug production, organized criminal activity, drug production, operational investigative activities, investigative actions, psychoactive substances, narcotic drugs, psychotropic substances, subject of proof, establishing the circumstances of the production of psychoactive substances

Проблема осуществления действенного противодействия противозаконному производству наркотиков чрезвычайно актуальна для современной России. Преступниками осуществляется лабораторное производство все новых и новых высокотоксичных субстанций, вызывающих моментальное привыкание даже при единократном потреблении. Подобные соединения, попадая в организм человека, вызывают негативные для здоровья последствия, вплоть до смерти. Особая токсичность подобных субстанций позволяет рассматривать их не только как наркотики, но и как оружие массового поражения. В настоящее время ни у кого уже не вызывает сомнения особая опасность мест их незаконного производства, число которых имеет негативную тенденцию к увеличению.

О подобной негативной тенденции сообщается и на международном уровне: по данным Управления ООН по наркотикам и преступности, за последние несколько лет в Российской Федерации резко возросло число выявляемых правоохранными органами так называемых «подпольных лабораторий», в которых с максимальной скрытностью и масштабным размахом производятся наркотики [1]. Сбыт (распространение) произведенных в них психоактивных наркотиков происходит посредством интернет-магазинов, организованных в сети Dark Net. Анализ статистики МВД России показывает, что на протяжении последних лет наблюдается динамика к увеличению выявляемых органами внутренних дел незаконных нарколабораторий, в которых масштабно производились синтетические психоактивные вещества. Подобные вещества распространяются по всей территории нашей страны.

Так, в 2017 году органами внутренних дел выявлено 105 подобных нарколабораторий, тогда как в 2018 году он оставался на том же уровне – 108, но по итогам 2019 года показатель вырос до 208, в 2020 – 256; в 2021 – 215; в 2022 – 231; а за 6 месяцев 2023 г. – 101. При этом из нарколабораторий изъято в 2017 году

2 295,96 кг синтетических психоактивных веществ, в 2018 – 2 082,66 кг, в 2019 – 2 134,6 кг, в 2020 – 6 465,41 кг, в 2021 – 7 587,48 кг, в 2022 – 5 111,75 кг, а за 6 месяцев 2023 г. из нарколабораторий изъято 5 111,75 кг наркотиков [2].

В целях осуществления действенного противодействия незаконному обороту наркотиков в нашей стране Президентом России подписан Указ, которым утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года. Реализация Стратегии осуществляется путем решения ряда задач, среди которых одной из основных обозначено совершенствование нормативно-правового регулирования оборота наркотиков. Общеизвестно, что основным источником российского права являются нормативные акты (законы и подзаконные документы), каждый из которых опирается на определенный понятийный аппарат, используемый в конкретной отрасли права. Так, например, Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» устанавливаются правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту в целях охраны здоровья граждан, государственной и общественной безопасности [3]. Статьей 1 данного Федерального закона установлены 32 основных понятия, составляющих используемый в данной отрасли права понятийный аппарат. По принципу соответствия данный понятийный аппарат в точности соотносится с терминологией международного права в сфере борьбы с их незаконным оборотом. Каждой из этих криминалистических категорий дано научное определение, отражающее сущность и содержание каждого понятия [4, с 26-37].

Одним из понятий уголовно-правовых отношений, характеризующих место производства психоактивных веществ, является «лаборатория» с уточнением «подпольная», указывающим на скрытность ее функционирования. Понятие

«подпольная лаборатория» в Российской Федерации законодательно не закреплено, хотя зачастую используется различными государственными структурами России (ФСБ, МВД, Генеральная прокуратура, Минздрав) в служебном документообороте. Так, в форме статистической отчетности МВД России «1-НОН», утвержденной приказом МВД России от 21 июня 2010 г. № 451 «Об утверждении форм статистической отчетности «1-НОН» и «5-2»», в разделе 126 (сведения о результатах работы по выявлению мест незаконного изготовления, производства и переработки наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ) предусмотрена позиция о выявлении специально оборудованных лабораторий для производства наркотических средств. Сведения о выявлении подобных «подпольных» нарколабораторий предусматриваются и в разделе 5 формы «1-НК», утвержденной приказом МВД России от 1 декабря 2016 г. № 782 «Об утверждении формы статистической отчетности о результатах деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России».

Исследуя семантическое значение слова «лаборатория», следует отметить, что оно происходит от латинского – *laboratorium, laboro(are)*, что в переводе означает «работать». Лаборатория, буквально – «место, где работают». На греческий язык «лаборатория» переводится словом *εργαστήριο* [читается, как *ergastírio*]. В русском языке слово появилось из немецкого (*das Labor* – существительное среднего рода) в начале XVIII в. Первоначально слово имело значение «место изготовления и хранения бомб» [5, с. 2]. С середины XVIII в. слово начинает употребляться в современном значении, т.е. «помещение, которое оборудовано специальным образом для опытов или экспериментальных исследований». В письмах и бумагах М. Ломоносова слово «лаборатория» встречается именно в таком значении. Позднее от слова «лаборатория» образуется производное слово «лаборант» в значении «работающий». Впервые это слово встречается в словаре 1804 года [6].

Толково-фразеологический словарь Михельсона это понятие формулирует как место, где происходит работа,

оборудование чего-либо, заведение для химических и металлургических работ [6]. Толковый словарь Даля трактует подобным образом, как заведение (то есть место: примеч. автора) для химических и металлургических работ; заведение для начинки орудийных снарядов [7].

Согласно общим криминалистическим подходам местом совершения незаконного лабораторного изготовления или производства наркотиков следует понимать то место, где происходили криминальные действия и наступили уголовные последствия. Таким образом, противозаконность нарколаборатории определяется фактом химико-технологического получения целевого наркотического средства, психотропного вещества или их прекурсора.

Впервые на международном уровне упоминание о лабораториях как о месте незаконного производства наркотиков отмечено в Докладе экономическому и социальному Совету о работе Комитета в 1969 году (п. 47, Документ № E/INCB/5) Международного комитета по контролю за наркотиками (МККН) Организации Объединенных Наций (ООН). В тексте документа содержится, в частности, следующее указание: «... складывается впечатление, что эта проблема (связанная с производством и потреблением опиума в Таиланде: прим. автора) обострилась ввиду увеличившегося потребления алкалоидов опиума и их производных в дополнение к потреблению опиума. Были обнаружены тайные лаборатории по производству героина, а в 1967 году количество конфискованного героина, находившегося в незаконном обороте, резко возросло до 226 кг, что в пять раз превышает среднюю цифру предыдущих лет» [8]. В тексте документа на английском языке содержится аутентичный перевод русскоязычного термина «тайные лаборатории» – «*clandestine laboratories*» [9]. В других, опубликованных позднее, официальных документах ООН при описании нарколабораторий аутентичность не соблюдается. Так, практически везде, где речь идет об изготовлении и производстве наркотиков в условиях нарколабораторий, встречаются разночтения их характеристик и применяется наименование «подпольная» (см. табл. 1).

Сравнительная характеристика терминологии аутентичных текстов

Таблица 1

Аутентичный текст			
Русский [10]	Английский [11]	Испанский [12]	Французский [13]
201. ... попытки организовать утечку или ликвидация <u>подпольных лабораторий</u> .	201. ... diversion attempts and the dismantling of <u>illicit</u> laboratories.	201. ... los intentos de desviación y el desmantelamiento de laboratorios <u>ilícitos</u> .	201. ... les tentatives de détournement ou le démantèlement de laboratoires <u>illicites</u> .
432. Комитет также обеспокоен поступающими в последнее время сообщениями о росте масштабов <u>подпольного</u> изготовления и оборота метамфетамина в Афганистане	432. The Board is also concerned about recent indications of growing <u>illicit</u> methamphetamine manufacture and trafficking in Afghanistan	432. Preocupan también a la Junta los indicios recientes del aumento de la fabricación y el tráfico <u>ilícitos</u> de metanfetamina en el Afganistán	432. L'OICS est aussi préoccupé par les indications récentes faisant état d'une augmentation de la fabrication et du trafic <u>illicites</u> de méthamphétamine en Afghanistan
510. .... Эти страны стремятся сократить незаконное предложение героина, метамфетамина и фентанила, проводя совместные мероприятия по выявлению и уничтожению <u>подпольных лабораторий</u>	510. ... Those three countries are trying to reduce the illicit supply of heroin, methamphetamine and fentanyl through joint investigative efforts and the destruction of <u>clandestine</u> laboratories	510. ... Esos tres países están intentando reducir la oferta ilícita de heroína, metanfetamina y fentanilos mediante la realización de investigaciones conjuntas y la destrucción de laboratorios <u>clandestinos</u>	510. ... Ces trois pays s'efforcent de réduire l'offre illi-cite d'héroïne, de méthamphétamine et de fentanyl en menant des enquêtes conjointes et en détruisant les laboratoires <u>clandestins</u> .
570 ... За последние 10 лет в многонациональном государстве Боливии ежегодно уничтожалось в среднем около 4 400 <u>подпольных лабораторий</u> по изготовлению кокаина; в 2018 году было ликвидировано в общей сложности 1 004 таких лабораторий, что примерно на 2 200 меньше, чем в 2017 году. Почти все ликвидированные <u>подпольные лаборатории</u> находились в департаментах Кочабамба и Санта-Крус. Хотя по сравнению с предыдущим годом в 2018 году было ликвидировано значительно меньше <u>подпольных лабораторий</u> по изготовлению кокаина, количество ликвидированных <u>подпольных лабораторий</u> по изготовлению кристаллического кокаина выросло на 33 процента, а лабораторий по переработке химических	570 ... Over the past 10 years, an average of about 4,400 <u>illicit</u> cocaine laboratories per year were dismantled in the Plurinational State of Bolivia; in 2018, a total of 1,004 <u>illicit</u> cocaine laboratories were dismantled, about 2,200 laboratories fewer than in 2017. Almost all dismantled clandestine laboratories were located in the departments of Cochabamba and Santa Cruz. While the number of dismantled <u>illicit</u> cocaine laboratories significantly decreased in 2018, compared with 2017, the number of dismantled <u>illicit</u> cocaine crystallization laboratories increased by 33 per cent, and the number of laboratories used for the recycling of chemicals used in the <u>illicit</u> manufacture of cocaine increased by 45 per cent	570. ... En los últimos 10 años, en el Estado Plurinacional de Bolivia se desmantelaron en promedio unos 4.400 laboratorios <u>ilícitos</u> de cocaína por año; en 2018, se desmantelaron un total de 1.004 laboratorios <u>ilícitos</u> de cocaína, unos 2.200 menos que en 2017. Casi todos los laboratorios clandestinos desmantelados se encontraban en los departamentos de Cochabamba y Santa Cruz. Si bien el número de laboratorios <u>ilícitos</u> de cocaína desmantelados disminuyó considerablemente en 2018 con respecto a 2017, el número de laboratorios de cristalización de cocaína desmantelados aumentó en un 33%, y el de laboratorios utilizados para reciclar	570. ... Ces dix dernières années, environ 4 400 laboratoires de fabrication <u>illicite</u> de cocaïne ont été démantelés en moyenne chaque année dans le pays ; en 2018, 1 004, soit environ 2 200 de moins que l'année précédente, l'ont été. Presque tous les laboratoires <u>clandestins</u> démantelés se trouvaient dans les départements de Cochabamba et de Santa Cruz. Si le nombre de laboratoires de fabrication <u>illicite</u> de cocaïne démantelés a fortement diminué en 2018 par rapport à 2017, celui des laboratoires de cristallisation <u>illicite</u> de cocaïne démantelés a augmenté de 33% et celui des laboratoires de recyclage des produits chimiques

Аутентичный текст			
Русский [10]	Английский [11]	Испанский [12]	Французский [13]
веществ, используемых при <u>незаконном</u> изготовлении кокаина, – на 45 процентов		las sustancias químicas utilizadas en la fabricación <u>ilícita</u> de cocaína aumentó en un 45%	utilisés dans la fabrication <u>illicite</u> de cocaïne a augmenté de 45%
609. В условиях продолжающегося роста <u>подпольного</u> изготовления метамфетамина в Мьянме важной страной транзита метамфетамина, предназначенного для других стран региона Меконга, стала Лаосская Народно-Демократическая Республика	609. With the continuing growth of <u>illicit</u> methamphetamine manufacture in Myanmar, the Lao People's Democratic Republic has become an important transit country for methamphetamine destined for other countries in the Mekong region	609. Por el aumento constante de la fabricación <u>ilícita</u> de metanfetamina en Myanmar, la República Democrática Popular Lao se ha convertido en un importante país de tránsito de la metanfetamina que va destinada a otros países de la región del Mekong	609. Du fait de l'augmentation continue de la fabrication <u>illicite</u> de méthamphétamine au Myanmar, la République démocratique populaire lao est devenue une importante zone de transit du trafic à destination d'autres pays du bassin du Mékong
658. ... и ликвидирована одна <u>подпольная</u> лаборатория по производству синтетических наркотиков	658. ... and the dismantling of one <u>illegal</u> laboratory manufacturing synthetic drugs	658. ... y el desmantelamiento de un laboratorio <u>ilegal</u> dedicado a la fabricación de drogas de síntesis	658. ... et sur le démantèlement d'un laboratoire <u>clandestin</u> de fabrication de drogues synthétiques

Из таблицы видно, что в текстах англоязычного, франкоязычного и испаноязычного текстов Доклада Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год о наркотиках в отношении нарколабораторий использованы термины, которые переводятся как «тайная», «незаконная», «нелегальная», «противозаконная» (выделены в таблице подчеркиванием). При этом в русском тексте того же самого документа использован термин «подпольная». Общие правила подготовки и опубликования документов подобного рода предполагают полную аутентичность каждого из переводов. Между тем у правоприменителя возникает вопрос относительно смысловой нагрузки термина «подпольная».

И если термины «тайный» и «нелегальный» имеют значение, характеризующее высокий уровень конспиративности мест наркопроизводства, то термины «незаконный» и «противозаконный» отражают правовой режим существования данных лабораторий. К какой лексико-семантической группе относится термин «подпольная», использованный в столь официальном документе, правоприменителю остается только догадываться.

Рассматривая разнообразие мест изготовления наркотиков, в тексте Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РФ определяется, что местом изготовления синтетических наркотических средств являются подпольные лаборатории, которые могут быть организованы на квартирах, дачах, в общежитиях, научно-исследовательских институтах, на заводах, в том числе и на химических производствах, при этом «... центральным криминалистическим звеном в процессе изготовления синтетических наркотических средств является подпольная лаборатория по производству наркотических средств, которой, как правило, является помещение (или его часть), специально приспособленное для осуществления неправомерного химического синтеза какого-либо конкретного наркотического средства, его отдельного компонента или получение новых наркотических средств (ранее неизвестных) с целью сбыта или личного потребления» [5, с. 3].

Криминалистическое значение определения места изготовления или производства наркотиков в лабораторных условиях достаточно велико. Так, место совершения преступления является одним из обстоятельств совершения преступления, подлежащим установлению по каждому уголовному делу (в

соответствии с ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Подобное обстоятельство может быть установлено в ходе производства судебной химико-технологической экспертизы [15, с. 8-10]. Экспертом подвергается исследованию вся совокупность оборудования, реактивов, прекурсоров и т.п., использовавшихся в совокупности с основным реактором (сосудом). Местонахождение реакционного сосуда (реактора, колбы, сосуда и т.п.), в котором образуется основной продукт химического синтеза, определяет и место совершения преступления – производства (изготовления) наркотиков. Таким образом экспертом может быть установлено и конкретное место совершения преступления [3].

Оценивая общие принципы деятельности незаконной нарколаборатории, следует отметить, что по крайней мере в теории они достаточно просты. Химические вещества смешиваются вместе в контейнере, в котором происходит реакция, с нагревом или без него, охлаждением, либо при давлении, с применением катализаторов или второстепенных веществ. По истечении определенного периода времени химическая реакция завершается, и желаемый (либо промежуточный) продукт синтезируется. Безусловно, на практике этот процесс представляется гораздо более сложным [4, с. 26-37].

Определяя место противозаконного изготовления или производства наркотиков Верховный Суд Российской Федерации в тексте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъясняет, что под местом производства наркотических средств и психотропных веществ понимается изготовление наркотиков в приспособленном для этих целей помещении. Таким образом, места незаконного изготовления и производства психоактивных веществ должны иметь особое оснащение и приспособленность для выполнения противозаконных.

По вопросу определения основного содержания термина следует согласиться с подходом авторов пособия, которые дают следующее определение её назначения: «подпольная лаборатория по производству наркотических средств и психотропных веществ – это законспирированное помещение, оснащенное промышленным

оборудованием или кустарными приспособлениями, с помощью которых проводится химико-технологический процесс экстрагирования (выделения), перегонки, очистки или синтеза наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, а также их хранение, расфасовка, упаковка и другие действия с целью незаконного оборота» [16].

Приводя толкование данного понятия, авторы пособия соотносят осуществляемое в лаборатории производство с нормами уголовного права, в соответствии с которыми процесс изготовления наркотиков является химико-технологическим процессом и сопровождается различными стадиями, включающими как непосредственное изготовление (синтез) с очисткой и выделением готовой продукции, так и этапы реализации этой продукции (как мелкими, так и крупными партиями). И, как видно из приведенного определения, центральным звеном незаконного химико-технологического процесса является противоправное изготовление (синтез) психоактивных веществ, определяющее место изготовления (производства) наркотиков.

И все же следует отметить, что далеко не во всех случаях производство наркотиков осуществляется в «подпольных» (буквально) условиях. Указание на нахождение места изготовления наркотиков под полом какого-либо здания или строения, то есть в подвале, применимо лишь к единичным лабораториям.

На наш взгляд, термин «подпольный» по отношению к какой-то незаконной и криминальной деятельности возник в России во второй половине XIX – начале XX века в связи с распространением в те годы отпечатанной в действовавших нелегально типографиях экстремистской литературы. Подобные типографии выпускали революционные, экстремистские полиграфические материалы. «Подпольная типография» означало деятельность, осуществляемую тайно, нелегально и противозаконно, в законспирированном месте. Согласно одноименной статье Большой советской энциклопедии – «в дореволюционной России бесцензурные издания главным образом антисамодержавного – революционного и демократического направления, печатавшиеся в Российской империи в IX-начале XX вв». [17].

Согласно Своду законов Российской Империи [18] второй половины XIX – начала XX века, открытие и содержание типографии для печати полиграфической литературы и иных изданий (газет, журналов и т.п.) относилось к торговому роду деятельности (п. 5 ст. 295 ч. II т. 11 «Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный»), при этом законное занятие подобной деятельностью было возможно исключительно с «дозволения» Департамента исполнительной полиции (п. 16 ст. 1204 и ст. 1367 т. 1 «Основные государственные законы. Учреждения государственные»). Открытие же типографии без подобного разрешения влекло соответствующее уголовное наказание (ст. 1373 т. 15 «Законы уголовные»). Кроме того, в типографиях разрешалось печатать исключительно «одобренные цензурою» книги (п. 5 ст. 1366 т. 1 «Основные государственные законы. Учреждения государственные») и ст. 25 т. 14 «Уставы о паспортах, о предупреждении преступлений, о цензуре, о содержащихся под стражею, и о ссыльных»).

Таким образом в подобных подпольных типографиях печатались материалы, не одобренные контролирующими органами, материалы, подпадающие под действие запрещающих императивных норм действовавшего в то время Свода законов.

Отметим явную семантическую корреляцию характеристик «подпольных» нарколабораторий, о которых упоминается в рассмотренных выше русскоязычных текстах Организации Объединенных Наций и деятельности экстремистских организаций России второй половины XIX-начала XX века. Указание на «подпольность» осуществления обоих типов противозаконной деятельности, вероятнее всего, предоставляет русскоязычному читателю возможность эмоционального «узнавания» знакомых со школьной скамьи черт. Между тем подобные подходы неприменимы к официальным юридическим документам, стиль которых должен в корне отличаться от публицистического или художественного стилей, изобилующих аналогичными эпитетами. Необходимо отметить, что в тексте русского перевода упомянутого документа ООН термин «подпольная» не имеет кавычек, то есть представлен укоренившейся в правовом обиходе лексической конструкцией.

Оснащение и степень совершенства обустроенных преступниками лабораторий, уникальность их химико-технологического оборудования для производства конкретных психоактивных веществ и их прекурсоров, многостадийность осуществляемого синтеза, в своей совокупности, приобретают особое, важное значение для обоснования определения данного понятия. Именно по этой причине автор является сторонником использования термина «нарколаборатория» как наиболее точно отвечающего приведенным характеристикам, избегая термина «подпольная». На противозаконный характер проводимого в нарколаборатории процесса может указывать слово «незаконный» или «криминальный». На наш взгляд, подобная позиция коррелируется с международно-правовыми подходами, излагаемыми в текстах опубликованных документов Организации Объединенных Наций, цитаты из которых представлены выше.

Еще одним термином, справедливо применяемым авторами пособия ВИПК МВД России [16] для описания нарколабораторий, является термин «законспирированная». Очевидно, что авторами указывается на неочевидность места ее расположения для сторонних наблюдателей, проживающих или работающих неподалеку граждан, правоохранительных органов. Преступники, обустроенные лабораторию, стремятся сделать раскрытие её местонахождения невозможным. Таким образом, на наш взгляд, термин «законспирированная» как нельзя лучше подходит к описанию подобного места изготовления или производства психоактивных веществ.

Между тем в научной литературе по рассматриваемой проблематике встречается и иное мнение. Так, О.Н. Корчагин и А.П. Севрюков подвергают критике современные терминологические конструкции, привычно используемые многими юристами: «С авторами рассмотренных трактовок понятий «подпольная лаборатория» или «нарколаборатория» можно поспорить, так как все они включают в эти понятия только кажущиеся, на их взгляд, особенности. Например, законспирированное помещение, а почему оно законспирированное? Исследуя настоящую проблему, мы пришли к выводу,

что в подавляющем большинстве случаев эти химические лаборатории не были таковыми, и т.д.» [19, с. 7-14].

На наш взгляд, при подготовке цитируемой статьи авторы исследовали проблему нарколабораторий и знают не понаслышке принципы конспирации преступниками мест незаконного изготовления и производства синтетических наркотиков. Однако, на наш взгляд, загроуляя значимость результатов оперативно-розыскной деятельности органов наркоконтроля (на момент написания критикуемой статьи деятельность осуществляли органы наркоконтроля как ФСКН России) и органов внутренних дел по раскрытию и ликвидации криминальных нарколабораторий различного уровня, эти авторы рассматривают изготовление и производство наркотиков с достаточно формальных криминалистических и криминологических позиций.

Действительно, преступная деятельность по созданию и

администрированию нарколаборатории, включая приискание химико-технологического оборудования, прекурсоров и реактивов, настройку данного комплекса в единую цепь синтеза психоактивных веществ, с учетом вполне реальной расшифровки этой деятельности со стороны правоохранительных органов или граждан, – способен осуществить далеко не каждый преступник (организатор преступной группы, сообщества), подготавливающий подобное умышленное преступление.

В обоснование критики терминологии лабораторий авторами статьи приводятся данные о результатах работы органов внутренних дел и органов наркоконтроля Российской Федерации с 2012 по 2014 год (табл. 2). Очевидно, что приведенные цифровые показатели представляют собой статистические сведения, полученные исходя из различных методик подсчета разными правоохранительными органами.

Данные о количестве выявленных мест незаконного производства, изготовления и переработки наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в том числе специально оборудованных химических лабораторий
[19, с. 7-14]

Таблица 2

Наименование показателя	2012 г.			2013 г.			2014 г.		
	Всего	ФСКН России	МВД России	Всего	ФСКН России	МВД России	Всего	ФСКН России	МВД России
Места незаконного производства, изготовления и переработки НС, ПВ и СДВ	7 287	2 142	5 145	3 556	1 159	2 397	2 864	808	2 053
Специально оборудованные подпольные химические лаборатории	85	53	32	54	31	23	80	47	33

Авторами статьи не учтен тот факт, что для создания более опасной и более оснащенной нарколаборатории преступниками, как правило, выполняется существенно больший по объему комплекс работ, направленный на обустройство лаборатории. Более масштабное изготовление и производство наркотиков требует подбора более квалифицированных кадров для осуществления синтеза и построения химико-технологических цепей. И, естественно, подобное масштабное

производство требует от преступников качественно новых подходов для создания повышенного уровня безопасности самой нарколаборатории. По мнению авторов статьи, обычная лаборатория, обустроенная на кухне квартиры многоэтажного дома, практически ничем не отличается от лаборатории, созданной в корпусе промышленного химического предприятия. Далеко не в каждой лаборатории налажен сбыт фасованных партий наркотиков для розничного сбыта.

Не вызывает сомнений тот факт, что наличие розничного сбыта наркотиков в лаборатории неизбежно порождает расшифровку места расположения криминальной лаборатории вследствие появления вокруг нее наркозависимых лиц, имеющих характерный маргинальный внешний вид.

Между тем «розничный сбыт» в различных по продуктивности нарколабораториях может быть налажен по-разному. Так, например, лаборатории, расположенные в квартирах многоэтажных домов, с мощностью наркопроизводства в 1-10 г психоактивных веществ за 1 синтез, розничным сбытом в 2-20 фасовок с дозами для однократного применения, охватывают, как правило, ближайший круг наркозависимых знакомых лиц, создавших лабораторию. В тщательно законспирированных лабораториях, созданных для изготовления за единый технологический цикл от 5-10 кг и более психоактивных веществ (с соответствующей мощностью наркопроизводства), на базе химических предприятий или фабрик, сбыт осуществляется крупными партиями в виде упаковок по 1 кг и более.

Безусловно, в правоохранительной практике простые нарколаборатории встречаются гораздо более часто, чем сложно устроенные. При этом последние, именно благодаря своей законспирированности, значительно сложнее выявлять. На наш взгляд, термин «законспирированная нарколаборатория» является одной из основных характеристик любого подобного места противоправного наркопроизводства. Такая позиция подкрепляется вышеупомянутыми официальными документами Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций, в которых используется определение «тайные лаборатории». Начало употребления данного термина в международно-правовых документах ООН положено ещё в 1969 году.

В тексте уже упомянутой нами статьи О.Н. Корчагина и А.П. Севрюкова, на наш взгляд, несбалансированной критике подвергается практически каждый термин. Так, например, авторы утверждают, что понятию «нарколаборатория» присущ еще один негативный признак. Приставка «нарко» – это первая или начальная часть сложных слов, обозначающих предметы или явления, имеющие отношение к наркотикам, а в переводе с греческого языка *narke* означает оцепенение или

помрачение сознания. Итак, говоря о нарколаборатории, мы, сами того не зная, говорим о «помрачающей сознание лаборатории», а не о лаборатории, производящей средства и вещества, способные ввести в оцепенение или помрачить сознание человека. Соответственно, и применение такого понятия как минимум должно стоять под вопросом» [19, с. 7-14]. Следуя логике авторов, многие термины, содержащие начальную часть сложных слов «нарко-», могут быть семантически рассмотрены как «нечто, помрачающее сознание». Так, «наркобизнес» может быть с этих позиций рассмотрен как «помрачающий сознание бизнес», «наркоманат» – как «делец (заправила), помрачающий сознание», «наркодоходы» – «помрачающие сознание доходы» и т.п. Становится очевидным, что авторы, на наш взгляд, используют в качестве логической увязки неверные этимолого-семантические конструкции.

В научной зарубежной литературе по проблемам противодействия противозаконному наркопроизводству, кроме приведенных выше, встречаются различные характеристики лабораторий. Так, отдельными документами Организации Объединенных Наций рекомендуется использовать термин «промышленная лаборатория». Под ней понимается «лаборатория по изготовлению синтетических наркотиков, в которой используются крупногабаритное оборудование и/или лабораторная посуда, изготавливаемые по заказу либо закупаемые из промышленных источников, применяются последовательные реакции и в которой за очень короткое время производятся значительные объемы наркотиков, причем объем производства ограничен только наличием достаточного количества прекурсоров и других основных химических веществ, материально-технических средств и работников для работы с крупными объемами наркотиков или химических веществ» [20]. Согласимся с таким научным подходом, но с одной оговоркой, что в нарколабораториях могут не только быть изготовлены синтетические наркотики, но и производиться растительные и полусинтетические психоактивные вещества, а также прекурсоры и иные содержащие наркотики субстанции, осуществляться их переработка с применением различных физико-химических методов.

Следует также признать, что определение «подпольной» лаборатории, данное коллективами авторов пособий [см. 16 и 20], в котором рассмотрены особенности оперативно-розыскной борьбы с производством наркотиков, нуждается в существенной корректировке с учетом описанных выше критических замечаний. Содержание определения должно предполагать описание протекающих в лаборатории процессов с применением уголовно-правовых категорий в сфере изготовления и производства наркотиков, с учетом участвовавших фактов обустройства преступниками нарколабораторий высокого уровня и факультативности признака фасовки изготовленных наркотиков в целях их дальнейшего мелкого и розничного сбыта [3].

В этой связи представляется обоснованным следующее сформулированное автором настоящей статьи определение незаконной нарколаборатории: специально обустроенное законспирированное помещение, его часть, участок местности, где с использованием промышленных или самодельных посуды, реактивов и оборудования осуществляется неправомерный химико-технологический процесс, включающий одно- или многостадийное проведение химических реакций, перегонку, очистку от примесей, переработку, экстрагирование либо иное повышение концентрации действующих веществ, направленный на изготовление (синтез, получение) из химических соединений (либо из природного сырья или материалов) психоактивных веществ либо их прекурсоров. Под психоактивными веществами в данном определении понимаются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, эфиры, изомеры и производные, содержащие их растения, новые потенциально опасные психоактивные вещества и иные субстанции и природные материалы (включая растения и их части), являющиеся предметами злоупотреблений. Таким образом, приведенное определение незаконной нарколаборатории может являться основой для криминалистической характеристики нарколабораторий по изготовлению растительных и полусинтетических наркотиков.

В настоящей научной статье на основе анализа ряда международных и отечественных источников по проблеме исследования предпринята попытка анализа

содержания используемого в правоохранительной практике криминалистического понятия «незаконная нарколаборатория». Содержание данного понятия во многом определяет стратегию противодействия незаконному лабораторному наркопроизводству, осуществляемого органами внутренних дел с применением современных научных и технологических разработок. Именно такой путь борьбы намечен Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года, в ходе реализации которой подлежит решению стратегическая задача совершенствования (с учетом анализа наркоситуации, научных исследований и разработок) нормативно-правового регулирования оборота наркотиков и антинаркотической деятельности [21].

Совершенствование нормативно-правового регулирования правоотношений в сфере контроля за оборотом наркотиков должно осуществляться на направлении корреляции норм как отечественного, так и международного права. Четкое соответствие норм международного и российского права позволит осуществлять борьбу с незаконным производством и изготовлением психоактивных веществ в нашей стране более эффективно. Во многом этому может способствовать развитие языка криминалистики на основе формирования понятийно-терминологического аппарата, уточнения и определения содержания отдельных криминалистических категорий.

1. Доклад международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 год / Официальный сайт УНП ООН. URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2020/Annual_Report/E_INCB_2020_1_rus.pdf (дата обращения: 05.10.2023).
2. Об утверждении формы статистической отчетности о результатах деятельности подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России: приказ МВД России от 1 декабря 2016 г. № 782 (раздел 6 формы 341); Об утверждении форм статистической отчетности «1-НОН» и «5-2»: приказ МВД России от 21 июня 2010 г. № 451 (раздел 2 формы 126) / сформированы с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429.
3. Кузовлев В.Ю. Криминалистическое обеспечение борьбы с незаконным лабораторным наркопроизводством: учебно-методическое пособие. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2021.
4. Кузовлев В. Ю. Незаконная нарколаборатория как уголовно-правовая категория // Вестник ВИПК МВД России. 2020. № 4 (56).
5. Бурданова В.С., Кузьминых К.С. Расследование преступлений о незаконных действиях с наркотическими средствами. Особенности расследования, изготовления синтетических наркотических средств на подпольных производствах и их сбыта: метод. рекомендации. – СПб: ин-т повышения квалификации прокурорско-следственных работников, 1996. Ч. V.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний. Ходячие и меткие слова: сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. – СПб: Изд-во Академии наук Российской Империи, 1896-1912.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. Ст. / совмещ. Ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ; науч. ред. Л. В. Беловинский. 3-е изд., испр. И значительно доп. – СПб, М.: Издание Вольфа, 1909. — [4] с., 1619 стб., XVI, XII с. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
8. Доклад по экономическому и социальному Совету о работе Комитета в 1969 году. Русская версия документа / Официальный сайт УНП ООН // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR1969/AR_1969_R.pdf (дата обращения: 05.04.2023).
9. Доклад по экономическому и социальному Совету о работе Комитета в 1969 году. Английская версия документа / Официальный сайт УНП ООН // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR1969/AR_1969_E.pdf (дата обращения: 05.04.2023).
10. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год. Русская версия документа / Официальный сайт УНП ООН // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Russian_ebook_AR2019.pdf (дата обращения: 06.05.2021).
11. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год. Английская версия документа / Официальный сайт УНП ООН // URL: <https://www.incb.org/incb/en/publications/annual-reports/annual-report-2019.html> (дата обращения: 06.05.2021).
12. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год. Испанская версия документа / Официальный сайт УНП ООН // URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/Spanish_ebookAR2019.pdf (дата обращения: 06.05.2021).
13. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2019 год. Французская версия документа / Официальный сайт УНП ООН. URL:

https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2019/Annual_Report/French_ebook_AR2019.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

14. Щукин А.М., Щукин В.М. К вопросу об обстановке преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: сб. ст. по итогам всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 28 февраля 2013 г.). – Тюмень: ТюмГУ, 2013.

15. Кузовлев В.Ю. К вопросу об установлении экспертным путем обстоятельств изготовления и производства психоактивных веществ // Эксперт-криминалист. 2020. № 3.

16. . Особенности выявления и документирования преступной деятельности лиц, причастных к организации и изготовлению наркотиков в условиях подпольных лабораторий: учеб.-практ. пособие / Кочетова Л.А., Морозов А.В., Пронина Е.Ю. [и др.]. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2014.

17. Подпольная печать // Большая Советская энциклопедия // Портал «Академик» [Электронный ресурс] // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/Подпольная_печать (дата обращения: 02.06.2023).

18. Свод законов Российской Империи. – СПб: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. В 34 т. // Официальный сайт АНО «Руниверс» [Электронный ресурс] // URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/388147/> (дата обращения: 02.06.2023).

19. Корчагин О.Н., Севрюков А.П. К вопросу о совершенствовании правовых механизмов с незаконными химическими лабораториями по производству наркотиков // Вестник СибЮИ ФСИН России. 2015. № 2 (19).

20. Дикарев В.Г., Морозов А.В., Кузовлев В.Ю. Особенности борьбы с незаконным изготовлением и производством синтетических наркотиков в условиях подпольных лабораторий: учеб.-практ. пособие. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2020.

21. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собр. зак-ва РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

Информация об авторе:

В.Ю. Кузовлев,
начальник кафедры противодействия
незаконному обороту наркотиков
Международного межведомственного центра
подготовки
сотрудников оперативных подразделений имени
генерал-лейтенанта милиции А.Н. Сергеева

About the author:

V.Yu. Kuzovlev,
head of the Department of Combating Illicit Drug
Trafficking of the International Interdepartmental Center
for Training of Officers of Operational Units named
after Lieutenant General of Militia A.N. Sergeev

Статья поступила в редакцию 14.12.2023

КАУНОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Всероссийский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России (Московская обл., Россия)

AlexSpb0917@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЭТНИЧЕСКИХ ДИАСПОР

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с ограничением конституционных прав граждан в ходе осуществления гласного обследования по преступлениям, совершенным представителями этнических диаспор. Автором рассматриваются особенности проведения исследуемого оперативно-розыскного мероприятия, проводится анализ участвующих в нём лиц. Исследуются проблемы, связанные с ограничением конституционного права на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также на получение квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова и словосочетания: конституционные права граждан, гласное обследование, оперативно-розыскное мероприятие, преступления этнической направленности, участвующие лица

Для цитирования: Каунов А.В. Ограничение конституционных прав граждан в ходе проведения гласного обследования по преступлениям, совершенным представителями этнических диаспор // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 4(68). – С. 192-196; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-192-196

KAUNOV ALEKSANDR V.

Advanced Training Institute of the MIA of Russia (Moscow region, Russia)

RESTRICTION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS IN THE COURSE OF CONDUCTING A PUBLIC SURVEY ON CRIMES COMMITTED BY REPRESENTATIVES OF ETHNIC DIASPORAS

Annotation. The article deals with problematic issues related to the restriction of the constitutional rights of citizens during the implementation of a public survey on ethnic crimes. The author examines the features of the operational search event under study, analyzes the persons involved in it.

The author of the article examines the problems associated with the restriction of the constitutional right to use the native language, to freely choose the language of communication, education, training and creativity, as well as to receive qualified legal assistance.

Key words and word combinations: constitutional rights of citizens, public examination, operational search event, ethnic crimes, participating persons

For citation: Kaunov A.V. Restriction of the constitutional rights of citizens in the course of conducting a public survey on crimes committed by representatives of ethnic diasporas // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. – 2023. – № 4(68). – P. 192-196; doi: 10.29039/2312-7937-2023-4-192-196

Противодействие этнической преступности, в том числе осуществляемой в организованной форме, является одним из приоритетных направлений работы сотрудников

оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации (далее – оперативные сотрудники ОВД).

Вместе с тем исследователями-криминологами постоянно предпринимаются попытки дачи криминологической характеристики феномену этнической преступности. Так, А.П. Писаренко отмечает, что «в российском законодательстве отсутствует легальное понятие «этническая преступность», но употребляется понятие «этнические преступные группировки», под которыми последний понимает «группы, сообщества (организации), представляющие собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, то есть объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований)», добавляя при этом, что отнесение «преступной группировки к этнической не определяется однородностью её национального состава, он может быть и смешанным. Этническая принадлежность определяется этносом, занимающим в ней лидирующее положение» [1, с. 84-85].

Сложность документирования оперативными сотрудниками ОВД преступлений с этнической окраской обусловлена рядом факторов:

- возможностью представителей этнических диаспор во многих случаях беспрепятственно покидать пределы Российской Федерации, а также беспрепятственно возвращаться на территорию Российской Федерации, используя, в том числе, подложные документы, видоизменяя свои установочные данные;

- так называемым «языковым барьером», когда лица из числа представителей этнических диаспор общаются друг с другом на этническом языке (кроме того, в рамках одной национальной группы возможно существование различных диалектов, в силу чего представители одной национальности могут не понимать язык друг друга), что делает проблематичным перевод диалогов вышеуказанных лиц в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ);

- отсутствием у представителей этнических диаспор во многих случаях регистрации на территории Российской Федерации либо наличием фиктивной регистрации (фиктивной постановки на миграционный учёт) на территории Российской Федерации;

- дерзостью и изощрённостью совершаемых представителями этнических диаспор преступлений;

- общественным резонансом и широкой оглаской в средствах массовой информации совершаемых представителями этнических диаспор преступлений;

- менталитетом представителей этнических диаспор, который характеризуется, в том числе, национальным единством лиц, прибывших из других государств и объединённых общим языком, культурой, национальными традициями и др.

Одним из ОРМ, позволяющих эффективно документировать преступления, имеющие этническую окраску, является гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – гласное обследование). Проведение гласного обследования регламентировано ведомственным нормативным правовым актом – Инструкцией, утверждённой приказом МВД России от 01.04.2014 № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»¹ (далее – Инструкция).

Несмотря на то, что в практической деятельности оперативных сотрудников ОВД широкое распространение получило гласное обследование жилых помещений, в настоящее время порядок его осуществления не регламентирован в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах. В п. 1 Инструкции содержится соответствующая оговорка, что её действие не распространяется на обследование жилых помещений.

---

¹Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 (ред. от 17.04.2017).

Гласные обследования по преступлениям, совершенным представителями этнических диаспор, проводятся, как правило, по месту жительства, работы, в транспортных средствах лиц из числа представителей этнических диаспор.

Проблемным вопросом при осуществлении гласного обследования, в том числе в жилых помещениях, является соблюдение конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированного ст. 48 Конституции Российской Федерации.

Статья 49 УПК РФ подробно регламентирует уголовно-процессуальный статус защитника, условия привлечения его к участию в следственных действиях. Вместе с тем в Законе об ОРД и Инструкции отсутствует упоминание об обязательности участия в проведении ОРМ защитника, условиях его привлечения к участию в осуществлении мероприятия. О необходимости предоставления лицам, в отношении которых проводятся гласные ОРМ, квалифицированной юридической помощи, не раз отмечалось в научных трудах А.Е. Чечётина [2, с. 128-129; 3, с. 33; 4, с. 148]. Имеющийся пробел оперативно-розыскного законодательства и ведомственного нормативного правового акта способствует произвольному толкованию оперативными сотрудниками ОВД условий предоставления защитника лицу, в отношении которого проводится рассматриваемое ОРМ. Ссылаясь на отсутствие какого-либо уголовно-процессуального статуса у лица, в отношении которого проводится гласное обследование, оперативные сотрудники ОВД достаточно часто отказывают последнему в предоставлении квалифицированной юридической помощи. Представляется, что лицу, в отношении которого проводится гласное обследование, нельзя отказывать в возможности вызова защитника (адвоката) для участия в проведении ОРМ, а также обеспечении присутствия последнего в ходе проведения мероприятия. Вместе с тем осуществление гласного обследования не должно прерываться вследствие ожидания прибытия лица, предоставляющего квалифицированную юридическую помощь.

Одним из проблемных вопросов проведения гласного обследования в отношении вышеуказанной категории лиц является предоставление им возможности пользоваться услугами переводчика. Особенно остро данная проблематика затрагивает проведение рассматриваемого ОРМ в жилом помещении, в ходе которого ограничивается конституционное право гражданина на неприкосновенность жилища. В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ¹ (далее – Закон об ОРД) и в Инструкции не содержится нормы, регламентирующей обязательность участия переводчика в рассматриваемом ОРМ, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ² (далее – УПК РФ), в ст. 59 регламентирующего участие переводчика в уголовном процессе. Вместе с тем представляется участие лица, свободно владеющего языком, знание которого необходимо для перевода, обязательным при проведении гласного обследования в отношении представителей этнических диаспор, даже если лицо понимает русский язык. Предоставление лицу, в отношении которого проводится ОРМ, переводчика будет способствовать эффективному проведению гласного обследования, соблюдению гарантированного ч. 2 ст. 26 Конституции Российской Федерации³ права на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Несмотря на отсутствие активной дискуссии среди ученых, занимающихся исследованием проблем в сфере оперативно-розыскной деятельности, относительно участия переводчика в проведении ОРМ, данная проблематика является одной из значимых при документировании оперативными сотрудниками ОВД преступлений, совершенных представителями этнических диаспор.

Представляется, что вызов и обеспечение переводчика для участия в проведении гласного обследования должны быть схожими с процедурой вызова и предоставления лицу, в

---

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

отношении которого проводится ОРМ, защитника (адвоката), оказывающего квалифицированную юридическую помощь.

Несмотря на отсутствие уголовно-процессуального статуса у переводчика, привлекаемого к участию в ОРМ, представляется целесообразным разъяснение ему оперативными сотрудниками ОВД его прав по аналогии с УПК РФ, в частности:

- задавать вопросы участникам ОРМ в целях уточнения перевода;
- знакомиться с итоговым документом гласного обследования, в котором он участвовал, делать замечания по поводу правильности записи перевода, которые подлежат занесению в итоговый документ;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения оперативных сотрудников ОВД, ограничивающие его права;

Кроме того, необходимо предупредить переводчика о том, что он не вправе:

- осуществлять заведомо неправильный перевод;
- разглашать данные, ставшие ему известными в результате участия в проведении гласного обследования.

Учитывая, что вышеуказанные права и правовые ограничения свойственны уголовно-процессуальным отношениям, а уголовная ответственность предусмотрена за нарушение уголовно-процессуальных норм, данный инструктаж переводчика перед проведением ОРМ носит, скорее, рекомендательный характер.

В целях создания единой правоприменительной практики необходимо на законодательном уровне закрепить возможность привлечения к участию в проведении ОРМ переводчика, свободно владеющего языком, знание которого необходимо для перевода.

В ходе проведения гласного обследования в отношении представителей этнических диаспор, в отношении которых имеется информация о фиктивной постановке на миграционный учёт (регистрации) либо вообще об отсутствии регистрации по месту пребывания (жительства) на территории Российской Федерации, оперативным сотрудникам ОВД целесообразно привлекать в качестве участвующих лиц сотрудников подразделений по вопросам миграции органов внутренних дел. Последние в ходе участия в проведении гласного обследования, при проверке документов у лица, в отношении которого проводится ОРМ, могут выявить состав административного правонарушения или преступления в сфере миграционного законодательства. Участие сотрудников подразделений по вопросам миграции органов внутренних дел в проведении гласного обследования при наличии соответствующей информации о незаконности либо нарушении правил регистрации лица, представляющего оперативный интерес, на территории Российской Федерации, будет способствовать эффективному решению стоящих перед оперативными сотрудниками ОВД оперативно-тактических задач, позволит применять в отношении указанных лиц меры не только уголовного, но и административного характера, включая административное выдворение за пределы Российской Федерации.

Существующие проблемные вопросы, связанные с документированием преступлений, совершенных представителями этнических диаспор, оперативными сотрудниками ОВД, в ходе которого ограничиваются конституционные права граждан, свидетельствуют о необходимости совершенствования правового регулирования гласного обследования путем внесения изменений в Закон об ОРД и ведомственную Инструкцию. Правовое регулирование гласного обследования жилых помещений нуждается в детальном рассмотрении исследователями оперативно-розыскной науки совместно с представителями оперативных подразделений органов внутренних дел по причине ограничения в ходе проведения данной разновидности ОРМ конституционного права граждан на неприкосновенность жилища, сопровождающегося в большинстве случаев получением соответствующего решения суда, разрешающего оперативным сотрудникам ОВД проникать в жилое помещение.

1. Писаренко А.П. Феномен «этническая преступность» и его криминологическо-социологическая характеристика // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2 (24).
2. Чечётин А.Е. Актуальные проблемы обеспечения прав личности в оперативно-розыскной деятельности уголовного розыска // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49).
3. Чечётин А.Е. Право на достоинство личности и оперативно-розыскная деятельность // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1.
4. Чечетин А.Е., Анохин Ю.В., Шатохин И.Д. Некоторые проблемы применения гласного наблюдения в оперативно-розыскной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33).

Информация об авторе:

А.В. Каунов,
преподаватель кафедры оперативно-
розыскной деятельности органов внутренних
дел
Международного межведомственного
центра подготовки сотрудников
оперативных подразделений имени генерал-
лейтенанта милиции
А.Н. Сергеева

About the author:

A.V. Kaunov,
Teacher of the Department of Internal Affairs of
the Department of Internal Affairs of the
Department

Статья поступила в редакцию 11.12.2023